

Яковенко, В. И.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Яковенко

Съ портретомъ Т. Г. Шевченко, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39.

1894

PG 3948
P57653

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Декабря 1893 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Отъ автора	5

ГЛАВА I.

Шевченко—крѣпостной.

(1814—1838 г.).

Семья: отецъ, дѣдъ.—Раннее дѣтство.—Мачиха.—Истязанія.—Ученіе грамотѣ и снова истязанія.—«Школяръ-попыхачъ». — Въ поискахъ за учителемъ маляромъ.—Неожиданная переѣздна: поваренокъ, а затѣмъ—комватный казачекъ.—Призваніе одерживаетъ первую побѣду.—Шевченко въ обученіи малрному искусству и живописи.—Первая любовь.—Въ Петербургѣ.—Знакомство съ Сошенко.—Юноша попадаетъ въ среду просвѣщенного общества.—Работа надъ собственнымъ образованіемъ.—Ужасающая дисгармонія.—Вторая побѣда призванія.—Свобода. 7

ГЛАВА II.

На свободѣ: поэтъ и художникъ.

(1838—1846 г.).

Въ академіи художествъ.—Нужда и свѣтское общество.—Украинская муза.—Первыя произведенія: «Кобзарь» и «Гайдамаки».—Отношеніе критики и общества.—Званіе свободнаго художника.—На родину.—Восторженная встрѣча.—Темная сторона: «мочеморды» и крѣпостники.—Свѣтлая сторона: княжна Репнина; *киевскій кружокъ молодежи*.—Повѣдка въ Кирилловку.—Стихотвореніе «*До мѣтвыхъ и живыхъ*» и т. д. Жизнь въ *Кіевѣ*.—Предположенная повѣдка за границу.—Кирилло-Меѣодіевское братство 27

ГЛАВА III.

Въ ссылкѣ: поднадзорный солдатъ.

(1847—1857 г.).

Арестъ. — Резолюція — Орская крѣпость. — Начальство. — Ссылные поляки. — Тоска. — Аральская экспедиція. — Сравнительная свобода. — Шевченко въ роли раскольниковъго попа. — Оренбургъ. — Улыбнувшееся унтеръ-офицерство. — „Рыбье хладнокровие.“ — Довось. — Новопетровское укрѣпленіе. — Пустыня. — „Образцовый фрунтовики“. — Подвергался-ли Шевченко тѣлесному наказанію? — Перемѣна. — Офицерское общество. — „Душа общества“. — Комендантша. — Хлопоты. — Освобожденіе 47

ГЛАВА IV.

По возвращеніи изъ ссылки.

(1857—1861 г.).

Поэзія и живопись. — Невольная задержка въ Нижнемъ-Новгородѣ. — Свиданіе съ Щепкинымъ. — Піунова. — Въ Петербургѣ. — Настроеніе. — Ольдриджъ. — Бездѣятельность. — У сестры. — Арестъ. — Трехнедѣльное пребываніе въ Кіевѣ. — Снова въ Петербургѣ — Злоба дня: усадьба на берегу Днѣпра и невѣста. — Освобожденіе родныхъ отъ крѣпостной зависимости. — Второе изданіе „Кобзаря“. — Заботы о народномъ просвѣщеніи. — Букварь. — Смерть . . . 68

ГЛАВА V.

Шевченко, какъ поэтъ и художникъ.

Мнѣнія нѣкоторыхъ писателей. — Что такое великій народный поэтъ? — Содержаніе поэзіи Шевченко. — Отношеніе народа къ его личности. — Шевченко, какъ художникъ. 86

ОТЪ АВТОРА.

Какъ ни многочисленны кажутся матеріалы, собранныя для біографіи Шевченко, но при общей обработкѣ ихъ получаются большіе пробѣлы. Цѣлыя періоды жизни поэта остаются иногда весьма слабо выясненными, а на ряду съ этимъ встрѣчаются отдѣльныя замѣтки, цѣлыя страницы, посвященныя самымъ незначительнымъ эпизодамъ. Матеріалы эти за немногими исключеніями носятъ очевидно случайный характеръ. Никто не позаботился въ свое время собрать все необходимое по заранѣе обдуманному плану. Конечно, вина падаетъ преимущественно на ближайшихъ друзей Шевченко. Но, увы, многіе изъ нихъ еще при жизни поэта, въ годину его тяжелыхъ испытаній, показали, какіе они были друзья... А нашлись и такіе, которые уже послѣ смерти его рѣзко повернули свой фронтъ. Такимъ образомъ, однихъ не стало, другіе измѣнили... И жизнь человѣка, о которомъ еще критикъ шестидесятихъ годовъ сказалъ, что рассказы о судьбѣ такихъ людей должны получать самую широкую извѣстность, не можетъ быть обрисована съ надлежащей полнотой. Тѣмъ затруднительнѣе было положеніе автора настоящаго біографическаго очерка. Всякій сжатый очеркъ, имѣющій въ виду характернѣйшіе моменты въ жизни человѣка, опирается обыкновенно на обстоятельное и детальное изслѣдованіе, въ которомъ только и возможна критическая оцѣнка разнороднаго, случайнаго матеріала. Но по отношенію къ Шевченко, повторяю, такого именно изслѣдованія мы и не имѣемъ до сихъ поръ. Кромѣ того мы наталкивались еще и на затрудненія иного рода, едва-ли, впрочемъ, интересныя для скромнаго читателя. Въ виду всего этого авторъ не можетъ взять всецѣло на себя отвѣтственность за неполноту въ однихъ случаяхъ, недостаточное освѣщеніе въ другихъ различныхъ сторонъ жизни и дѣятельности нашего народнаго поэта. *Мнѣ остается еще замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ малорусскія цитаты переведены на обще-литературный языкъ, за исклю-*

ченіемъ отрывковъ изъ стихотвореній Шевченко и еще нѣкоторыхъ выдержекъ.

Вотъ главнѣйшіе источники, которыми авторъ пользовался при составленіи предлагаемой біографіи:

1) Автобіографія, написанная Шевченко для журнала «Народное чтеніе».

2) Дневникъ за 1857—1859 г.

3) Письма (напечатанныя) къ Залескому, М. Лазаревскому, Я. Кухаренко, М. Щепкину, С. Артемовскому, А. Казачковскому, Н. Осипову, Г. Тарновскому, С. Сираковскому, Маркевичу, П. Кулишу, Репниной, В. Шевченко и др.

4) Кобзарь. Т. Г. Шевченко.

5) Поэмы, повѣсти и рассказы Т. Г. Шевченко, писанныя на русскомъ языкѣ.

6) Воспоминанія о Т. Г. Шевченко А. Чужбинскаго, Н. Костомарова, С. Тургенева, М. Микѣшина, Н. Усковой, и др.

7) Украинско-Славянское общество (докладъ шефа жандармовъ Орлова въ Русс. Арх. 1892 г.).

8) На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира Н. Д. Н.

9) Первые четыре года ссылки Шевченко. Н. Стороженко.

10) Шевченко въ ссылкѣ. Е. Гаршина.

11) Тарась Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ. А. Родзевича.

12) Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченко. А. Лазаревскаго.

13) Жизнь и произведенія Тараса Шевченко, М. Чалаго.

14) Шевченко, его жизнь и произведенія. Пискунова.

15) Т. Г. Шевченко, Г. Н. Кулабки.

16) Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ, В. Маслова.

17) Литературное наслѣдіе, Н. Костомарова.

18) Очерки Исторіи Украинской литературы XIX столѣтія, Н. Петрова.

19) Исторія новѣйшей русской литературы, А. Скабичевскаго.

20) Сочиненія Добролюбова, т. III.

21) Русскія сочиненія Шевченко, А. Пыпина, статья въ «Вѣстникѣ Европы».

22) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, В. Семевскаго.

23) Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати
Т—ий.

24) Разныя мелкія замѣтки, помѣщенныя въ «Кіевской Старинѣ».

ГЛАВА I.

Шевченко—крѣпостной.

(1804—1838 г.).

Семья: отецъ, дѣдъ.—Раннее дѣтство.—Мачиха.—Истязанія.—Ученіе грамотѣ и снова истязанія.—„Школяръ-попыхачъ“.—Въ поискахъ за учителемъ маляромъ.—Неожиданная перемѣна: поваренокъ, а затѣмъ—комнатный казачекъ.—Привзаніе одерживаетъ первую побѣду.—Шевченко въ обученіи малярному искусству и живописи.—Первая любовь.—Въ Петербургѣ.—Знакомство съ Сошенко.—Юноша попадаетъ въ среду просвѣщеннаго общества.—Работа надъ собственнымъ образованіемъ.—Ужасающая дисгармонія.—Вторая побѣда призванія.—Свобода.

Это было въ самомъ концѣ царствованія Александра Павловича, а можетъ быть и въ первые дни вступленія на престолъ Императора Николая I. Событіе, о которомъ я хочу напомнить, происходило въ деревнѣ Кирилловкѣ, Каневского уѣзда. Впрочемъ какое же это событіе? О немъ знали только Кирилловцы. Это не событіе, а обыденная «мелочь жизни» или скорѣе «мелочь смерти». Такъ казалось, но не такъ оно оказалось. Въ одной бѣдной, старой, бѣлой хатѣ съ потемнѣвшей соломенной крышей, и чернымъ «дымаремъ» умиралъ старый Шевченко. Покорно несшій свою долю, крѣпостной «хлѣборобъ» такъ и умеръ бы незамѣченный ни современниками, ни потомствомъ, если-бы босоногій мальчуганъ, тутъ же всхлипывающій подлѣ смертнаго одра, не сталъ знаменитостью. Тогда вспомнили о знаменательныхъ пророческихъ словахъ, сказанныхъ отцомъ по адресу необыкновеннаго сына. Умиравшій Шевченко оставлялъ дѣтей круглыми сиротами и притомъ на рукахъ нелюбящей мачихи; нужно было заблаговременно подѣлать между ними разное добро. И вотъ, когда очередь дошла до сына Тараса, онъ сказалъ: «сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно; онъ не будетъ какимъ нибудь человѣкомъ: изъ него выйдетъ или что нибудь очень хорошее, или большой негодай; для него мое наслѣдство или ничего не будетъ значить, или ничего не помо-

жетъ». Тарасу было тогда всего лишь 11 лѣтъ, но пронизательный глазъ отца видѣлъ въ немъ что-то необычайное. Чтобы видѣть дѣйствительность, чтобы провидѣть истинное дарованіе, нужно было имѣть самому не «какойнибудь» глазъ; рѣзкій же переходъ отъ «очень хорошаго» до «большаго негодяя» совершенно естествененъ въ устахъ человѣка, прекрасно понимавшаго, до чего можетъ дойти всякій даровитый юноша въ положеніи крѣпостнаго. Въ семьѣ Шевченко была еще одна замѣчательная личность: столѣтній дѣдъ, современникъ гайдаматчины, лично знавшій главныхъ дѣятелей этой кровавой народной расправы; и у этого дѣда «слово за словомъ сміялось, лилось», а «столитніи очи, якъ зори сіяли», когда онъ по просьбѣ Тарасова отца начиналъ рассказывать про дѣла минувшихъ дней. Слово лилось, сміялось, а собравшіеся въ хату сосѣди вѣжили отъ страха и жалости; «и мени, малому (говорить про себя Тарасъ) не разъ довелось за тытара плакать; и никто не бачывъ, що мала дытына у куточку плаче». Дѣдъ умеръ въ 40-хъ годахъ 115 лѣтъ; слѣдовательно, Тарасъ успѣлъ взять у него все, что только тотъ могъ дать, и онъ въ «Гайдамакахъ» добромъ поминаетъ своего стараго дѣда:

«Спасибѣ, дидусю, що ты заховавъ
Въ голови столитній ту славу казачу:
Я їм онукамъ теперъ розкажавъ».

Объ отцѣ кобзаря мы знаемъ, что онъ былъ человѣкъ грамотный, любилъ читать, охотно пересказывалъ житія святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестія: для своей среды это былъ довольно начитанный человѣкъ. Но къ сожалѣнію этимъ ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о двухъ личностяхъ, въ которыхъ повидимому уже просвѣчивалось великое дарованіе Тараса. Вѣдь и украинскій кобзарь дѣлалъ собственно то-же, что и его дѣдъ: слово у него также — «лилось и сміялось», только аудиторія, слушавшая его, была уже неизмѣримо болѣе обширная... Самъ поэтъ не оставилъ воспоминаній о нихъ; а первые собиратели матеріаловъ для его биографіи не потрудились тотчасъ же выяснитъ всѣ тѣ семейныя условія и тѣхъ личностей, которыя окружали поэта съ колыбели. Въ послѣдствіи было уже невозможно возстановитъ то, о чемъ всѣ позабыли. Матери Тарасъ лишился еще *раньше, чѣмъ отца; этимъ обстоятельствомъ вѣроятно и объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ; что о ней самъ поэтъ нигдѣ не вспоминаетъ, даже въ своихъ явно субъективныхъ*

повѣстяхъ и стихотвореніяхъ, хотя онъ и питаль, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, большую привязанность къ своимъ роднымъ. Собратели-же матеріаловъ совсѣмъ умалчиваютъ о его матери. По наблюденіямъ врача Талько-Грынцевича въ родѣ Шевченко выдѣляется два особыхъ антропологическихкихъ типа. «Одинъ изъ нихъ представляетъ смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе; у другого, напротивъ, тѣло блѣлое, волосы темнорусые, но глаза ясноголубые, ростъ высокій, тѣлосложеніе болѣе умѣренное». «По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, продолжаетъ г. Талько-Грынцевичъ, а во многомъ я могъ убѣдиться лично, въ родѣ Шевченко явно выступаетъ наслѣдственность съ невропатическими вліяніями: случаи мозговыхъ болѣзней въ дѣтствѣ, у значительнаго числа членовъ семейства болѣзнь рефракціи, дальнзорокость съ расходящимся косоглазіемъ, значительное расположеніе при плохомъ питаніи хрусталика къ образованію его помутнѣнія въ раннемъ дѣтствѣ». Эти замѣчанія врача относятся собственно къ послѣдующимъ поколѣніямъ, но глазами напримѣръ страдала уже одна изъ сестеръ Тараса; неустойчивость нервной системы наблюдается до извѣстной степени и у самого поэта. Вообще же Шевченко былъ человѣкомъ плотнымъ, средняго роста, крѣпкаго, почти желѣзнаго здоровья.

Родители Шевченко, какъ крѣпостные крестьяне, принадлежали помѣщику Энгельгардту; этимъ положеніемъ опредѣлялась, конечно, и вся будущая судьба ихъ дѣтей. Человѣкъ, рожденный крѣпостнымъ, могъ быть живописцемъ, музыкантомъ, поэтомъ, могъ быть чѣмъ угодно, но тѣмъ не менѣе онъ оставался крѣпостнымъ своего господина; и чѣмъ даровитѣе онъ былъ, тѣмъ горше, невыносимѣе становилась его жизнь. Чтобы выбиться изъ такого положенія, нужно было обладать не только недюжинными дарованіями, но и желѣзной силой воли и еще, какъ говорится, родиться въ сорочкѣ, т. е. нужны были особенно благопріятныя обстоятельства. Правда, одинъ изъ родственниковъ поэта и близкій къ нему человѣкъ, Варѣоложей Шевченко, выкупился на волю еще въ молодости, но при этомъ ему пришлось продать все свое имущество до-чиста и остаться «убогимъ какъ Лазарь»; какъ человѣкъ даровитый, онъ выбрался и изъ этой второй бѣды, нищеты, и по своему уму и развитію значительно возвысился надъ рядовымъ крестьянствомъ. Григорій-же Шевченко, отецъ поэта, оставалъ своимъ дѣтямъ очень жалкое имущество; матеріальныхъ средствъ для выкупа у нихъ не было ровно никакихъ и только у

одного Тараса душа горѣла тѣмъ особеннымъ огнемъ, который долженъ былъ или вырваться на волю, или натворить великихъ бѣдъ въ неволѣ.

Итакъ, положеніе крѣпостнаго—вотъ что, повидимому, сулила судьба всѣмъ членамъ семьи Григорія Шевченко. Самое большее—онъ могъ еще обучить своихъ дѣтей грамотѣ и ремесламъ; онъ самъ занимался колодезствомъ (колесничествомъ), а дѣдъ былъ швецомъ (сапожникомъ), откуда произошла и самая фамилія Шевченко. Честный отецъ исполнилъ свой долгъ, но тѣмъ не менѣе будущая жизнь дѣтей обрисовывалась въ очень сумрачныхъ краскахъ. Но едва ли дѣти заглядывали далеко въ будущее. Первымъ ударомъ, сдѣлавшимъ ихъ дѣтскую жизнь невыносимо-тяжелой, была смерть родной матери. На рукахъ отца остались дочери: Катерина, Ирина, Марія, и сыновья: Никита, Тарасъ и Осипъ, изъ которыхъ Тарасу, родившемуся въ 1814 г., было въ ту пору около 9 лѣтъ.

Поэтъ родился въ с. Моринцахъ Звенигородскаго уѣзда, Киевской губерніи, но росъ въ с. Кирилловкѣ того же уѣзда, которую и считалъ всегда своей родиной. Что до появленія въ домѣ маичихи жизнь маленькаго Тараса была довольно красна, объ этомъ свидѣтельствуютъ воспоминанія поэта въ повѣсти «Княгиня», имѣющія несомнѣнно автобіографическій характеръ. Вотъ въ какихъ свѣтлыхъ краскахъ рисуется онъ картину своего ранняго дѣтства. ...И вотъ стоитъ предо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшей соломенной крышею и чернымъ дымаремъ, а около хаты, на причилку яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей вѣжной няньки; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуна, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клунею по косогору пойдетъ уже садъ, да какой садъ!.. А за садомъ ливада, за ливадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первую грушею или *яблонею и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: «а что же тамъ за горою? Тамъ*

должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что, еслибѣ пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду, да посмотрю, вѣдь это не далеко». Всталъ и, не задумавшись, пошелъ онъ черезъ долину и ливаду, прямо на гору. И вотъ выходитъ онъ за село, прошелъ царину, прошелъ съ полверсты поле; на полѣ стоитъ высокая черная могила; онъ вскарабкался на могилу, чтобъ съ нея посмотрѣть, далеко ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село; и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая, и тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Мальчуганъ задумался. Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, а завтра вмѣстѣ съ Катрею. И онъ, скатившись кубаремъ съ могилы, всталъ на ноги и пошелъ, не оглядываясь, въ чужое село... На дворѣ уже смеркало, когда я (потому что кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ никто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю черезъ перелазъ на дворъ, а тамъ около хаты на темномъ, зеленомъ бархатномъ шпоришѣ всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечераютъ, а стоятъ себѣ около дверей, подперши голову рукою и какъ-будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я вынулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: «прійшовъ, прійшовъ!» и, подбѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, повнесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечератъ, сказавши: «сидай вечератъ, преблудо!». Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и, улыбаясь, назвала меня опять приبلудомъ...

Но скоро этому «кубическому мальчику» пришлось оставить мечты о желѣзныхъ столбахъ, поддерживающихъ небо, и заботиться больше о томъ, какъ бы вернуться отъ обильно-посыпавшихся на него розогъ. Розга появилась вмѣстѣ съ мачихой. Отецъ Тараса не могъ долго оставаться вдовцомъ со своей многочисленной семьей, причемъ самому меньшему ребенку было всего только полтора года; сама необходимость заставляла его взять въ домъ хозяйку и притомъ не быть особенно разборчивымъ. У женщины, на которой женился вторично Григорій Шевченко, были свои дѣти; они также вошли въ его семью и между сводными братьями и

сестрами завязалась тотчасъ же глухая борьба. «Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми, вспоминаетъ поэтъ, — и не проходило часу безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой». Особенно доставалось отъ послѣдней Тарасу, который «часто тужилъ ея тщедушнаго Степанка». Эти раздоры заронили въ его душу неизгладимое чувство озлобленія противъ случайныхъ пришельцевъ въ его родную семью, а также противъ родного дяди Павла, нерѣдко учинявшаго расправу по просьбѣ мачихи; а съ другой стороны они сблизили гонимыхъ дѣтей; на этой почвѣ выросла, напризмѣръ, глубокая привязанность поэта къ своей сестрѣ Иринѣ, да и вообще ко всѣмъ сестрамъ и братьямъ, о которыхъ онъ заботился до конца дней своихъ.

Одинъ эпизодъ кровавой расправы особенно засѣлъ въ дѣтскихъ головкахъ; его рассказывала эта самая Ирина уже послѣ смерти поэта. Какъ-то разъ у солдата, стоявшаго у нихъ на квартирѣ, пропало три злотыхъ. Солдатъ поднялъ цѣлую бурю; стали искать денегъ. Мачиха, не долго думая, указала на Тараса какъ на виновника пропажи. Принялись за мальчика. Тотъ божился и клялся въ своей невинности; но мачиха одно твердила: «деньги укралъ Тарасъ». Предчувствуя, что этимъ дѣломъ не кончится, Тарасъ убѣждалъ и спрятался на заброшенномъ огородѣ. Онъ просидѣлъ тамъ четыре сутокъ; устроилъ себѣ шалашъ въ кустахъ калины, раскинулъ площадку, усыпалъ ее пескомъ, развлекался стрѣльбой изъ бузиновой пукалки въ мишень и т. д. Сестра Ирина носила ему тайкомъ ѣду и утѣшала его въ одиночествѣ. На пятый день дѣти мачихи открыли убѣжище бѣглеца. Его схватили и привели на допросъ и на этотъ разъ дознаніе было ведено ужъ по всѣмъ правиламъ. Такъ какъ виновный не сознавался, его начали пытать, причемъ главнымъ заправилкомъ и палачомъ выступилъ «великій катюга» дядя Павло. Три дня онъ сѣкъ съ небольшими интервалами мальчика; наконецъ послѣдній не выдержалъ и, чтобы прекратить мученія, сказалъ, что дѣйствительно онъ укралъ деньги. Тогда его развязали и потребовали, чтобы онъ указалъ мѣсто, гдѣ спрятаны деньги. Но что могъ отвѣтить на этотъ вопросъ ни въ чемъ неповинный мальчикъ? Пытка и истязаніе возобновились, но безрезультатно. Бѣдный Тарасъ былъ брошенъ чуть не за жертво. Претензію солдата удовлетворили, *продавши юбку покойной матери. И только впоследствии обнаружилось, что деньги укралъ сынъ мачихи Степанъ и спряталъ ихъ въ дуплѣ старой вербы.*

Отца, повидимому, не было дома во время этих истязаній. Едва ли бы онъ допустилъ ихъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что вскорѣ послѣ этого печальнаго событія онъ отослалъ Тараса учиться грамотѣ къ мѣщанину Губскому. Любопытно, что хотя грамота далась мальчику скоро, но онъ успѣлъ перебивать у нѣсколькихъ учителей и повсюду розги изрядно сыпались на него. Живой и чуткій ребенокъ не выносилъ несправедливости и животнаго обращенія, самовольно бросалъ учителя, а при случаѣ учинялъ даже надъ нимъ расправу и отправлялся искать себѣ другого.

Въ этихъ первыхъ шагахъ по пути грамотности сказались уже характерныя особенности будущаго украинскаго кобзаря, какъ человѣка. Онъ идетъ своимъ собственнымъ путемъ и не знаетъ никакихъ проторенныхъ дорожекъ; ему невѣдомо чувство того особеннаго страха, который приковываетъ человѣка ко всему рутинному и заставляетъ содрогаться при одной мысли отступить отъ завѣщаннаго отцами и дѣдами образа жизни и мысли. Словно какой-то инстинктъ подсказывалъ ему, что каковы бы ни были неудачи и трудности пути, онъ не долженъ смущаться и не долженъ малодушно взваливать всю отвѣтственность на вѣшнія обстоятельства. Дѣйствительно, присмотритесь внимательно къ первымъ шагамъ этого крѣпостнаго оборванца и вы убѣдитесь, что у него была своя путеводная звѣзда, что его взглядъ безсознательно устремлялся къ ней.

Со смертію отца Тарасу, теперь уже круглому сиротѣ, пришлось возвратиться домой; нелюбящая мачиха заставила его пасти телятъ и свиней. Такъ прошло время до зимы. Зимой же, дабы сбыть съ рукъ задорнаго мальчика, его снова отдали въ школу къ сельскому дьячку Бугорскому. Тутъ онъ, вѣстѣ съ другими учениками, подпалъ правильной, регламентированной сѣкуціи. «По субботамъ, рассказывалъ поэтъ, передъ роспускомъ по домамъ, всѣхъ насъ — и правыхъ, и виноватыхъ — сѣкли, причитывая четвертую заповѣдь. Обязанность эту исполнялъ консулъ, т. е. старшій въ классѣ. Я никогда не ходилъ въ отпускъ, но когда сдѣланъ былъ консуломъ, то зажилъ отлично: всѣ мнѣ приносили изъ дому гостинцы, чтобы не болно сѣкъ, и скоро я обратился въ страшнаго взяточника. Кто приносилъ мнѣ довольно, тому давалъ не болѣе одной или двухъ легкихъ розогъ, въ теченіе которыхъ успѣвалъ *скороговоркой* прочитывать обычную заповѣдь; но кто приносилъ мало, или ничего не приносилъ, надъ тѣмъ я съ чувствомъ и разстановкой произносилъ: «помни... день... субботній... и т. д.»»

Въ повѣсти «Княгиня», вспоминая объ этихъ же сѣкуціяхъ, Шевченко говоритъ: «Ну, это бы еще ничего, пускай бы себѣ кормилъ, намъ эта каша была въ обыкновеніе; а то вотъ гдѣ, можно сказать, истинное испытаніе: бѣтъ, бывало, а самому лежать велитъ, да не кричать и, *не борзися*, явственно самому читать четвертую заповѣдь... Бывало, когда дойдетъ до меня очередь, то я уже не прошу о помилованіи, а прошу только, чтобы онъ умилосердился надо мною, велѣлъ меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко...». У этого жестокаго дьячка Тарасъ закончилъ свое образованіе, выучилъ часловець и псалтирь, а священникъ научилъ его писать. Тогда онъ остался при школѣ въ качествѣ «школара-попыхача». Нерѣдко ему со своимъ учителемъ приходилось голодать по нѣсколько дней къ ряду; только одни покойники выручали; если же таковыхъ долго не оказывалось, то они брали «торбу» и «сосудъ скудѣльный» («мы и жидкостями не пренебрегали, какъ-то: грушевымъ квасомъ и проч.») и отправлялись подъ окна воспѣвать «Богомъ избранную». Всѣ полочки за чтеніемъ псалтиря надъ покойниками поступали въ пользу дьячка и тотъ уже отъ щедротъ своихъ удѣлялъ Тарасу пятака на бублики. «Ходилъ я, вспоминаетъ онъ въ «Княгинѣ», постоянно въ сѣренькой дырявой свиткѣ и въ вѣчно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сыпогахъ и помину не было ни лѣтомъ, ни зимой; однажды далъ мнѣ какой-то мужикъ за прочтеніе псалтиря на пришвы ремень, да и тотъ отъ меня учитель отобралъ, какъ свою собственность».

Безконечныя порки и лишенія, лишенія и порки, ожесточили въ конецъ сердце босоногого подростка и онъ покончилъ свои отношенія съ дьячкомъ такъ, «какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія люди—мestью и бѣгствомъ». «Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, рассказываетъ поэтъ въ своей автобіографической замѣткѣ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе—розги и, насколько хватяло дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости».

Здѣсь же въ школѣ Бугорскаго пробудилась у Тараса страсть къ рисованію. Когда ему становилось не въ моготу отъ порока, онъ обыкновенно убѣгалъ и по нѣсколько дней скрывался въ садахъ, причѣмъ запасался бумагой, а при случаѣ не прочь былъ *стащить и пятака у дьячка; изъ бумаги онъ дѣлалъ маленькую «шняжечку и тогдашъ же принимался обводить ее крестами и «визе-вками съ квитками» или списывать «Сковороду»*. Такъ и на

этотъ разъ. Отомстивъ своему мучителю, онъ похитилъ у него книжечку съ кунштыками и бѣжалъ въ с. Лысянку къ малярудьякону. Но черезъ четыре дня онъ снова бѣжить уже въ Стебловъ (Каневского уѣзда), а оттуда въ Тарасовку къ дьячку «хиromanтику», который, посмотрѣвши на его лѣвую руку, призналъ его ни къ чему не годнымъ, «ни даже къ шеству, ни къ бондарству». Этими шатаніями и скитаніями, даже своею вѣшностью, — онъ пересталъ стричься и сшилъ себѣ шапку въ родѣ конфедератки, — Тарасъ обращалъ вниманіе на себя своихъ односельчанъ. Но похищенія его кончились неудачей и онъ долженъ былъ возвратиться домой.

«У меня была въ виду, говоритъ онъ, скромная участь, которой мое воображеніе придавало однако же какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, «пастыремъ стады непорочныхъ». Старшій братъ Никита пробовалъ пріучить его къ земледѣльческому труду. Но ни «пастырство», ни «хлѣборобство» не улыбалось будущему пѣвцу Украины. Его волновали непонятныя для дѣтскаго ума желанія и стремленія къ простору жизни, къ свободѣ, и онъ бросалъ воловъ въ полѣ и уходилъ бродить и мечтать о малярствѣ. Наконецъ, онъ еще разъ рѣшилъ попытать счастья и отправился въ село Хлѣбновку, славившееся своими малярами. На этотъ разъ одинъ маляръ призналъ въ немъ незаурядныя способности и согласился взять его къ себѣ; но Тарасъ былъ крѣпостнымъ, у него не было ни какого разрѣшенія отъ помѣщика, не было и паспорта; поэтому маляръ, боясь отвѣтственности за укрывательство крѣпостнаго мальчика, отправилъ его къ управляющему имѣніями Энгельгардта въ Вильшану, чтобы онъ добылъ себѣ прежде всего необходимое разрѣшеніе.

Судьба, однако, рѣшила иначе. Въмѣсто разрѣшенія заниматься вольнымъ художествомъ, Тарасу было велѣно остаться въ Вильшанѣ и онъ попалъ въ штатъ дворовой челяди, какъ разъ въ это время набравшейся по приказанію молодого помѣщика. Пятнадцатилѣтній юноша, обращающій на себя вниманіе своимъ умнымъ выраженіемъ лица и своею бойкостью, могъ, несомнѣнно, также пригодиться для удовлетворенія многочисленныхъ потребностей пана, жившаго на широкую ногу. Изъ него можно будетъ *выдрессировать добраго лакея* — такъ рѣшилъ управляющій.

Съ этого момента для Тараса наступила новая жизнь. Раньше хотя онъ и рожденъ былъ въ крѣпостничествѣ, однако ему, какъ

ребенку, приходилось страдать больше отъ нищеты и свирѣпой жестокости своей-же среды, чѣмъ отъ произвола своего господина. Горькое сознаніе полной нищеты онъ убаюкивалъ мечтами о лучшемъ будущемъ да пѣсней, а на дикую расправу мачихи и своихъ учителей отвѣчалъ бѣгствомъ. Нѣжная, мягкая природа Украины ласкала ребенка, а «могилы» навѣвали воспоминанія о временахъ былой козацкой славы. Природа, пѣсни и рассказы о далекомъ прошломъ, наконецъ какое-то тайное, непонятное и необъяснимое предчувствіе, надежда даровитой натуры на лучшее будущее—все это смягчало горечь настоящаго. Но теперь дыханіе крѣпостничества дохнуло ему прямо въ лицо. Природа, пѣсни, свободное скитальничество—теперь для него недоступное блаженство. Лакейская—вотъ міръ, въ которомъ онъ долженъ жить; приходи самодура-помѣщика—вотъ тотъ бичъ, который будетъ вѣчно надъ нимъ висѣть и который во сто кратъ хуже порока свирѣпаго дьячка Бугорскаго.

Однако Тарасъ не сразу еще попалъ въ лакейскую. Управляющій, набравъ около дюжины мальчиковъ, прежде чѣмъ отправить ихъ къ помѣщику въ Вильну, произвелъ испытаніе, дабы выяснитъ, къ чему каждый изъ нихъ болѣе всего способенъ.

Тараса приставили сначала къ повару: онъ чистилъ кастрюли, носилъ на кухню дрова, выносилъ помой и т. д. Это было еще менѣе привлекательное занятіе, чѣмъ «пастырство» или чтеніе псалтиря по покойникамъ. Влеченіе къ рисованію оставалось совершенно неудовлетвореннымъ; а между тѣмъ оно не давало покою юношѣ. За всякій попавшій къ нему случайно грошъ онъ покупалъ у захожаго коробейника произведеніе суздальской кисти, воровалъ картинки и со всѣмъ этимъ добромъ прятался въ какомъ нибудь глухомъ углу сада, гдѣ, развѣсивъ свои картины, принимался копировать ихъ, напѣвая пѣсни. Конечно, эти самовольныя отлучки не проходили ему даромъ и онъ нерѣдко терпѣлъ побои отъ ментора-повара.

Наконецъ настало время отправлять набранную челядь въ Вильну. Отъ вниманія управляющаго не ускользнула страсть Тараса къ рисованію и онъ отмѣтилъ его «годнымъ на комнатнаго живописца». Но помѣщикъ рѣшилъ иначе: онъ нарядилъ его казачкомъ и посадилъ въ передней, «виѣняя мнѣ, говорить поэтъ, *въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ углу передней. Но по врожденной мнѣ продерзости я нарушалъ барскій приказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ унылыя гайдамацкія*

пѣсни и срисовывая украдкой картины суздальской живописи. Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный; онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ и таскалъ за собою въ обозѣ меня для сидѣнія въ передней, подаванія шубы и т. п. надобности».

Этотъ періодъ жизни Шевченко до встрѣчи его въ Петербургѣ съ Сошенко менѣе всего извѣстенъ, а между тѣмъ въ это именно время, можно сказать, безповоротно рѣшалась его судьба. Пастухъ, школяръ-попыхачъ, чтецъ по покойникамъ, човареночъ, комнатный казачекъ,—нѣтъ все это не то. Онъ долженъ быть маляромъ, живописцемъ, художникомъ. Поэтическое дарованіе тогда еще дремало въ немъ. Страсть-же къ рисованію совершенно овладѣла имъ. Она, а не положеніе въ качествѣ комнатнаго казачка, какъ думаютъ нѣкоторые біографы,—то благодѣаніе, которое онъ получилъ изъ рукъ самой природы и которое спасло его. Она вела его къ великой цѣли, расчищала путь другому, болѣе могучему дарованію, и господа Энгельгардты и прочіе должны были такъ или иначе ретироваться. Однажды въ концѣ 1829 года (дѣло происходило въ Вильнѣ или Варшавѣ) Энгельгардтъ съ семействомъ отправился на балъ, а нашъ казачекъ, дождавшись той поры, когда все въ домѣ заснуло, забрался въ пустую комнату, зажегъ свѣчку и, разложивъ свои картины, припаялся за рисованіе. Онъ и не замѣтилъ какъ время пролетѣло. Вдругъ растворяется дверь и оторопѣвшій казачекъ видитъ передъ собою разъяреннаго барина, который бросается на него, «немилосердно рветъ его за уши и даетъ нѣсколько пощечинъ, внушая неосторожному художнику, что сидя съ зажженной свѣчой среди бумагъ, онъ могъ-бъ сжечь не только домъ, но и весь городъ». На слѣдующій день кучеръ Сидорка «выпоролъ его съ достолюбымъ усердіемъ». Но помѣщикъ, повидимому, убѣдился, что изъ Тараса не выйдетъ путнаго казачка, и въ своихъ собственныхъ интересахъ рѣшилъ сдѣлать изъ него комнатнаго живописца.

Этотъ моментъ, какъ я говорилъ выше, весьма важенъ въ жизни Шевченко. Такъ или иначе онъ выступалъ на дорогу своего призванія. На каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность опредѣлить себѣ то дѣло, которое онъ станетъ дѣлать, и то мѣсто, которое онъ займетъ среди общества. Человѣкъ фальшивый, неискренній радится обыкновенно въ чужіе наряды, выдаетъ себя за то, что онъ не есть, однимъ словомъ представляетъ ворону въ

павлиныхъ перьяхъ, а мѣръ такихъ-же фальшивыхъ людей, какъ онъ самъ, если не дѣйствительно считаютъ, то дѣлаютъ видъ, что считаютъ его за настоящаго павлина. Для искренняго-же человѣка отвратительна и ненавистна прежде всего всякая такая фальшь, всякое переодѣванье, всякое стараніе *казаться* чѣмъ-бы то ни было. Онъ прямо смотритъ въ глаза дѣйствительности и поступаетъ согласно своему разумѣнію. Если онъ при этомъ надѣленъ той искрой Божьей, которая называется дарованіемъ, талантомъ, гениемъ, то онъ не будетъ знать покоя, пока не выйдетъ на свою дорогу. Безобразная нищета держала Шевченко въ своихъ тискахъ съ самаго нѣжнаго возраста, но онъ, оборванный, босой, съ обнаженной головой, утаиваетъ гроши, воруетъ, чтобы насытить свою страсть къ рисованію; его сѣкутъ и сѣкутъ, а онъ все таки рисуетъ. По истинѣ тяжкими и жестокими испытаніями онъ завоевалъ себѣ право на такое деликатное занятіе, какъ рисованіе. У насъ много признанныхъ художниковъ, но многіе-ли изъ нихъ были дѣйствительно *призванные* къ этому дѣлу, многіе-ли оправдали свое призваніе такими испытаніями и борьбой, какія выпали на долю украинскаго поэта? А между тѣмъ изъ Шевченко не вышелъ первоклассный художникъ. Что-же, онъ растерялъ свои силы въ неравной борьбѣ?

Нѣтъ. Люди, вѣрующіе въ Провидѣніе, сказали-бы, что оно вело обездоленнаго сына народа своими мудрыми путями: крѣпостной мальчикъ, почти нищій не могъ вступить въ борьбу съ окружающей его людскою неправдой на почвѣ *тѣсни*, его настоящей стихіи; первое-же проявленіе его скорбной музы было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ: господину Энгельгардту такихъ пѣсенъ вовсе не нужно было; онъ заставилъ бы умолкнуть народившееся дарованіе; сдѣлаться-же панскимъ поэтомъ, въ своемъ родѣ маленькимъ лауреатомъ, — Шевченко не могъ; для этого у него не было ровно никакихъ задатковъ. Другое дѣло — рисованіе; паны любили украшать свои комнаты картинами, копіями съ извѣстныхъ произведеній искусства, портретами собственныхъ особъ и своихъ присныхъ и т. д., это было или, по крайней мѣрѣ, могло быть до поры до времени нейтральной почвой. Нужно было только доказать пану, что изъ его «хлопа» ничего, кромѣ художника, не выйдетъ; и если этотъ панъ не совсѣмъ ужъ былъ *лишенъ разума*, онъ сдавался, принималъ въ расчетъ собственные *интересы* и давалъ возможность своему «хлопу» сдѣлаться *крѣпостнымъ художникомъ*. Такъ случилось и съ Шевченко: онъ по-

бороть одного своего врага, вышелъ на дорогу своего призванія. Но другой врагъ, не менѣ страшный, въ образѣ крѣпостничества, загораживалъ еще ему дорогу къ свободному развитію, къ свободному вдохновенію, къ свободной жизни.

Шевченко было 16 лѣтъ, когда его отдали въ науку къ какому-то комнатному живописцу, по указанію однихъ біографовъ въ Вильнѣ, а по указанію другихъ въ Варшавѣ. Здѣсь его научили расписывать потолки, стѣны, заборы и т. п. На этотъ разъ ему попался, повидимому, добросовѣстный учитель, который скоро убѣдился, что его ученикъ обладаетъ выходящимъ изъ ряду дарованіемъ и что ему надлежитъ быть не простымъ маляромъ. Онъ высказалъ свое мнѣніе Энгельгардту и посоветывалъ ему помѣстить юношу къ извѣстному Варшавскому портретисту Лампи. Какими мотивами руководился Энгельгардтъ, мы не знаемъ, но въ это время онъ, несомнѣнно, уже самъ повималъ, что его живой капиталь въ образѣ Тараса Шевченко будетъ наростать точно проценты на проценты отъ дальнѣйшаго ученія. Тараса приодѣли и онъ сталъ посѣщать мастерскую и работать подъ руководствомъ настоящаго художника.

Около двухъ лѣтъ прошло въ такихъ занятіяхъ. Что собственно дѣлалъ Шевченко, какіе успѣхи оказывалъ, мы не знаемъ. Но въ это-же время имѣло мѣсто весьма важное для его внутренней жизни событіе: онъ полюбилъ въ первый разъ. Она была полька, шведъ, «съ независимымъ образомъ мысли», а онъ «хохолъ», крѣпакъ, «хлопъ», съ страстной, но порабощенной и пока еще не сознательной любовью къ свободѣ. Въ то время Варшава какъ-разъ готовилась къ возстанію, и мы легко можемъ себя представить, чѣмъ была воодушевлена дѣвушка, понравившаяся юношѣ. Эта любовь разодрала завѣсу, скрывавшую отъ Шевченко весь ужасъ его безправнаго положенія. Хотя уже въ дѣтствѣ онъ съ жадностью прислушивался къ разговорамъ о гайдамакахъ, борющихся за свою свободу, и напѣвалъ ихъ скорбныя пѣсни, однако, забытый и загнанный, онъ жилъ какъ-то не обращая вниманія на свое положеніе. Конечно, онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Любовь ускорила дѣло времени; она заставила его серьезно взглянуть на свою жизнь, и, какъ натура впечатлительная и правдивая, онъ не могъ не прійти въ ужасъ и даже отчаяніе. *Первая чистая, возвышенная любовь пробуждаетъ въ душѣ всякого юноши самыя лучшія порывы и стремленія, на какіе только въ будеть способенъ впоследствии.* Она впервые приподнимаетъ *

покрывало съ «святая святыхъ» всей будущей жизни челоѣка. Мы говоримъ о дѣйствительной любви, а не о любовномъ жарѣ, который горитъ обыкновенно нечистымъ пламенемъ. Для многихъ и юношеская любовь бываетъ только взрывомъ проснувшихся животныхъ страстей; о такихъ можно смѣло сказать, что они и въ жизни своей не пойдутъ дальше животныхъ страстей, въ лучшемъ случаѣ утонченныхъ культурой и образованіемъ. И вотъ любовь открыла Шевченко, что не только онъ самъ, какъ рабочая сила, принадлежитъ своему помѣщику, но что и его «святая святыхъ» находится также въ полномъ распоряженіи этого послѣдняго. «Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли, вспоминаетъ поэтъ, отчего и намъ крѣпакамъ не быть такими-же людьми, какъ другія свободныя сословія».

Къ сожалѣнію, мы располагаемъ очень скудными свѣдѣніями объ этой первой любви поэта. Полька была повидимому образованнѣе своего возлюбленнаго; уже одно то, что она была свободнымъ челоѣкомъ, давало ей преимущество. Она научила Тараса польскому языку и тотъ, по крайней мѣрѣ, впоследствии свободно читалъ въ подлинникѣ Мицкевича и эстетику Либельта. У насъ нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, что Шевченко отказывался при этомъ отъ чего-бы то ни было «въ пользу шляхетской національности», какъ то утверждаетъ г. Петровъ. Это — поклепъ. Мы вѣроятно будемъ не далеки отъ истины, если скажемъ, что Шевченко дѣйствительно отрекся, но отъ чего? Отъ рабства въ пользу свободы. И невозможность осуществить это отреченіе немедленно на дѣлѣ доводила юношу до мысли о самоубійствѣ. Этимъ повидимому и исчерпываются всѣ глубокія послѣдствія первой любви нашего поэта.

Въ 1832 году мы находимъ Шевченко уже въ Петербургѣ, куда его препроводили вмѣстѣ съ другой прислугой Энгельгардта этапнымъ порядкомъ. Дорогой у него отвалилась подошва на одномъ сапогѣ и онъ долженъ былъ, чтобы не отморозить ногу, переобуть цѣлый сапогъ съ одной ноги на другую. Въ Петербургѣ Энгельгардтъ отдалъ его на выучку живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву, «который соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьяка-хиромантика; но, не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, говоритъ поэтъ *въ своей автобіографіи*, въ свѣтлыя осеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуей». Какъ раньше, настойчивое копированіе рисунковъ, несмотря на всѣ запреты и побой, вывело маль-

чика на дорогу его призванія, такъ и теперь то же упорное стучаніе въ дверь искусства привело юношу къ столь желанной свободѣ, безъ которой немислимо было дальнѣйшее развитіе его дарованія.

У Шевченко не было, конечно, никакихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, кромѣ дворовой челяди, да такихъ-же злополучныхъ, какъ онъ самъ, учениковъ и наемныхъ рабочихъ мастера Ширяева. Но его посѣщенія украдкой Лѣтняго сада свели его случайно съ землякомъ, въ то время уже художникомъ, Сошенко. Эта встрѣча, имѣвшая такія важныя послѣдствія для Шевченко, передается біографами въ разныхъ вариантахъ. Вѣроятно же всего, что дѣло происходило именно такимъ образомъ, какъ вскользь упоминаетъ Шевченко въ своей автобіографіи и затѣмъ подробно рассказываетъ въ біографической повѣсти «Художникъ», гдѣ даже лица, принимавшія участіе въ его освобожденіи названы собственными именами.

Однажды раннимъ утромъ, когда Петербургъ еще спалъ, а Шевченко по своему обыкновенію отправился тайкомъ въ Лѣтній садъ срисовывать статуи, на него случайно наткнулся Сошенко. Юноша сконфузился, увидѣвъ передъ собою незнакомаго человѣка, и поспѣшно спряталъ за пазуху рисунокъ. Между ними произошелъ такой приблизительно разговоръ: «Что ты здѣсь дѣлаешь?» спросилъ Сошенко. — «Я ничего не дѣлаю, отвѣчалъ застѣнчиво юноша, иду на работу, да по дорогѣ въ садъ зашелъ»; и немного помолчавъ, прибавилъ: «я рисовалъ». — «Покажи, что ты рисовалъ». Тотъ вынулъ изъ пазухи четверку сѣрой писчей бумаги и робко подаль художнику; на четверкѣ былъ назначенъ довольно вѣрно контуръ Сатурна. Долго Сошенко держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицомъ автора; въ неправильномъ лицѣ его было что-то пріятельное, особенно въ глазахъ умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки. «Ты часто ходишь сюда рисовать?» спросилъ наконецъ онъ. — «Каждое воскресенье, отвѣчалъ юноша, а если близко гдѣ работаемъ, то и въ будни захожу». — «Ты учишься малярному мастерству?» — «И живописному, прибавилъ тотъ». — Затѣмъ онъ поспѣшно взялъ въ одну руку ведро съ желтой краской, а въ другую желтую же обтертую кисть и собрался идти. Сошенко пригласилъ его къ себѣ. Въ первое же воскресенье робкій юноша воспользовался этимъ приглашеніемъ. Такимъ образомъ первый ледъ былъ сломанъ и Шевченко попалъ въ то теченіе русской общественной жизни, которое одно только могло по условіямъ того времени вынести его на просторы свободы и

прибить къ берегу передовыхъ людей. Всего этого онъ достигъ помимо какихъ бы то ни было протекцій и покровительствъ, — напротивъ, онъ упорно боролся съ людьми и обстоятельствами. И онъ побѣдилъ; правда, это была далеко еще не полная побѣда. Онъ доказалъ, что въ немъ дѣйствительно таятся дарованіе. Дальнѣйшій исходъ борьбы завистль теперь уже не отъ него одного, а и отъ тѣхъ людей, которые признали въ немъ «даръ Божій». Какъ отнесутся къ нему эти люди и что сдѣлаютъ они, чтобы загорѣвшаяся искра не потухла въ безпросвѣтномъ мракѣ нужды и равнодушія?

Сошенко, познакомившись ближе съ жизнью юноши, былъ тронутъ до глубины души: все пережитое имъ было такъ непривлекательно, а будущее высматривало еще сумрачнѣе. Нужно спасти человѣка отъ неминуемой гибели, но какъ сдѣлать это и что можетъ сдѣлать онъ, Сошенко, заурядный художникъ? Однако этому именно невидному, обыденному, сѣренькому человѣку мы обязаны тѣмъ, что драгоценный украинскій самородокъ не погибъ въ кучѣ навоза. Сошенко обласкалъ его, какъ сына. Онъ водилъ его по картиннымъ галлереймъ, снабжалъ его необходимыми рисовальными принадлежностями, книгами, слѣдилъ за его успѣхами и наставлялъ. Наконецъ онъ познакомилъ его съ малороссійскимъ писателемъ Гребенкой, принявшимъ также теплое участіе въ положеніи многообщавшаго юноши и немало содѣйствовавшимъ повидимому расширенію его литературнаго горизонта, съ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ Григоровичемъ, котораго убѣдительно просилъ помочь ему освободить юношу отъ невыносимаго гнета маляра Ширяева, и съ знаменитымъ художникомъ Брюловымъ; а черезъ этихъ лицъ Шевченко сталъ скоро извѣстенъ придворному живописцу Венеціанову и Жуковскому. Послѣдній, желая ближе ознакомиться съ дарованіемъ самоучки-маляра, попросилъ его однажды написать сочиненіе на тему: жизнь художника. До насъ не дошло это юношеское произведеніе Шевченко и мы не знаемъ, какъ отнесся къ нему Жуковский; извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого онъ сталъ усиленно хлопотать о выкупѣ поэта.

Итакъ, наша образованная общественная среда 30-хъ годовъ, встрѣтила, какъ видимъ, радушно и участливо великое дарованіе, найденное случайно среди закабаленныхъ Ширяеву учениковъ-маляровъ. Какъ же воспользовался этотъ «найденнышъ» улыбкающей наконецъ ему судьбою? Онъ не измѣнилъ себѣ, но еще съ

большою энергією принялся за свое самообразованіе. Все свободное время онъ проводилъ или за рисованіемъ, или за чтеніемъ, или, наконецъ, въ кругу людей, отъ которыхъ могъ почерпнуть для себя что-либо въ образовательномъ смыслѣ. Но много-ли бываетъ свободнаго времени у наемнаго чернорабочаго? Оставалось одно: урывать часы досуга отъ сна. «Пробывъ дѣлный день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконныхъ рамъ, дверей, а иногда и заборовъ, ночью возвращаясь на чердакъ, Тарасъ постоянно читалъ, читалъ все, что ни попадалось ему подъ руку». Онъ успѣвалъ слѣдовательно дѣлать за-разъ два дѣла: работать на хозяина и учиться, причемъ успѣхи его въ послѣднемъ отношеніи изумляли ближайшаго теперь друга, и покровителя Сошенко. Какъ-то разъ ему вздумалось однако развлечься отъ столь усидчиваго труда, и онъ тайкомъ, не спросивъ позволенія у хозяина, убѣжалъ съ работы на Петергофское гулянье. Но невиданное зрѣлище, о которомъ рассказывали ему такія чудеса, не произвело на него впечатлѣнія и онъ, замѣтивъ въ толпѣ своего хозяина, поторопился возвратиться назадъ.

По мѣрѣ того, какъ развертывались молодая силы подъ двойнымъ вліяніемъ чтенія и просвѣщеннаго общества и передъ Тарасомъ все рѣзче и заманчивѣе обрисовывался образъ свободнаго человѣка и художника, положеніе его, какъ подневольнаго ученика Ширяева и какъ «крѣпака» вообще, становилось все невыносимѣе и невыносимѣе. Намъ, людямъ, избѣгнувшимъ вовсе тлетворнаго вліянія крѣпостнаго права, трудно даже представить себѣ, какимъ образомъ молодой человѣкъ, одаренный громаднымъ талантомъ, вращающійся въ лучшемъ обществѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ оставаться крѣпостнымъ такого-то помѣщика. Это значило, что онъ изъ рабочаго кабинета художника Брюлова, или изъ залы придворнаго живописца Венеціанова, послѣ бесѣды съ гуманнымъ Жуковскимъ, могъ попасть по самому ничтожному капризу своего властелина прямо на конюшню подъ розги экзекутора изъ своей-же братіи. Какая дикая фантазмгорія, скажете теперь всякій! А между тѣмъ это именно чуть-чуть не случилось съ Шевченко. Заключенный Ширяеву, онъ не имѣлъ вообще никакихъ сношеній съ дворней своего помѣщика; но когда Сошенко рисовалъ портретъ съ жены смотрителя помѣщичьяго дома и нѣкоторое время проживалъ въ квартирѣ послѣдняго, то Шевченко продолжалъ навѣщать своего друга и здѣсь. Естественно, что онъ сталкивался при этомъ съ дворовыми людьми, и естественно,

что онъ говорилъ съ ними объ ихъ общемъ безправномъ положеніи и говорилъ въ «вольномъ духѣ». Тѣ стали вторить ему, заявлять о своихъ человѣческихъ правахъ. Все это дошло конечно до смотрителя и привело его въ бѣшенство. Кучеру былъ отданъ приказъ приготовить на конюшнѣ все необходимое для сѣукіи и схватить смутителя, проповѣдника человѣческихъ правъ, какъ только онъ покажется во дворѣ. И едва только вошелъ Шевченко, на него накинудись и потащили на расправу. Не послѣй во время на выручку Сошенко, ему пришлось-бы пережить одну изъ самыхъ тяжкихъ минутъ, такъ какъ въ эту пору въ немъ уже вполне пробудилось сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства. Сошенко сначала самъ умолялъ освободить его друга отъ столь унижительнаго наказанія, а когда его просьбы оказались недѣйствительными, онъ обратился къ посредничеству молоденькой жены смотрителя; та успокоила расходившіяся страсти сунруга и Шевченко получилъ на этотъ разъ помилованіе, но съ тѣмъ, чтобы онъ не велъ бесѣды и не видѣлся съ дворовыми людьми.

Не трудно понять, въ какомъ страшномъ, раздирающемъ душу противорѣчій находились подобныя дикія выходки, одна ихъ возможность, съ мечтами Шевченко о свободѣ и со всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и встрѣчалъ въ лучшемъ обществѣ. И его молодая душа была потрясена до глубины. Счастье еще, что положеніе его у Ширяева въ качествѣ ученика спасало его отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ, даже нѣсколько отдаляло отъ крѣпостнической атмосферы вообще. И еще большее счастье, что онъ имѣлъ возможность хотя урывками совершенствоваться въ рисованіи. По совѣту Сошенко онъ сталъ рисовать портреты съ натуры акварелью; его работу случайно увидѣлъ Энгельгардтъ, остался ею очень доволенъ и заставилъ рисовать портреты съ своихъ любовницъ, за что иногда награждалъ своего неудавшагося казачка цѣлымъ рублемъ. Но высшей утѣхой для Шевченко была посѣтившая его въ это время муза. Вотъ что онъ пишетъ самъ по этому поводу: «Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и городскихъ квартирахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведеннаго подъ убогой батьковской стрѣжкой, она, *спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонкѣ*». Первые литературные опыты были написаны Шевченко въ томъ-же *Лѣтнемъ саду*.

Такимъ образомъ образованные и изысканные люди просвѣщали талантливаго самоучку, поддерживали его словомъ, а при случаѣ и деньгами и подавали надежды на лучшее будущее; а самоучка, не жалѣя силъ, работалъ надъ собою. Онъ, казалось, говорилъ: «я, какъ видите, оправдалъ себя, я, крѣпостной маляръ, доказалъ вамъ, что достоинъ лучшей участи; теперь дѣло за вами: вы теперь должны и вы только можете открыть мнѣ доступъ къ свободному развитію таланта; если вы не сдѣлаете этого, то на вашей совѣсти останется тяжелый грѣхъ: вы дали потухнуть, не разгорѣвшись, искрѣ, вспыхнувшей въ самомъ сердцѣ народа». Въ дѣтствѣ онъ одинъ, не сознавая того, вступилъ въ бой съ крѣпостнымъ правомъ и неуклонно слѣдовалъ своему влеченію. Теперь ему помогали хорошіе люди. Неужели онъ не побѣдитъ? Прошло однако 6 мучительныхъ и томительныхъ лѣтъ прежде чѣмъ эти хорошіе люди сдѣлали рѣшительный шагъ. Хотя Энгельгардтъ, убѣдившись въ необычайныхъ дарованіяхъ своего крѣпостнаго, и самъ не прочь былъ-бы помѣстить его въ академію художествъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою хорошаго дамашняго художника, но въ то время доступъ крѣпостнымъ людямъ въ академію былъ уже закрытъ. «Причиной тому была несчастная судьба многихъ крѣпостныхъ художниковъ, которые, получивъ образованіе въ академіи и возвратясь къ своимъ помѣщикамъ, не переносили ихъ обращенія съ ними, оканчивая жизнь самоубійствомъ: рѣзались, вѣшались, топились». Отпустить-же Шевченко на волю было не въ интересахъ помѣщика. Юноша переживалъ снова такія же тяжелыя минуты, какъ въ Варшавѣ подъ вліяніемъ первой любви; но на этотъ разъ гнѣвъ его обращался уже на помѣщика и онъ, уходя отъ Сошенко домой на свой грязный чердакъ, грозилъ страшною мести своему поработителю.

Одинъ случай, вызывающій у насъ теперь смѣхъ, но едва было не погубившій строптиваго художника, ускорилъ, повидимому развязку*). Какой-то генералъ заказалъ Шевченко свой портретъ за 50 руб., но работа ему не понравилась и онъ не принялъ ее. Раздосадованный художникъ, чтобы наказать скупого генерала, продалъ портретъ, намалевавъ на немъ намыленную бороду, цирюльнику для вывѣски, у котораго тотъ генералъ

*) Впрочемъ самъ Шевченко, по словамъ Костомарова, отрицалъ этотъ анекдотическій рассказъ.

имѣлъ обыкновеніе стричься и бриться. Увидѣвъ свой портретъ на такомъ необыкновенномъ мѣстѣ, генераль пришелъ въ бѣшенство, тотчасъ купилъ его и въ порывѣ гнѣва обратился къ Ангельгардту съ просьбой продать ему крѣпостнаго художника. Злоба сдѣлала его щедрымъ и онъ предлагалъ Ангельгардту хорошія деньги. Тотъ готовъ былъ уже согласиться, какъ Шевченко, узнавши какая опасность угрожаетъ ему, бросился къ Брюлову и умолялъ спасти его. Брюловъ въ это время рисовалъ портретъ Жуковского, который уже ранѣе предположено было разыграть въ лотерею и на вырученныя деньги выкупить поэта. Онъ поторопился окончить работу. Въ лотерею приняли участіе лица императорской фамиліи (что вѣроятно осадило нѣсколько и злобнаго генерала и корыстнаго помѣщика). Такимъ образомъ собраны были 10.000 руб. ассигн., сумма, предложенная Ангельгардту генераломъ; но, по словамъ самаго Шевченко, онъ былъ выкупленъ всего за 2.500 руб. ассигн.

День 22 апрѣля 1838 года долженъ быть памятенъ всѣмъ почитателямъ южнорусскаго народнаго поэта: это былъ день его освобожденія отъ крѣпостной зависимости, т. е., такъ сказать, вторичнаго рожденія на свѣтъ Божій. Въ теченіе почти всѣхъ прожитыхъ 24-хъ лѣтъ, за исключеніемъ первыхъ годовъ дѣтства, его преслѣдовали безобразная нищета и лишенія, дикое насилие и произволъ мачихи, родныхъ, учителей, помѣщика и, наконецъ, страшное отчаяніе, что придется безслѣдно погибнуть въ неравной борьбѣ, погибнуть даже отъ собственной руки, такъ какъ временами у юноши не хватало силъ выносить такое тяжкое положеніе. Но суровыя испытанія кончились, они не загубили дарованія; Шевченко вынесъ изъ нихъ незамѣнимый личный опытъ, какимъ едва-ли обладалъ кто-либо изъ его современниковъ, выступавшихъ на защиту закрѣпощеннаго народа, и раздавшаяся скоро изъ его устъ пѣсня была всецѣло этимъ выстрадавшимъ опытомъ.

ГЛАВА II.

На свободѣ: поэтъ и художникъ.

(1838—1847 г.).

Въ академіи художествъ.—Нужда и свѣтское общество — Украинская муза.—Первыя произведенія.—«Кобзарь» и «Гайдамаки».—Отношеніе критики и общества.—Званіе свободнаго художника.—На родину—Восторженная встрѣча.—Темная сторона: «мочеморды» и крѣпостники.—Свѣтлая сторона: княжна Репнина; кіевскій кружокъ молодежи.—Поѣздка въ Кирилловку.—Стихотвореніе «До мертвыхъ и живыхъ» и т. д. Жизнь въ Кіевѣ.—Предположенная поѣздка за границу.—Кирилло-Меоодіевское братство.

«Свобода, свобода!» кричалъ Шевченко, врываясь въ комнату своего пріятеля и бросаясь къ нему на шею.

Свобода послѣ своего рода 24-лѣтняго заключенія, свобода человѣка, въ первый разъ въ своей жизни вздохнушаго полной грудью, — какъ передать глубину чувствъ, испытанныхъ поэтомъ? Вспомните Лермонтовскаго «Мцыри»:

..... и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бь печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей».

А что была бы жизнь Шевченко безъ этой свободы?

По всей вѣроятности онъ также не вынесъ бы неволи и погибъ, не испытавъ даже «трехъ блаженныхъ дней»! Теперь же передъ нимъ открывалась цѣлая жизнь, въ которой онъ могъ дѣйствовать, какъ свободный человѣкъ.

И такъ, борьба кончилась, цѣль достигнута, настало время положительной работы. На первомъ планѣ стояла все еще живопись: она вывела на дорогу свободы, ей и намѣренъ былъ отдать свои силы Шевченко. Онъ поступилъ въ академію художествъ, усердно посѣщалъ классы, въ особенности студию Брюлова, который вскорѣ полюбилъ и приблизилъ къ себѣ своего высокодаро-

витаго ученика. Занятія шли усильно, но матерьяльное положеніе Шевченко было не завидное. Повидимому онъ получалъ какую-то стипендію, во всякомъ случаѣ незначительную; кое-что зарабатывалъ на портретахъ и рисункахъ, но всего этого было конечно недостаточно и ему приходилось нерѣдко голодать вмѣстѣ съ другими товарищами, такими же бѣдняками, какъ и онъ самъ, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго курьезнаго эпизода.

Получивъ «вольную», Шевченко поселился на первыхъ порахъ у своего пріятеля Сошенко, но прожилъ съ нимъ только четыре мѣсяца; разница въ характерахъ, возрастѣ, образѣ жизни, наконецъ въ стремленіяхъ скоро расколодила дружбу. Сошенко, какъ вообще посредственность, держался обѣими руками за свое ремесло-художество и не могъ простить Тарасу, что тотъ, вмѣсто «настоящаго» дѣла, сталъ все болѣе и болѣе увлекаться своими «ничемными» виршами. Полный же разрывъ, завершившійся изгнаніемъ Шевченко, вызвала племянница квартирной хозяйки, которую любилъ Сошенко и которую отбилъ у него юный поэтъ. Изгнанный съ позоромъ Шевченко поселился сначала одинъ, но скоро тяжело заболѣлъ и его пріютилъ у себя товарищъ по академіи Понамаревъ, занимавшій казенную квартиру въ академическомъ зданіи. Рядомъ съ ними помѣщался другой молодой художникъ, Петровский, и всѣ трое, ученики одного учителя, «Великаго Карла» (Брюлова), жили между собой дружно, какъ братья. «Однажды», рассказываетъ Понамаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «мы всѣ трое тузили на пустоту нашихъ желудковъ, такъ какъ сидѣли буквально безъ куска хлѣба, не имѣя ни гроша наличныхъ и ни на копѣйку кредита. Петровский предложилъ намъ идти съ нимъ обѣдать къ его матери на Пески, но мы должны были отказаться отъ такого радушнаго приглашенія, боясь опоздать къ вечернимъ классамъ. Оставшись съ Тарасомъ въ мастерской Петровскаго, мы съ горя начали пѣть малороссійскія пѣсни. Отъ матери Петровскій возвратился сытымъ, да еще съ рублемъ серебра въ карманѣ. Проголодавшемуся Тарасу пришла въ голову злая мысль: мигнуть мнѣ запереть двери и держать Петровскаго за руки, онъ моментально вынулъ у него изъ кармана завѣтный пѣлковый и мы бѣгомъ пустились прямо въ трактиръ Римъ. Такъ какъ злосчастный рубль былъ припасенъ Петровскимъ совсѣмъ не для бифштекса, а для пріобрѣтенія птицы (которая нужна была для скопированія крыльевъ), то нужно было во что бы ни стало добыть ее. Шевченко озарила счастливая мысль: у помощника полиціимей-

стера академіи, Соколова, на заднемъ дворѣ имѣлся небольшой табунокъ гусей и мы съ Шевченко отправились на охоту. Накрывъ одного гуся шинелью и зажавъ ему клювъ, мы потащили его въ мастерскую Петровскаго. Крылья ангелу были живо написаны, а гуся солдатъ-истопникъ сварилъ для насъ въ самоварѣ на тризну. Шевченко скоро разбогатѣлъ такъ, что по уплатѣ Соколову за гуся рубля, у него осталось еще столько же. «Брюловъ», прибавляетъ Понамаревъ, «очень смѣялся нашей продѣлкѣ изъ любви къ искусству». — Что же тутъ смѣшнаго? скажутъ, пожалуй люди, ставящіе благопристойность превыше всего. Въ такой короткій промежутокъ времени три предосудительныхъ дѣла: грязный романъ, грабежъ, воровство, а раньше мы слышали и взяточничество и воровство пятаковъ... Да не смущаются души ваши (о если бы онѣ были такъ же чисты, какъ чиста была душа юноши поэта!), отвѣтимъ мы этимъ строгимъ блюстителемъ вышней добропорядочности. Хорошо, это — недостатки, назовите ихъ даже пороками; но развѣ вы не видите, что они не имѣютъ ровно ничего общаго съ великимъ дарованіемъ поэта и свидѣтельствуютъ лишь о той житейской школѣ, какую пришлось пройти ему не по своей винѣ...

Восторги свободы смѣнялись не только голодовками, но, что еще хуже, «артистическими кутежами» и «свѣтскими развлеченіями», а по просту сказать ночными оргіями, въ которыя посвятилъ Шевченко его учитель Брюловъ, въ то время идолъ всей академической молодежи.

«Въ квартирѣ его», говоритъ одинъ изъ біографовъ Шевченко, «въ академическомъ зданіи, наверху, нерѣдко по ночамъ собирались молодые художники, ученики «Карла Великаго», между которыми не послѣднее мѣсто занималъ и нашъ Шевченко. Тамъ происходило страшное безобразіе и великое пьянство»... Но это «великое пьянство» представляло только цвѣточки, а ягодки были еще впереди... Шевченко завязалъ черезъ Брюлова же и другихъ довольно обширныя знакомства. Его вездѣ принимали, какъ диковинку съ любопытствомъ разсматривали, удивлялись ясности взглядовъ его на многіе предметы, мѣткости и смѣлости его сужденій, слушали прекрасное пѣніе малороссійскихъ пѣсней и, конечно, восхищались. Однимъ словомъ онъ вошелъ въ моду. Общество *требовало, чтобы онъ хорошо былъ одѣтъ и не нарушалъ свѣтскихъ условностей; что же касается того, что онъ ѣлъ, гдѣ жилъ, тѣмъ вообще существовать, до этого обществу по обыкно-*

венію не было никакого дѣла. Онъ составлялъ новинку среди пріѣвшихъ развлеченій и общество забавлялось имъ, до поры до времени конечно. Добрякъ Сошенко пытался было уговорить своего пріятеля, чтобы тотъ бросилъ «безалаберную жизнь, несвойственную нашему брату (художнику), плебею, живущему для одного искусства или лучше для куска насущнаго...: бросилъ развѣянную жизнь свѣтскихъ шалопаевъ и серьезно принялся за живопись». «Эй, Тарась», говорилъ онъ, «опомнись! Что ты дѣла не дѣлаешь? Что тебя нечистая сила носитъ по тѣмъ гостямъ? Имѣешь такую протекцію, такого учителя! Куда тебѣ — и слушать не хочеть... Загулялъ мой Тарась, не будетъ изъ него ничего путнаго!»

Конечно, не Сошенко, жившему «для одного искусства или лучше для куска хлѣба», было удержатъ неугомоннаго Тараса, который рвался и самъ еще не зная хорошенько куда, но только, несомнѣнно, не къ «искусству ради искусства» и не къ куску хлѣба.

Какъ это ни странно, но среди самого разгара недоступныхъ прежде удовольствій Шевченко былъ въ дѣйствительности далеко не только отъ свѣтской жизни, но и отъ своего профессиональнаго теперь занятія, искусства. Еще раньше въ немъ вспыхнуло поэтическое дарованіе, а теперь, вмѣстѣ со свободой, оно разгорѣлось яркимъ пламенемъ. Удовольствія, развлеченія, интересъ, вызываемый его личностью, даже похвалы самого Брюлова, все это повидимому не задѣваетъ его глубоко. Муза переноситъ его въ Украину; онъ чувствуетъ себя въ родной атмосферѣ среди родной природы и роднаго народа; одна за другой встаютъ въ его воображеніи картины то изъ далекаго прошлаго, то изъ только-что пережитаго настоящаго. Но пусть поэтъ говоритъ самъ за себя: «Передъ его (Брюлова) дивными произведеніями», говоритъ онъ, «я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящно роскошной мастерской, какъ въ знойной, дикой степи наднѣпровской, передо мною мелькали тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мною разстилалась степь, усѣянная курганами, передо мною красовалась моя прекрасная бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей... И я задумывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной, чарующей прелести!»... Однимъ словомъ, какъ позже въ киргизскихъ степяхъ, такъ и теперь въ Петербургской свѣтской пустынѣ

Шевченко была одна святыня, которой онъ поклонялся. это— его Украина. Думами о ней онъ собственно жилъ *серьезно* и любовь къ ней вызвала наружу его лучшія душевныя силы, его, поистинѣ, удивительное поэтическое дарованіе.

Мы не знаемъ порядка и времени, въ какомъ появились его первыя произведенія; повидимому Шевченко въ началѣ не рассчитывалъ даже, чтобы они могли быть напечатаны. Да это и не особенно важно для насъ; талантъ не развивается по часамъ и и днямъ, и для того, чтобы судить о его постепенномъ развитіи, намъ достаточно знать, къ какому изъ періодовъ жизни относится то или другое произведеніе поэта. Что же касается до связи каждаго даннаго произведенія съ жизнью поэта, то въ нашемъ случаѣ это не имѣетъ серьезнаго значенія, такъ какъ почти все содержаніе поэзіи Шевченко лежитъ внѣ той сферы жизни, въ которой ему пришлось вращаться въ зрѣломъ возрастѣ, и здѣсь точныя даты можно свободно замѣнить періодами. По этимъ же соображеніямъ мы предпочли выдѣлить и представить въ отдѣльной главѣ краткій обзоръ поэзіи Шевченко, а въ разсказѣ о его жизни ограничиться лишь нѣкоторыми необходимыми указаніями.

Первыя поэтическія произведенія Шевченко относятся къ 1838 г.; изъ наиболѣе раннихъ онъ самъ называетъ «*Причинну*», написанную еще въ Лѣтнемъ саду въ предчувствіи свободы. Произведенія эти читались обыкновенно Гребенкой, приходившимъ въ восторгъ отъ нихъ; онъ же напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своемъ сборникѣ.

Шевченко писалъ беспорядочно, на клочкахъ бумаги. Однажды нѣкто М-съ поднялъ съ полу такой клочекъ исписанной бумаги; это оказались стихи изъ «*Тарасовой нічі*». Слово за слово выяснилось, что у Шевченко цѣлый ящикъ такихъ стиховъ. М-съ попросилъ просмотрѣть ихъ и, приведя въ порядокъ вмѣстѣ съ Гребенкой, рѣшилъ напечатать. «Знаете что, Тарасъ Григорьевичъ», сказалъ онъ ему при свиданіи, «я прочиталъ ваши стихи. Очень, очень хороши! Хотите —напечатаю?»

— «Ой, нѣтъ», отвѣчалъ тотъ, «не хочу, не хочу, право же не хочу! Пожалуй еще побьютъ! Ну ихъ!» — «Много труда», говоритъ М-съ, «стояло мнѣ уговорить Шевченко. Наконецъ онъ согласился и я въ 1840 г. напечаталъ «*Кобзаря*». Сюда вошли кромя дужь: «*Наймичка*», «*Причинна*», «*Утоплена*», «*Перегбендя*», «*Тополя*», «*До Основьяненка*» (?), «*Иванъ Підкова*», «*Тарасова нічь*», «*Катерина*».

Появленіе Кобзаря встрѣчено было въ Маллороссіи съ восторгомъ; но критики столичныхъ журналовъ, въ томъ числѣ даже и Бѣлинскій, отнеслись какъ къ этому сборнику стихотвореній, такъ и къ появившейся вскорѣ за нимъ (въ 1842 г.) извѣстной поэмѣ «Гайдамаки», неодобрительно. Бѣлинскій, по обыкновению своему, произнесъ очень рѣзкій приговоръ. «Хороша та литература», восклицаетъ онъ, «которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума!» Но затѣмъ суровый приговоръ былъ смягченъ: талантъ автора признанъ и ему совѣтовали только писать на общелитературномъ языкѣ и выбирать сюжеты болѣе возвышенныя. Впрочемъ, что неподдѣльный, чистый народный языкъ и притомъ южнорусскій и чисто народное содержаніе поэзіи поразили нашихъ присяжныхъ критиковъ и нѣкоторые изъ нихъ, наименѣе чуткіе, позволили себѣ сдѣлать автору ужъ слишкомъ грубыя наставленія. Шевченко не замедлил имъ отвѣтить. Такъ въ «Гайдамакахъ» читаемъ:

«Колы хочешь грошей
Та ще й славы, того дыва,
Спивай про «Матрешу»
Про «Парашу, радость нашу»
Султанъ, паркетъ, шпоры,—
Отъ де слава!...

Спасыби за раду!
Теплый кожухъ, тилько шкода,
Не на мене шытый;
А розумне ваше слово
Врехнею лядыте.
Выбачайте! Крычить собі—
Я слухать не буду,
Та й до себе не покличу:
Вы разумни люде,
А я дурень...»

«Москали называютъ меня», пишетъ Шевченко въ одномъ письмѣ, «энтузіастомъ, сиречь дурнемъ... Пускай я буду мужицкій поэтъ, лишь бы только поэтъ, мнѣ больше ничего и не нужно. Вы, спасибо вамъ, не хотите рассказывать мнѣ про людей. Цуръ имъ! Попробоваль уже я этого меду, чтобъ онъ скисъ».

За то Украина и вообще маллороссы сразу угадали въ авторѣ «Кобзаря» своего народнаго поэта. «Въ то время, говоритъ А. Чужбинскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ», кромѣ «Энеиды» Кот

ляревскаго, которой дѣвицамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтова и «Приказки» Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артемовскаго; но все это читалось какъ-то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе «Кобзаря» мигомъ разбудило апатію и вызвало любовь къ родному слову». Въ особенности понравилась «Катерина»; она ходила въ тысячахъ рукописныхъ экземпляровъ и была заучена почти каждымъ украинцемъ на память. «Всѣ были поражены, говоритъ В. Масловъ, глубиною и свѣжестью чувства поэта, вѣрнымъ изображеніемъ малороссійской народной жизни и небывалою до того времени прелестью малороссійскаго стиха».

Имя Шевченко вдругъ приобрѣло громадную извѣстность и сразу заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ. Наконецъ такой крупный представитель малорусской интеллигенціи того времени, какъ Основьяненко (Квитка) въ письмѣ къ автору выражаетъ свой восторгъ такими словами: «А книжку какъ раскрылъ—смотрю «Кобзарь», хотя и сильно уже зачитанный! Пустяки! Я прижалъ его къ сердцу, потому что люблю васъ, и ваши думки крѣпко ложатся мнѣ на душу. А что Катерина, такъ, такъ—что за Катерина! Хорошо, батечку, хорошо! Больше ничего не могу сказать... Нѣтъ, а ваши думки! Прочитаешь и по складамъ и по верхамъ, то опять снова; а сердце такъ и юка!»

Естественно, что горячій и единодушный восторгъ земляковъ былъ принятъ Шевченко ближе къ сердцу, чѣмъ неодобреніе присяжныхъ критиковъ и не потому только, что тамъ—восторгъ, а здѣсь—неодобреніе. Дальнѣйшее показало, на чьей сторонѣ была правда. Шевченко не пришелъ въ уныніе отъ нападковъ критиковъ, онъ отвѣтилъ имъ, какъ мы видѣли, въ насмѣшливомъ тонѣ, а чтобы доказать, что онъ владѣетъ также и общелитературнымъ языкомъ, задумалъ писать повѣсти на этомъ послѣднемъ.

Шевченко не только идейнымъ образомъ жилъ Украиной и въ Украинѣ; онъ не забывалъ, что связанъ съ нею и самыми непосредственными, кровными узами, что у него есть братья и сестры, которые продолжаютъ тянуть ляжку крѣпостнаго. Выбившись на дорогу, онъ вспоминаетъ о нихъ и на просьбу брата Никиты дать ему въ займы денегъ отвѣчаетъ истинно братскимъ письмомъ. Посылая деньги, онъ пишетъ: «Да знай, что мнѣ грѣхъ давать въ займы братьямъ деньги; если есть у меня, то дамъ и такъ, а если нѣтъ, то простите... Присматривай за сестрой Марусей. По-могай бѣдной Яринѣ... Кланяйся сестрѣ Катеринѣ. Подѣлуй

старога дѣда Ивана...» Обо всѣхъ ихъ болѣла душа поэта и, что это были не пустыя любезности, обычныя въ перепискѣ между родными, покажетъ дальнѣйшее. И еще онъ просилъ брата, чтобы тотъ писалъ ему обязательно на чистомъ малорусскомъ языкѣ.

Въ занятіяхъ поэзіей, живописью, въ развлеченіяхъ (причемъ, несмотря даже на Брюловскія «оргіи». мысль объ Украинѣ овладѣвала поэтомъ и художникомъ все больше и больше) прошло около 5 лѣтъ. Въ 1843 г. Шевченко получилъ званіе свободнаго художника и могъ оставить школьную скамью. Ему было тогда подѣ 30 лѣтъ. Въ полномъ разцвѣтѣ силъ и окрыленный наилучшими надеждами на будущее, въ чемъ поддерживалъ его громадный успѣхъ первыхъ начинаній, рвется онъ на родину. «А я», пишетъ онъ о себѣ около этого времени... «чортъ знаетъ что, не то занять дѣломъ, не то гуляю, таскаюсь по этому чортовому болоту, да вспоминаю нашу Украину. Охъ! если бы то мнѣ возможно было пріѣхать до соловья! Хорошо бы было, да не знаю... вырвусь-ли».

Желаніе поэта осуществилось скоро. Въ томъ же 1843 г. мы видимъ его уже въ Малороссіи, на балу въ знаменитой Мосевкѣ, куда съѣзжались помѣщики изъ Полтавской, Черниговской и Киевской губерній; собиралось ихъ здѣсь въ торжественныхъ случаяхъ человѣкъ до 200 и гостили они въ продолженіи нѣсколькихъ дней подрядъ. Балы, устраиваемые ветхой старухой, владѣтельницей Мосевки, говоритъ А. Чужбинскій, были своего рода Версалью для Малороссіи: «туда везлись на показъ самыя модныя платья, новѣйшія фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры и тамъ же бывалъ иногда первый выѣздъ дѣвицы... Огромная въ два свѣта зала едва могла помѣщать общество, хотя небольшая часть гостей занимала другія комнаты и много мужчинъ играло въ карты по своимъ квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты, прошловѣковыя зеркала и занавѣсы—все это при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подѣ звуки музыки, представляло необыкновенно интересный видъ...» «Дамы и дѣвицы, одна передъ другою, щеголяли любезностью, красотою, изысканностью и роскошью туалета...» Мужчины любезничали съ дамами, плясали, играли въ карты и пьянствовали. Но самый удивительный экземпляръ въ *этомъ звѣринцѣ* представляла сама хозяйка, 80-лѣтняя старуха *въ это время, уже почти ослѣпшая: «страстная охотница до картъ, она уже не могла играть сама и только просиживала да-*

леко за полночь возлѣ игравшихъ, услаждая слухъ свой пріятными игорными возгласами и утѣшаясь какимъ нибудь казусомъ». Большой части гостей своихъ она не знала, даже никогда и не слыхала о нихъ. Что они Гекубѣ и что Гекуба имъ! Старухѣ пора было умирать, да видно карты не пускали на тотъ свѣтъ,—и гости, всегда готовые отозваться на приглашеніе, пріѣзжали, размѣщались въ апартаментѣхъ и, навеселившись вдоволь, какъ бы сдѣлавши свое дѣло, разѣзжались по домамъ. Странная, на нашъ взглядъ, хозяйка, и странные гости, и еще болѣе странный и непонятный весь строй ихъ жизни!

Мы не тревожили бы «многострадальныхъ тѣней» этихъ картежниковъ, плясунѣвъ и пьяницъ, если бы судьба не забрасывала въ ихъ среду и людей совершенно другаго склада. Такъ, на этомъ же балу въ Мосевкѣ мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ Шевченко писательницу З., самого рассказчика Чужбинскаго, Гребенку. Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ Шевченко. Какъ отнеслось къ нему это общество и что онъ самъ чувствовалъ?

Его встрѣтили съ распростертыми объятіями, какъ давно желаннаго гостя: «Вѣсть о пріѣздѣ Шевченко мигомъ разлилась по всему дому... Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя барыни, которыя иначе не говорили какъ по французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали появленія поэта». Его знали уже по «Кобзарю»; внѣшность его производила также благопріятное впечатлѣніе: «онъ былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно (Чужбинскій не зналъ, что это Шевченко) я обратилъ на него вниманіе...» «Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя не признавали не только украинской, но и русской поэзіи».

Вчерашній крѣпостной, которому любой и любая (за ничтожнѣйшимъ исключеніемъ) изъ толпившихся теперь вокругъ него гостей съ легкимъ сердцемъ далъ бы «зуботычину», явился теперь передъ ними въ образѣ поэта, такъ неожиданно и такъ сильно заговорившаго похороненнымъ уже было языкомъ; эта толпа бонвивановъ, какъ бы на зло собственной жизни чувствовала что-то родное въ поэзіи своего крѣпостнаго дѣтища. Шевченко представлялъ любопытную диковинку, на которую каждому хотѣлось взглянуть. Здѣсь повторилось то же, что было и въ Петербургѣ, только, естественно, удивленіе и восторгъ принимали

болѣе откровенныя и болѣе рѣзкія формы. Но любопытство насыщается, бонвиваны принимаются за свои дѣла; они развлеклись, натѣшились; а псѣтъ? Какое дѣло намъ до поэта, скажутъ болѣе откровенные изъ нихъ... Чужбинскій говоритъ, что Шевченко «видимо былъ тронуть блистательнымъ приѣмомъ», что онъ скоро сдѣлался «какъ свой со всѣми и былъ точно дома». Едва ли этому однако можно повѣрить. Очень возможно, что Шевченко «не надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ,» что онъ «былъ въ духѣ», что ему по сердцу пришлось родной говоръ, родныя пѣсни, которыя онъ услышалъ здѣсь; но онъ слишкомъ много пережилъ и слишкомъ хорошо зналъ помѣщичій бытъ, чтобы принять тотчасъ же «блистательный приѣмъ» за чистую монету и чувствовать себя въ кругу обрисованнаго нами общества «какъ дома». Наконецъ, самъ же авторъ «Воспоминаній» рассказываетъ съ какимъ кружкомъ изъ этого многочисленнаго общества Шевченко сошелся поближе и на какой почвѣ произошло это сближеніе. Упомянутый кружокъ былъ въ своемъ родѣ знаменіемъ времени, знаменіемъ разложенія помѣщичьяго крѣпостнаго быта, а для Шевченко лично—продолженіемъ Петербургскихъ пьяныхъ оргій. Восторговъ и удивленія, разъ они не имѣютъ никакой реальной связи съ самой жизнью восторгающихся и удивляющихся, надолго не хватаетъ. Многочисленное украинское помѣщичье общество, въ концѣ концовъ, не могло предложить своему народному поэту ничего лучшаго, чѣмъ карты или пьянство. Онъ выбралъ послѣднее, извѣданное уже. Самъ Шевченко, скажутъ, тяготѣлъ къ такого рода удовольствіямъ. Это—неправда или, вѣрнѣе, та полуправда, что бываетъ хуже неправды. По крайней мѣрѣ въ описываемую пору Шевченко предавался излишествамъ только въ обществѣ людей, съ которыми ему собственно нечего было дѣлать и которые смотрѣли на него, какъ на диковинку, и забавлялись имъ ради мимолетнаго развлечения.

Но возвратимся къ кружку, который увлекъ за собой Шевченка въ Мосевкѣ. Мы уже сказали, что онъ представлялъ весьма характерное явленіе. Познакомимся же съ нимъ поближе по описанію Чужбинскаго. «Кружокъ этотъ,» говоритъ онъ, «назывался обществомъ мочемордія»; «мочить морду» означало пьянствовать, а «мочемордой» признавался всякій удалой питухъ; неупотребленіе *спиртныхъ напитковъ* называлось «сухомордіе или сухорыліе». Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы: «мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. За усердіе

раздавались награды: сивалдай въ петлицу, бокаль на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни или просто при съѣздахъ они совершали празднества въ честь Бахуса; собраніе созывалось слѣдующимъ возгласомъ: бась гудѣль «ромъ! пуншъ!» тенора подхватывали: «полпиво! полпиво! глинтвейнъ! глинтвейнъ!» а дисканты выкрикивали: «бѣла, красна, сладка водка!» Затѣмъ великій магистръ произносилъ приличную рѣчь и мочеморды предавались своимъ возліаніямъ.

Истый мочеморда могъ употреблять какіе-угодно горячіе напитки; честь общества требовала только, чтобы онъ воздерживался отъ простой водки; въ крайнемъ случаѣ, когда подъ рукой не было никакой настойки, мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за неимѣніемъ никакой спеціи, бросали гривенникъ, и она сходила за настойку. Старѣйшиной, великимъ магистромъ въ ту пору былъ отставной гусарь Закревскій, умный и благородный человѣкъ, душа общества, по словамъ Чужбинскаго. Впрочемъ онъ всѣхъ мочемордъ называетъ умными, благородными и гуманными людьми; мало того, онъ находитъ, что «слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками. .» Мы отказываемся однако понять, какимъ образомъ общество, организованное ради безпробуднаго пьянства и проводящее все время въ пьянствѣ, могло состоять изъ порядочныхъ людей. Конечно порядочный человѣкъ могъ сюда попасть случайно и могъ «мочить морду»; но какъ общество, оно представляло верхъ уродства и безобразія. Въ тѣ времена, говорятъ, порядочные люди не могли найти себѣ дѣятельности и предавались пьянству; это ложь и ложь злостная, ибо чѣмъ хуже времена, тѣмъ больше дѣла для каждаго человѣка; нужно только умѣть взяться за него. Итакъ мы не можемъ согласиться, что Шевченко попалъ въ кружокъ порядочныхъ людей. Мочемордіе было прямиымъ продолженіемъ Брюловскихъ оргій, злоупотребіемъ, испытаніемъ, болѣе тяжкимъ и гибельнымъ, чѣмъ перенесенная нищета, свѣкуціи и т. д. Не добромъ привѣтствовала родина своего поэта. «Ромъ! Пуншъ! Полпиво! Глинтвейнъ!» и т. д. — вотъ что раздалось вдругъ неожиданно въ его ушахъ. Но скоро онъ нашель дѣйствительно достойныхъ людей, связалъ съ ними свою судьбу, а родина, примаивъ его въ свои горячія объятія, разожгла въ немъ поэтическое вдохновеніе до высшей точки. Всякій же разъ, когда ему приходилось

бывать въ Мосевскихъ и т. п. кружкахъ, онъ несомнѣнно спрашивалъ себя внутренно:

... зачѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,
Они всѣ равны межъ собой, —
А я! ..

(«Тризна»).

Если Шевченко снисходительно относился къ времяпровожденію своихъ новыхъ знакомыхъ и принималъ даже въ немъ участіе, то онъ былъ чрезвычайно чутокъ ко всякому проявленію насилія и самодурства со стороны помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ. Вотъ два характерныхъ случая. Одинъ помѣщикъ пригласилъ Шевченко на обѣдъ. «Мы пришли—разсказываетъ Чужбинскій—довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться». Въ головѣ Шевченко промелькнуло вѣроятно Вильно, такая же передняя и казачекъ, увлекшійся рисованіемъ далеко за полночь, и подобная же собственноручная расправа... Какъ онъ былъ далекъ теперь отъ всего этого! И вдругъ на его глазахъ повторяется та же исторія. На счастье помѣщика, онъ овладѣлъ еще своимъ гнѣвомъ; онъ *только* повернулся и ушелъ домой. Но зато помѣщикъ, который, не случись этого казуса, оказалъ бы вѣроятно также «блестательный пріемъ» поэту, не остался въ долгу: «темная личность эта (говоритъ Чужбинскій, намекая вѣроятно на доносъ), дѣйствуя во мракѣ, приготовила не мало горя нашему поэту»...

Другое столкновеніе у Шевченко на той же почвѣ произошло съ извѣстнымъ собирателемъ малороссійскихъ пѣсенъ, «гуманнымъ» и «благороднымъ» Лукашевичемъ. Однажды, въ суровую зиму, онъ посылаетъ пѣшкомъ своего крѣпостнаго человека по какому-то неважному дѣлу къ Шевченко, находившемуся тогда въ Яготинѣ, за 30 верстъ, и строго приказываетъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Шевченко не хотѣлъ-было вѣрить *такому безчеловѣчному приказанію со стороны «большого либерала», какъ онъ думалъ о Лукашевичѣ.* Но фактъ былъ на лицо. Не

имѣя права удержать посланца, онъ написалъ Лукашевичу письмо, исполненное желчи и негодованія, объявляя вмѣстѣ съ тѣмъ о прекращеніи всякаго знакомства съ нимъ. Тотъ не устыдился однако и отвѣчалъ, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко. Разсказывая подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Репниной объ этомъ случаѣ, Шевченко рыдалъ какъ ребенокъ.

Вообще, даже біографъ М. Чалый, ставящій въ заслугу нѣкоторымъ лицамъ, что они «снисходили» «съ высоты своего общественнаго положенія» «къ плебею Шевченко», находитъ, что «большинство новыхъ знакомыхъ Тараса Григорьевича не отличалось ни особенными нравственными качествами, ни горячей любовью къ родному языку, ни привязанностью къ родной старинѣ». Благодаря постояннымъ перѣздамъ, у Шевченко завязалась масса такихъ знакомствъ. По сколько это были темныя явленія для поэта—мы знаемъ ихъ; обратимся теперь къ свѣтлымъ.

Отдѣльно приходится поставить его дружбу съ княжной Репниной, дочерью бывшаго украинскаго генераль-губернатора. Шевченкѣ было заказано сдѣлать копію съ портрета старика Репнина. Онъ познакомился со всѣмъ семействомъ, прожил довольно долго въ Яготинѣ и сошелся особенно близко съ Варварой Репниной, для которой написалъ на русскомъ языкѣ и которой посвятилъ стихотвореніе «*Тризна*». Съ чисто женскимъ инстинктомъ она сразу угадала, что за человекъ авторъ «*Кобзаря*», и, какъ дѣвушка образованная, серьезная, добрая, религиозно настроенная, всѣми силами старалась отвлечь его отъ «мочемордъ» и «сухомордъ», вообще всякаго рода «мордъ». Такъ наприимѣръ, она пишетъ ему: «О, не говорите, что на васъ нападаютъ люди: здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обвинители; я, я—сестра ваша, вашъ искреннѣйшій другъ—ваша обвинительница. Я не сужу о васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но я со смѣлостью, которую должна бы имѣть гораздо прежде, ибо вы уже давно въ числѣ друзей моихъ, говорю вамъ, какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я васъ видѣла такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда ... Простите моей искренности, моей докучливости и поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ». И несомнѣнно, она имѣла благотворное вліяніе на Шевченко; онъ называлъ ее своимъ «добрымъ ангеломъ» и благоговѣлъ передъ нею; *но, увѣ, и она не могла отвлечь его отъ «полтавскихъ и черниговскихъ безобразниковъ!»* Тутъ нужно было кое-что посущественнѣе хорошаго, добраго, участливаго слова.

Покинувъ Петербургъ, поэтъ снова сталъ лицомъ къ лицу съ крѣпостнымъ правомъ; мысль о положеніи народа, на служеніе которому онъ отдалъ всѣ свои лучшія силы, мучила его неотступно; тѣмъ болѣе, что его родные братья и сестры тутъ же, на его такъ сказать глазахъ, весли на себѣ это тяжелое иго. Виновать ли Шевченко, что онъ встрѣчалъ болѣе человѣчное отношеніе къ крѣпостнымъ среди «мочемордъ», чѣмъ даже среди юныхъ помѣщиковъ, рекомендуемыхъ его вниманію княжной Репниной? «Отъ грустнаго вашего письма, пишетъ княжна, у меня навернулись слезы. О, увѣдомьте меня, когда вы будете совершенно спокойны на счетъ братьевъ ваших!» Когда *онъ* будетъ совершенно спокоенъ на счетъ своихъ братьевъ! Да развѣ это не совершенно ясно! Очевидно, когда они будутъ свободны. Никакіе компромиссы тутъ не возможны. Неужели Репнина, зная Шевченко, не понимала этого?.. Болѣе успѣшной оказалась ея дѣятельность по части распространенія произведеній поэта. Она брала на комиссію не только такія произведенія, какъ «Кобзарь» и «Живописная Украина» (рисунки Шевченко), но также и болѣе слабыя, какъ «Тризна». и распродала ихъ между знакомыми, во время дворянскихъ сѣздовъ и т. д. Наконецъ она вступила было въ переписку съ Шевченко, когда онъ находился въ опалѣ, и принялась хлопотать о смягченіи его участи, но объ этомъ мы расскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ Шевченко начинаетъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, гостить у разныхъ помѣщиковъ; побывалъ повидимому въ Петербургѣ и въ 1845 г. мы видимъ его снова въ Кіевѣ, откуда онъ дѣлаетъ поѣздки въ разные мѣста Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніи. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ Кулишемъ становится во главѣ молодежи, задавшей себѣ цѣлю проповѣдывать среди украинскихъ помѣщиковъ идею объ освобожденіи народа отъ крѣпостничества, а въ самомъ народѣ распространять просвѣщеніе. В. Шевченко, нареченный братъ Тараса, рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что осуществленіе второй задачи, по словамъ поэта, предполагалось достигнуть слѣдующимъ путемъ: «каждый изъ участниковъ сообразно со своими недостатками назначаетъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу. Кассой заправляетъ выборная администрація; касса дополняется какъ взносами, такъ и процентами, а какъ возрастетъ достаточно, тогда и будутъ выдавать изъ нея бѣднымъ людямъ, которые, окончивъ курсъ гимназическій, не въ состояніи поступить въ

университетъ. Тотъ, кто бралъ это вспомошествованіе, обязывался, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскимъ учителемъ. Сельскимъ учителямъ предполагалось у казны и у дворянъ помѣщиковъ выхлопотать плату; а если эта плата окажется недостаточной, то прибавлять изъ кассы». Со стороны правительства не предвидѣлось никакихъ затрудненій, такъ какъ оно не запрещало заводить школы среди казаковъ и государственныхъ крестьянъ; что же касается помѣщиковъ, то необходимо было конечно склонить ихъ къ тому.

Дѣло это задумано было года за три, за четыре до катастрофы 1847 г., но мы не знаемъ, имѣло ли оно какія либо практическія послѣдствія, или погубило въ самомъ зародышѣ Шевченко же какъ бы ожилъ; это было то, о чемъ онъ мечталъ; не все то, но для начала вполне достаточно. Посѣтивши родное селеніе Кирилловку, онъ рассказываетъ братьямъ о своихъ планахъ и надеждахъ, декламируетъ стихи и повидимому чувствуетъ себя вполне «на родинѣ». Молодые батюшки изъ окрестностей, узнавши о прїѣздѣ такого дорогого гостя, также собрались провести съ нимъ время и наперерывъ старались развлечь его разговорами «въ современномъ духѣ». Но Шевченко почти не обращалъ на нихъ вниманія и весь вечеръ бесѣдовалъ больше со «старенькимъ» батюшкой, котораго онъ зналъ, когда еще учился у дьяка, нещадно дравшаго его розгами. Ему надоѣли уже модные разговоры. Привѣтливый и разговорчивый съ простыми людьми, онъ поворачивается спиною къ тѣмъ, отъ кого слышитъ пустяки и неискреннія рѣчи. Тѣ недоумѣваютъ и произносятъ свой судъ: «Якій винъ дурный». Но простая баба Лымиреха, подвернувшаяся тутъ кстати, объясняетъ имъ въ чемъ дѣло: «Вѣроятно, батюшка, говоритъ она имъ, съ вами ему не о чемъ было говорить, потому что съ нами, простыми людьми, онъ всегда бываетъ неистощимо говорливъ и забавенъ».

Пребываніе на родинѣ едва не кончилось непріятной «исторіею». Родные проводили Тараса до ближайшей корчмы за селомъ и здѣсь выпили на прощаніе. Собралась довольно порядочная кучка народа; началась, какъ это часто бываетъ, изъ-за какого-то пустяка перебранка съ шинкаремъ-евреемъ, и тотъ нанесъ одному изъ крестьянъ грубое оскорбленіе. Шевченко не вытерпѣлъ и закричалъ: «А нуте, хлопцы, дайте поганому жидови хлосту!» Еврея моментально схватили и высѣкли. Но дѣло этимъ не оячилось: пошли доносы, что Шевченко проповѣдуетъ колѣн-

щину и для начала, набравъ сто человѣкъ поселянъ, хотѣлъ вырѣзать всѣхъ жидовъ въ Кирилловкѣ. Полиція принялась за разслѣдованіе и уже готова была довести до свѣдѣнія высшаго начальства о «бунтѣ», если бы Тарасовы братья, принявъ на себя всю вину, не откупились. Не слѣдуетъ однако думать, что Шевченко страдалъ юдофобствомъ. Онъ, какъ вообще и вся масса малороссовъ, не питалъ симпатій къ евреямъ; но въ серьезныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ умѣлъ сохранять безпристрастіе. Такъ однажды, онъ бросился спасать имущество изъ горѣвшей лачуги еврея, въ то время, какъ собравшійся народъ смотрѣлъ съ полнымъ равнодушіемъ на пожаръ, и горячо упрекалъ крестьянъ, говоря, что человѣкъ въ бѣдѣ и нуждѣ, какой бы онъ ни былъ націи и какую бы ни исповѣдовалъ религію, станвится намъ самымъ близкимъ братомъ.

Ко времени этихъ перекочевокъ относится замѣчательное послѣ и содержанію произведеніе Шевченко: *«До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ въ Украини и не въ Украини суцыхъ мое дружее посланіе»*. Онъ далеко здѣсь отъ всякихъ узкихъ націоналистическихъ стремленій и громить тѣхъ людей, которые, отрѣшившись отъ жизни своего народа, безжалостно эксплуатируютъ его. «Гирше ляха, говоритъ онъ, свои диты іи (Украину) роспынають». А между тѣмъ сколько «гвалту» и «крыку» поднимають они. Вслѣдъ за другими они твердятъ, что языкъ малорусскій—«и гармонія, и сила, музыка, та й годи! А исторія?—Поэма вольного народу!»... «У насъ воля выросала, говорятъ они, Днипрожь умывалась, у головы горы клала, степомъ укрывалась!»... «Кровью вона умывалась, отвѣчаетъ имъ Шевченко, а спала на купахъ, на козацкихъ вольныхъ трупахъ, окраденныхъ трупахъ!»... Прочитайте снова исторію своего народа, совѣтуетъ имъ поэтъ, отъ слова до слова прочитайте внимательно и тогда спросите себя: кто же такіе вы, — «чиі сыны? Якихъ батькивъ!»... Опомнитесь, грозить онъ имъ, станьте людьми, умойтесь, не оскверняйте образа Божьяго, не обманывайте детей вашихъ, будто бы они для того только и родились, чтобы «панувать», потому что скоро настанетъ «судъ» и они горько поплатятся. Въ заключеніе онъ снова обращается съ словомъ примиренія:

*„Обнимите жъ, братья мои,
Найменьшого брата,—*

Нехай мати усмихнеться
 Заплакана мати;
 Благословить дитей своїхъ
 Твердыми руками
 И обмытыхъ поцилуйте
 Вольными устами....»

шестивія и перекочевки Шевченко приняли съ теченіемъ нѣсколько иной характеръ. Онъ не только знакомился съ , но и сталъ изучать старину, срисовывалъ древнія зданія, цую утварь, раскапывалъ могилы и т. п. Главнымъ мѣсто- ніемъ его оставался Кіевъ и отсюда онъ дѣлалъ болѣе нѣе продолжительныя поѣздки въ Нѣжинъ, Черниговъ и мѣста. Особенно радушно встрѣтили его нѣжинцы; въ его рѣ постоянно былъ кто либо изъ посѣтителей, а студенты зкаго лицея не давали ему просто покою. Тутъ произо- аленскій, но любопытный эпизодъ. Шевченко отправился раніе и вошелъ, не снимая своей бархатной шапочки, ко- осылъ послѣ перенесенной недавно горячки. Какой то чинъ, бюстителъ порядка, не хотѣлъ было пускать его, но ему или, что Тарасъ Григорьевичъ, въ какомъ бы онъ ни былъ ѣ, дѣлаеть честь собранію своимъ посѣщеніемъ, и тотъ адся.

Кіевъ Шевченко велъ самую простую жизнь; ему не по- ыли всякія свѣтскія приличія и церемоніи и онъ избѣгалъ, ько могъ, «большаго свѣта». Поселившись вмѣстѣ съ своимъ щемъ Сажинымъ въ квартирѣ Чужбинскаго, они по цѣ- нямъ пропадали, срисовывая разныя достопримѣчательно- вняго города, а вечеромъ всѣ трое сходились и обмѣнива- идѣннымъ и слышаннымъ. «Ничего не бывало пріятнѣе, съ Чужбинскій, нашихъ вечеровъ, когда, возвратясь уста- мой, мы растворяли окна, усаживались за чай и переда- вои дневныя приключенія». Въ этой простой обстановкѣ, отъ рѣжущихъ глаза общественныхъ диссонансовъ, чуткое поэта находить успокоеніе и онъ является передъ нами й прелести своего искренняго и чистаго существа. Вмѣсто о салона они отправлялись къ Днѣпру, садились надъ обры , при видѣ великолѣпной панорамы, пѣли пѣсни или ду- аждый свою думу. Любилъ также Шевченко просиживать у норки какого нибудь жучка и изучать его незатѣли- вы и обычаи. Онъ защищалъ котятъ и щенятъ отъ улич-

ныхъ мальчишекъ, а птичекъ, привязанныхъ на сворѣхъ, покупалъ у дѣтей и выпускалъ на свободу. Однажды онъ натолкнулся на такую сцену: «гицель» (живодеръ, обязанность котораго лежала въ то время въ Кіевѣ на полицейскомъ) схватилъ большую собаку за ребро и, не добивши ее, потащилъ по улицѣ. Шевченко не выдержалъ и сталъ упрекать живодера; тотъ грубо отвѣтилъ и тутъ же началъ еще больше тиранить собаку, которая вѣжала раздражающимъ образомъ. Шевченко бросился къ нему и выхватилъ изъ рукъ дубину... Дѣло могло кончиться непріятно-стями, но полтинникъ все уладилъ.

Особеннымъ расположеніемъ поэта пользовались дѣти, онъ любилъ водить съ ними компанію; собравъ вокругъ себя кружокъ ребятъ и приласкавъ робкихъ, онъ начиналъ обыкновенно рассказывать сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ много, дѣлалъ пищапки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность маленькой толпы. Разъ, рисуя возлѣ Золотыхъ Воротъ, онъ нашелъ заблудившуюся маленькую дѣвочку и, послѣ тщетныхъ попытокъ отыскать мать, понесъ было ее къ себѣ домой и мечталъ уже, какъ онъ будетъ воспитывать ее, но по дорогѣ встрѣтилась мать и взяла ребенка.

Шевченко совершенно не умѣлъ, какъ говорится, обращаться съ деньгами; онъ у него никогда не залеживались; онъ всегда готовъ былъ подѣлиться съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Нищій, пропойца, проигравшійся юнкеръ, всѣ они свободно могли обращаться къ нему и онъ дѣлился своимъ достаткомъ; повидимому его ни мало не смущала мысль о завтрашнемъ днѣ. Поэтому, когда онъ жилъ въ компаніи, то денежными дѣлами его завѣдывалъ обыкновенно кто либо изъ товарищей.

Въ Кіевѣ Шевченко чувствовалъ себя связаннымъ въ обществѣ «чопорныхъ денди и барынь»; за то въ простомъ семейномъ кругу онъ бывалъ необычайно разговорчивъ, любилъ рассказывать смѣшныя происшествія, не анекдоты, а непременно что либо изъ дѣйствительной жизни, въ чемъ онъ подмѣчалъ комическую сторону. Костомаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Шевченко, горитъ также, что хотя «недостатокъ образованія часто проглядывалъ въ немъ, но дополнялся всегда свѣжимъ и богатымъ природнымъ умомъ, такъ что бесѣда съ Шевченко никогда не могла *навести скуку и была необыкновенно пріятна*: онъ умѣлъ кстати *шутить, острить, потѣшать собесѣдниковъ веселыми рассказами и никогда почти въ обществѣ знакомыхъ не проявлялъ того мелан-*

лическаго свойства, которымъ проникнуты многія стихотворенія.» (живительно, какъ онъ смогъ сохранить эту способность къ проосердечному, неподдѣльному смѣху безъ малѣйшаго оттѣнка язвильности послѣ столькихъ годовъ истязаній и суровыхъ жизненныхъ испытаній! Онъ богато надѣленъ былъ юморомъ, этимъ даемъ избранныхъ натуръ, который смягчаетъ горечь жизни и асааетъ человѣка отъ черствости въ обыденной жизни и отъ лишней суровости, доходящей до изувѣрства, въ серьезныхъ воосахъ и тяжелыхъ положеніяхъ. А такое именно положеніе скоро ова настало для поэта.

И какъ странно, громъ грянулъ надъ головой нашего поэтаменно въ то время, когда передъ нимъ раскрывались самыя замчивыя перспективы. Онъ былъ утвержденъ учителемъ рисонія при кievскомъ университетѣ, и такимъ образомъ приобрѣлътя сколько нибудь обезпеченное положеніе. Но не въ томъшло. Одна «щирая украинка», восторженная поклонница Шевченко, предложила поэту, черезъ посредство г. Кулиша, все своеостояніе, чтобы доставить ему возможность провести года три въ Италіи. «Онъ обрадовался этому, говоритъ г. Кулишъ, съ ѣтской простотой, и согласился не знать, откуда возьмутся наденежныя средства».

Въ концѣ 1846 г. и началѣ 1847 г. Шевченко объѣзжалъвоихъ знакомыхъ помѣщиковъ и собиралъ свои рукописи, оставенныя имъ въ разныхъ домахъ, предполагая вѣроятно въ скоомъ времени отправиться за-границу. Случайно онъ попалъ ежду прочимъ на свадьбу той самой украинки, которая предложила къ его услугамъ свое состояніе. «Свадьба была превращена имъ», замѣчаетъ г. Кулишъ, «въ національную оперу». Не обращая вниманія на обычную процедуру свадебныхъ пиршествъ, онъ пѣлъ свои излюбленныя пѣсни, отрывалъ женщинъ отъ танцевъ, отводилъ ихъ въ дальній уголокъ и училъ пѣснѣ: «Ой зійды, зійды ты, зиронько, та вечерняя». «Хотя поэтъ», читаемъ мы въ одномъ воспоминаніи про этотъ вечеръ, «явно нарушалъ своимъ поведеніемъ условныя свѣтскія приличія, тѣмъ не менѣе онъ очень нравился молодымъ женщинамъ своею оригинальностью и онѣ безъ сожалѣнія оставляли кавалеровъ и слѣдовали за нимъ».

Наконецъ ранней весной, собравъ рукописи, Шевченко двинулся въ обратный путь, въ Кіевъ. Тогда уже ходили вѣроятноухи объ арестѣ Костомарова и другихъ и объ угрожавшей опас-

ности Шевченко. Напрасно Лизогубъ просилъ его не брать съ собой бумагъ и оставить ихъ у него, а одинъ изъ его поклонниковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Р—овъ, хотѣлъ даже увести поэта за-границу подъ видомъ слуги и съ этой цѣлью розыскивалъ его у разныхъ помѣщиковъ. Но Шевченко отправился прямо въ Кіевъ съ рукописями своихъ стихотвореній въ чемоданѣ. Здѣсь необходимо сказать, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, о дѣлѣ, имѣвшемъ такія печальныя послѣдствія для автора «Кобзаря».

Мы уже упоминали о кіевскомъ кружкѣ молодежи, мечтавшемъ о просвѣщеніи народа и освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ переездомъ Костомарова въ Кіевъ, интересъ къ этимъ вопросамъ еще болѣе оживился, но на первый планъ уже выступила идея «славянской взаимности». «Наши дружескія бесѣды, говоритъ Костомаровъ, обращались болѣе всего къ идее славянской взаимности... Чѣмъ тусклѣе она представлялась въ головахъ, чѣмъ менѣе было обдуманнхъ образцовъ для этой взаимности, тѣмъ болѣе было въ ней таинственности, привлекательности, тѣмъ съ большею смѣлостью создавались предположенія и планы, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ все то, что при болѣе обдуманности представляло тысячу препятствій къ осуществленію. Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась сферой науки и поэзіи.. Въ концѣ концовъ явилась мысль образовать общество, котораго задача была бы распространеніе идей славянской взаимности, какъ путемъ воспитанія, такъ и путями литературными».

Наиболѣе дѣятельное участіе въ бесѣдахъ по этому поводу принимали, кромѣ самого Костомарова, Гулакъ, Бѣлозерскій, Маркевичъ, Навроцкій и др.

Случайно стѣна обѣ стѣну съ Гулакомъ жилъ одинъ студентъ кіевского университета. Онъ подслушалъ разговоры, происходившіе въ сосѣдней квартирѣ, познакомился съ Гулакомъ и притворился, что раздѣляетъ его убѣжденія. Гулакъ настолько довѣрился ему, что сталъ приглашать его на свои собранія и открылъ ему о существованіи Кирилло-Меоодіевскаго братства. Не разобравши хорошенько, въ чемъ дѣло, такъ какъ все же ему приходилось прислушиваться больше черезъ стѣну, онъ перепуталъ разговоры о славянской взаимности съ воспоминаніями о казацкой эпохѣ и изъ мррнаго общества, не допускавшаго даже «тѣни возмущенія противъ предрѣжащихъ властей», создалъ цѣлый политическій за-

ь, истинный характеръ котораго былъ, впрочемъ, скоро вы-
тъ слѣдствіемъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о Кирилло-
іевскомъ обществѣ. При обыскахъ, произведенныхъ у выше-
печатавшихся лицъ, были найдены между прочимъ непечата-
нныя стихотворенія Шевченко. Они-то и навлекли на поэта всю
Изь Петербурга пришло въ Кіевъ предписаніе разыскать
онко и, арестовавъ его, немедленно препроводить въ Петер-

ГЛАВА III.

Въ ссылкѣ: поднадзорный солдатъ.

(1847—1857 г.).

Арестъ.—Резолюція.—Орская крѣпость.—Начальство.—Смыслные поляки.—Тоска.—Аральская экспедиція.—Сравнительная свобода.—Шевченко въ роли раскольниковъго попа.—Оренбургъ.—Улѣбнувшееся унтеръ-офицерство.—„Рыбье хладнокровіе.“—Доносъ.—Новопетровское укрѣпленіе.—Пустыня.—«Образцовый фрунтовики». — Подвергался ли Шевченко тѣлесному наказанію? — Перемяна.—Офицерское общество.—«Душа общества». — Комендантша.—Хлопоты.—Освобожденіе.

Шевченко арестовали при переправѣ черезъ Днѣпръ. Дѣло происходило въ началѣ апрѣля 1847 г. «Только что я вошелъ на паромъ, чтобы переправиться, писалъ онъ одному пріятелю, какъ со мной случилось такое, что и не слѣдовало бы рассказывать на ночь. Меня арестовали и, посадивши съ кѣмъ слѣдуетъ на возокъ,—отправили въ самый Петербургъ!» На этомъ же паромѣ находился между прочимъ одинъ гусарскій офицеръ, большой поклонникъ «Кобзаря». Сообразивши въ чемъ дѣло и догадываясь, что въ чемоданѣ поэта вѣроятно есть произведенія, которыя могутъ повести къ неприятымъ послѣдствіямъ, онъ хотѣлъ было столкнуть «вещественное доказательство» въ воду; но Шевченко не позволилъ. Тогда онъ попробовалъ подкупить полицейскаго агента, предлагая деньги за уничтоженіе нѣкоторыхъ стихотвореній, но и это не удалось. Такимъ образомъ Шевченко былъ представленъ по начальству съ личнымъ, что значительно отягчило его вину.

Изъ Кіева Шевченко немедленно увезли въ Петербургъ. Всю дорогу онъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, пѣлъ пѣсни. Бодрое настроеніе не покинуло его и во время производства слѣдствія. Какой то жандармскій офицеръ передъ допросомъ говоритъ ему: «Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ, вы оправдаетесь, и вотъ тогда то запоетъ ваша муза!»

— «Не який чортъ насъ усихъ занисъ, колы не ся бисова му—
—отвѣчалъ ему поэтъ.

«Послѣ допроса», говоритъ Костомаровъ, идя рядомъ со мной
:вой ножезь, Тарасъ Григорьевичъ произнесъ: «не журися,
оло, доведется ще намъ у купи житы». Онъ, какъ истинный
ъ, простымъ инстинктомъ, чутьемъ, понимаетъ, что уныніе
тный грѣхъ; ему не нужно было для этого никакихъ логи-
ихъ выкладокъ. Да и какая логическая выкладка, усвоенная
ія, если она не вытекаетъ изъ родниковъ собственной мысли
согрѣта жаромъ собственного сердца, можетъ устоять въ
бныхъ случаяхъ?

Шевченко испыталъ и суровую, и ласковую дѣйствительность.
ръ ему предстояло встрѣтить быть можетъ еще болѣе су-
ю и онъ ожидалъ ее съ веселымъ лицомъ. «30-го мая,
ритъ далѣе Костомаровъ, выглянувши въ окно, я увидѣлъ, какъ
ли Шевченко и посадили въ экипажъ: его отправляли въ во-
е вѣдомство. Увидавши меня, онъ улыбнулся, снялъ картузь
ивѣтливо кланялся. Приговоръ надъ собою онъ выслушалъ съ
змутимымъ спокойствіемъ». Въ другомъ мѣстѣ историкъ го-
тъ: «Онъ улыбался, прощаясь съ друзьями. Я заплакалъ,
я на него, а онъ не переставалъ улыбаться, снялъ шляпу,
съ въ телѣгу; а лицо было такое спокойное и твердое».

«Черезъ полгода, говоритъ уже самъ поэтъ (очевидно онъ
бается во времени) вывели меня на свѣтъ Божій, посадили
а «на чартопхайку» и отвезли въ далекій Оренбургъ и тамъ,
юдивши даже къ приему, надѣли на меня солдатскую амуни-
и я сталъ солдатъ»...

Въ чемъ же состояло преступленіе Шевченко? Обвиненіе въ
адлежности къ Кирилло-Меоводіевскому обществу было остав-
), такъ какъ никто изъ арестованныхъ по этому дѣлу не показалъ
го противъ Шевченко и никакихъ другихъ уликъ не имѣлось.
го въ особенную вину ему были поставлены нѣкоторыя стихо-
енія. Спрошенный по поводу ихъ, поэтъ призналъ себя авторомъ
исываемыхъ ему стиховъ и объяснилъ, что написалъ ихъ подъ
разнымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго и видѣннаго. Шен-
со повнесъ болѣе тяжелую кару, чѣмъ его товарищи по не-
тію. Онъ, какъ «одаренный крѣпкимъ тѣлосложеніемъ», при-
ренъ былъ къ *отдачѣ въ солдаты* и наказаніе свое долженъ
: *отбывать въ далекомъ Оренбургскомъ краю, причемъ ему за-
лось писать и рисовать.*

Оренбургъ, Орская крѣпость, Раимское укрѣпленіе, Аральское море, Новопетровское укрѣпленіе вотъ—этапные пункты десятилѣтнихъ странствованій Шевченко. Въ Оренбургѣ у него пашлись земляки и поклонники его таланта; они первымъ дѣломъ стали хлопотать о смягченіи горькой участи поэта и имъ было обѣщано «сдѣлать все, что только можно». Затѣмъ одинъ изъ нихъ навѣстилъ Шевченко въ казармѣ. Онъ засталъ его лежащимъ ничкомъ въ одномъ бѣльѣ на нарахъ и углубленнымъ въ чтеніе библии, полученной еще въ Петропавловской крѣпости, когда онъ, умирая отъ скуки, просилъ дать что нибудь почитать. Поэтъ встрѣтилъ весьма сдержанно и недовѣрчиво посѣтителя, но скоро его подозрительность разсѣялась и онъ тѣсно сошелся съ своими земляками. Однако пребываніе его въ Оренбургѣ было очень кратковременнымъ. Зачисленный рядовымъ въ 4-й оренбургскій линейный баталіонъ, онъ немедленно долженъ былъ отправиться въ Орскъ, къ мѣсту своего служенія. Относительно положенія Шевченко въ этой крѣпости существуютъ противоположныя указанія. Г. Чалый говоритъ: «По мѣрѣ пониженія степеней военной іерархіи, приемы дѣлались грубѣе и, когда очередь дошла до ротнаго, тотъ пригрозилъ поэту даже розгами, если онъ дурно поведетъ себя. Чтобы оградить себя отъ опасности, Шевченко прибѣгнулъ къ простой и, какъ оказалось, весьма дѣйствительной мѣрѣ: купилъ порядочное количество водки и немного закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ на охоту и упоилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло какъ по маслу, и когда угощеніе начало забываться, онъ повторилъ его». Г-нъ же Стороженко утверждаетъ, что положеніе Шевченко въ этомъ захолустѣ, благодаря хлопотамъ друзей, было сносно, чѣмъ можно было ожидать. «Правда, говоритъ упомянутый авторъ, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ; но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи; офицеры обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и если Шевченко тѣмъ не менѣе страдалъ нравственно, то это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе тоски по родинѣ, мучительнаго сознанія безправности своего положенія и тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать». Такъ или иначе, но Шевченко дѣйствительно пользовался въ Орской крѣпости сравнительно сноснымъ положеніемъ. Не смотря на запрещеніе онъ могъ заняться здѣсь рисованіемъ, какъ только получилъ отъ Лизогу

необходимы принадлежности. Снисходительное отношеніе начальства въ положеніи Шевченко—обстоятельство весьма важное для него, но еще большее значеніе имѣло то, что онъ встрѣтилъ здѣсь ссыльныхъ поляковъ и сошелся съ ними. Они получили свободу раньше Шевченко и сохранившаяся переписка ихъ показываетъ, какъ тѣсно они сошлись съ поэтомъ и какъ цѣнили его. Въ нихъ Шевченко нашелъ не только товарищей по ссылкѣ, но, что еще важнѣе, людей, раздѣлявшихъ по крайней мѣрѣ основныя его убѣжденія. Это былъ въ своемъ родѣ неожиданный даръ случая. Тѣмъ болѣе, что многочисленные нѣкогда друзья не скоро вспомнили о немъ. «Прежде», пишетъ онъ Лизогубу, «бывало на собаку брось такъ попадешь въ друга, а какъ пришлось плохо, такъ Богъ знаетъ, гдѣ они дѣлись! Не поумирали ли ужь?... Нѣтъ, здравствуютъ; да только отказались отъ злополучнаго друга своего... А если бы они знали, что одно ласковое слово для меня теперь больше всякой радости!... Такъ что-то недогадливы они»...

Безденежье, испытанное Шевченко на первыхъ порахъ, пока нѣкоторые изъ его друзей не вступили съ нимъ въ переписку, сопровождалось рядомъ болѣзней и недомоганій: ревматизмомъ, цингой, воспаленіемъ глазъ и т. д. А службу надо было отбывать неукоснительно. Отсутствие книгъ, рисовальныхъ принадлежностей, даже бумаги, представляло для него весьма чувствительное лишеніе. Внутреннее состояніе поэта во время пребыванія въ Орской крѣпости лучше всего рисуютъ его собственныя письма. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки:

«Вы непремѣнно разсмѣялись бы, пишетъ онъ Репниной, если бы увидѣли теперь меня: вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я! Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать?... Горько, невыносимо горько. И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (окромѣ писемъ). А здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны, сами просятъ подѣ карандашъ, и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: тощія рѣчки Уралъ и Оръ, обнаженные сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами (на верблюдахъ), какъ волны моря *зыблущимися* вдаль и своей жизнью удваивающими тоску. Я иногда *ыхожу* за крѣпость къ караванъ-сарая или мѣновому двору, гдѣ

обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой странный нарядъ! Какія прекрасныя головы! И какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости! Смотрите и не рисовать—это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ». «Вчера, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ ней, я не могъ кончить письма, потому что солдаты товарищи кончили ученіе; начались рассказы, кого били, кого общались бить; шумъ, крикъ, балабайка выгвали меня изъ казармъ. Я пошелъ въ квартиру къ офицеру... и только что расположился кончать письмо... Вообразите мою муку — хуже кузармъ, а это люди (да простить имъ Богъ!) съ большой претензіей на образованность и знаніе приличій, потому что нѣкоторые изъ нихъ присланы изъ западной Россіи. Воже мой! Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно!.. Вчера я просидѣлъ до утра и не могъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо. Какое-то безотчетное состояніе овладѣло мною. Придите всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы...»

Въ первомъ письмѣ къ Лизогубу Шевченко, иронизируя надъ своею судьбой, писалъ: «...надо нагибаться, куда клонитъ доля. Еще, слава Богу, мнѣ какъ-то удалось укрѣпить свое сердце такъ, что «муштруюся» себя и ничего»... Но уже въ слѣдующемъ письмѣ читаемъ: «И врагу моему лютому не пожелаю такъ казниться, какъ я теперь казнюсь... Я страшно мучаюсь, потому что мнѣ запрещено писагъ и рисовать! А ночи, ночи! Господи, какія страшныя и долги, да еще въ казармахъ!..» «Нельзя, конечно, и безъ того, чтобы иногда не дать воли и слезамъ: кто не тоскуетъ и не плачетъ, тотъ никогда и не радуется. Богъ съ нимъ, съ такимъ человѣкомъ. Будемъ плакать и радоваться!»

Я уже замѣтилъ, что, несмотря на запрещеніе, Шевченко писалъ также и стихи, даже на первыхъ же порахъ ссылки, будучи въ Орской крѣпости. По словамъ Тургенева, у него была маленькая, переплетенная въ дегтярный товаръ, книжечка, которую онъ всегда носилъ при себѣ и въ которую вписывалъ тайкомъ стихи. Такъ въ стихотвореніи «А. О. Казачковскому», написанномъ въ Орской крѣпости, онъ говоритъ:

«И довелось вновь мени
На старистъ зъ виршамы ховаться,
Мережать книжечку, спивати
И плакаты у бурьяни
И тяжко плакать!..»

Стихотворенія, написанныя здѣсь, или посвящены Украинѣ, воспоминаніямъ о ней, или изображаютъ душевныя состоянія, пережитыя поэтомъ въ ссылкѣ, и являются такимъ образомъ прекрасными иллюстраціями къ его письмамъ. «Какъ же жить на чужбинѣ, говоритъ онъ въ этихъ стихахъ, — и что дѣлать взаперти?.. Горе намъ, осиротѣлымъ невольникамъ, въ безпредѣльной степени за Ураломъ!.. Не для людей и не для славы пишу я теперь эти стихи, а для себя, милые братья. Мнѣ легче становится въ неволѣ, когда я пишу ихъ, и они радуютъ мою бѣдную, убогую душу. Мнѣ съ ними такъ же хорошо, какъ богатому отцу съ своими маленькими дѣтьми... Въ неволѣ тяжело, хотя, сказать по правдѣ, и воли-то не было настоящей. Но все-таки какъ-то жилось. Теперь же я, точно самого Бога, жду такой воли и высматриваю, и свой глухой умъ прокиваю за то, что дался дуракамъ одурить себя и въ лужѣ волю утопить...»

Всноинная о своихъ единомышленникахъ, поэтъ спрашиваетъ: «Встрѣтятся-ли мы еще когда-нибудь, или на вѣки уже разошлись?.. Пусть и такъ, пусть разошлись, но будемъ вспоминать одинъ о другомъ, будемъ свою Украину любить, потому что время — лютое... И въ послѣднюю тяжелую минуту будемъ за нее Господа молить!..»

Княжна Репнина, убѣдившись изъ писемъ, что ея другу живетъ далеко не радостно, написала шефу жандармовъ графу Орлову письмо, въ которомъ просила его облегчить участь поэта-художника, позволить ему рисовать, прибавляя при этомъ, что правосудіе, переходящее границы, становится жестокимъ. «Переписка *) ваша съ Шевченкомъ, отвѣчалъ ей шефъ официальной бумагой, равно какъ и то, что ваше сіятельство еще прежде обращались ко мнѣ съ ходатайствомъ объ облегченіи участи упомянутому рядовому, доказываетъ, что вы принимали въ немъ участіе, неприличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ». Въ заключеніе ей предлагалось не вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи (?), а въ противномъ случаѣ она сама будетъ причиною неприятныхъ для нея послѣдствій. Конечно, такой отвѣтъ не убѣдилъ Репнину въ томъ, что Шевченко — человекъ съ «порочными и развратными свойствами», но она прекратила переписку съ нимъ.

*) При обыскѣ, произведенномъ у Шевченко въ Оренбургѣ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, было найдено нѣсколько писемъ княжны.

Въ особенности страшилъ Шевченко предстоявшій походъ къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, гдѣ въ то время возводилось Раимское укрѣпленіе, Коссъ-Аральскій фортъ, строились Бутаковымъ шкуны для плаванья въ Аральскомъ морѣ. Не столько страшна была предстоявшая работа и лишенія походной жизни, сколько неизбѣжное отрѣшеніе отъ всякаго умственнаго общенія съ людьми; приходилось отказаться даже отъ той переписки, какую поддерживали съ опальнымъ поэтомъ не успѣвшіе еще забыть его друзья. Туда почта ходила всего только два раза въ годъ. Однако жизнь Шевченко въ этомъ походѣ сложилась совершенно иначе, чѣмъ онъ предполагалъ. Вмѣсто тяжелаго похода онъ совершилъ просто экскурсію, хотя и довольно продолжительную, но не сопряженную для него съ лишеніями. Кромѣ устройства укрѣпленій, проектировалась еще морская экспедиція съ цѣлью изслѣдованія и описанія Аральскаго моря. Во главѣ этой экспедиціи стоялъ упомянутый Бутаковъ. Онъ попросилъ начальника края Обручева назначить къ нему въ отрядъ Шевченко, что и было исполнено. Бутаковъ же отнесся въ высшей степени гуманно къ нашему поэту и, освободивъ его совершенно отъ солдатской службы, предложилъ заняться во время экспедиціи рисованіемъ береговыхъ видовъ Аральскаго моря.

Конечно, Шевченко не могъ на этотъ разъ пожаловаться на свою «долю». Въ его положеніи едва ли и можно было придумать что-либо лучшее. Слѣдуя примѣру своего начальника и низшіе офицеры относились къ нему любезно, а одинъ изъ нихъ пріютилъ его даже въ своей палаткѣ и обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Шевченко шель отдѣльно отъ роты, въ партикулярномъ платьѣ, отрастилъ себѣ бороду, такъ что пересталъ даже ходить на солдата. Но даже подъ прикрытіемъ Бутакова онъ не всегда могъ быть спокоенъ на счетъ злыхъ выходокъ противъ него со стороны сердитаго, разнузданнаго начальства. Такъ въ Раимскомъ укрѣпленіи какой-то подпоручикъ хотѣлъ присвоить себѣ 68 руб. 30 коп., взятыхъ у Шевченко, и когда послѣдній пожаловался, то тотъ не только отрицалъ долгъ, но и «просилъ поступить съ рядовымъ Шевченко по всей строгости законовъ», будто-бы за ложное предъявленіе претензіи. Но онъ былъ изболченъ во лжи своимъ же ротнымъ командиромъ, что и спасло Шевченко отъ «всей строгости законовъ». Въ іюлѣ мѣсяцѣ началось плаваніе, которое продолжалось съ перерывами около полутора года. Шевченко помѣщался въ офицерской каютѣ и занимался исключительно рисова-

ніемъ видовъ акварелью. Если онъ здѣсь и тоскуеть, то вслѣдствіе отсутствія писемъ отъ близкихъ людей. «Вотъ, говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи, — принесли съ «Ватаги» письма и всѣ принялись потихоньку читать, а мы съ N... легли въ сторонкѣ и стали о чемъ-то разговаривать. И я думалъ: «гдѣ бы мнѣ того добра достать—письмо или мать»... Но чаще онъ уходилъ въ такихъ случаяхъ на берегъ моря, пѣлъ заунывныя украинскія пѣсни или вынималъ изъ голенища сапога завѣтную книжечку и вписывалъ въ нее стихи.

Изъ однообразной жизни во время плаванія отмѣтимъ слѣдующій эпизодъ. «Въ 1848 г., пишетъ Шевченко въ «Дневникѣ», послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сырь-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Коссъ-Араль, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ, да баць передо мной на колѣни. «Благословите, говоритъ, батюшка! Мы, говоритъ, уже все знаемъ!» Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась». Въ другой разъ такіе же уральцы-казаки предложили ему 25 р., «отъ которыхъ я, пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ, неблаго-разумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ подвинулъ благочестивую душу старика (предлагавшаго деньги) отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я. Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду»...

По окончаніи экспедиціи Бутаковъ взялъ Шевченко съ собой въ Оренбургъ подъ предлогомъ окончанія работъ по описанію Аральскаго моря. Здѣсь онъ прожилъ около полугода, пользуясь широкой свободой. Формально онъ считался, конечно, солдатомъ, но въ дѣйствительности не несъ никакой службы, сбросилъ даже солдатскую шинель, жилъ не въ казармахъ, а во флигелѣ, представленномъ въ его распоряженіе адъютантомъ Обручева, гдѣ

устроилъ настоящую мастерскую. Мало того, несмотря на неотвѣтственное запрещеніе рисовать, Бутаковъ рискнулъ формально представить работу Шевченко (альбомъ видовъ береговъ Аральскаго моря) главному начальнику края Обручеву и аттестовалъ его, какъ въ высшей степени полезнаго работника въ дѣлѣ исполненія порученія, возложеннаго на экспедицію. Обручевъ также остался доволенъ альбомомъ. Но дальнѣйшія хлопоты Бутакова о производствѣ Шевченко въ унтеръ-офицеры, что составляло для разжалованнаго первый шагъ къ дальнѣйшему облегченію положенія, окончились большими неприятностями какъ для Обручева, такъ и для Бутакова. Шевченко же на этотъ разъ не пострадалъ; онъ получилъ только обратно свой альбомъ.

О своемъ душевномъ состояніи въ это время онъ говоритъ въ письмѣ къ Репниной: «...Не много прошло времени, а какъ много измѣнилось; по крайней мѣрѣ сами вы уже не узнали бы во мнѣ прежняго глупо-восторженнаго поэта. Нѣтъ, я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ. Вообразите! въ продолженіи почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помысла вдохновеннаго... Проза и проза или, лучше сказать, степь и степь. Да, В. Н., я самъ удивляюсь моему превращенію, у меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости; за то есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рыбьяго хладнокровія. Грядущее для меня какъ будто не существуетъ. Ужели постоянныя несчастья могутъ такъ печально по-работать человѣка? Да, это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченко и благодарю Бога»... Однако тотчасъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что поэтъ только напускаетъ на себя рыбье хладнокровіе. Стихи, которые онъ и здѣсь продолжаетъ писать, звучатъ все тою же горячею любовью къ родинѣ и тоской по ней. Да развѣ и могутъ лишенія, одиночество, пустыня, суровыя «ружистики» и «шагистики», развѣ могутъ утушить жаръ искренней, пылкой души? Обстоятельства конечно вліяютъ, человѣкъ можетъ замолкнуть, даже, такъ сказать, перегорѣть отъ сжигающаго его внутренняго жара, не находящаго себѣ выхода, но приобрѣсть «рыбье хладнокровіе» такой человѣкъ не можетъ... Если роднику, бьющему изъ земли, преграждаютъ его естественный путь, онъ находитъ себѣ другой, скрывается подъ землю, но во всякомъ смучаѣ не пропадаетъ до тѣхъ поръ, пока не изсякнутъ источники, питающіе его.

Шевченко и въ ссылкѣ оставался все тѣмъ же Шевченко, что онъ былъ и раньше, и отъ его «рыбьяго хладнокровія» не оста-

валось и слѣда всякій разъ, когда онъ наталкивался въ мысляхъ или въ жизни на безобразіе. Одинъ изъ такихъ именно взрывовъ негодованія имѣлъ для него весьма печальныя послѣдствія.

По словамъ Ф. Лазаревскаго, его оренбургскаго друга, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. У одного пріятеля Шевченко, оказавшаго ему много услугъ, была хорошенькая жена, за которой ухаживалъ вѣкій прапорщикъ И. Для другихъ это не была тайна, но мужъ не догадывался. Вотъ тутъ-то и начинается возмущеніе Шевченко. «Какъ я, пріятель его, вижу, какъ надъ нимъ насмѣхается его же жена, какъ его позорять, и буду молчать! Знать и молчать въ данномъ случаѣ—это, значитъ, быть соучастникомъ обмана. Я долженъ раскрыть ему глаза»,—рѣшалъ Шевченко и, несмотря на совѣты друзей не мѣшаться въ это дѣло, поджидалъ только удобнаго случая. Замѣтивъ однажды, что прапорщикъ прокрался тайкомъ къ своей возлюбленной, онъ отыскалъ мужа и привелъ его къ дверямъ комнаты, гдѣ происходило свиданіе. Что послѣдовало за тѣмъ, насъ не интересуеть. Но вотъ что важно и что имѣло печальнѣйшія послѣдствія для Шевченко: на другой день Обручевъ получилъ доносъ, что Шевченко ходитъ по городу въ партикулярномъ платьѣ, пишетъ стихи и занимается рисованіемъ. Конечно, Обручевъ прекрасно зналъ это и самъ; да мудрено было бы и не знать, когда Шевченко рисовалъ портретъ съ его жены въ его же домѣ. Доносъ можно было бы бросить въ корзину ненужныхъ бумага... А если одновременно посланъ такой же доносъ и шефу жандармовъ, съ которымъ Обручевъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ?.. Выйдутъ новыя непріятности. Онъ почему-то даже увѣренъ, что доносъ посланъ и туда. Нѣтъ, рѣшаетъ генералъ, надо дѣйствовать, несмотря на неохоту, быстро и рѣшительно, и онъ приказываетъ своему адъютанту взять съ собой жандармскаго штабъ-офицера и произвести немедленно обыскъ на квартирѣ у Шевченко, а о результатахъ донести ему. Дѣло происходитъ въ субботу на Страстной недѣлѣ.

Упомянутый адъютантъ, которому поручено было произвести обыскъ, водилъ также знакомство съ Шевченко; получивъ приказаніе, онъ направился сначала къ Лазаревскому и просилъ его предупредить Шевченко, что не далѣе, какъ черезъ полтора часа, у него будетъ обыскъ. Насилу Лазаревскій розыскалъ своего друга и они посѣщили на квартиру, гдѣ, при содѣйствіи еще одного пріятеля, начали наскоро уничтожать разныя бумаги, письма и рисунки. Наконецъ Шевченко, зная хорошо, что у него не выйдетъ

ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи, запротестовалъ: «довольно, сказалъ онъ, закрывая пачку писемъ, — оставьте же хоть что-нибудь, а то они подумаютъ, что добрые люди меня и знать не хотятъ». Такимъ образомъ, въ руки жандармовъ попало два альбома съ стихами и около 20 писемъ отъ разныхъ лицъ. Все это отправлено было въ Петербургъ, а оттуда пришло распоряженіе: впредь до окончанія слѣдствія, отправить Шевченко по этапу въ Орскую крѣпость и тамъ заключить въ казематъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда выяснилось, что Шевченко не совершилъ собственно никакого преступленія, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и отправленъ въ Новопетровское укрѣпленіе съ предписаніемъ отдать его подъ строгій надзоръ ротнаго командира.

Семилѣтнее пребываніе поэта въ Новопетровскомъ укрѣпленіи исполнено трагизма, но не шумнаго, бьющаго въ глаза, трагизма. а того, который вытекаетъ изъ ежедневной и ежечасной необходимости быть на сторожѣ въ виду возможнаго посягательства на самыя примитивныя права человѣка и который въ конецъ подтачиваетъ силы человѣка. Пребываніе поэта въ Новопетровскомъ укрѣпленіи — самый бесплодный періодъ въ его поэтическомъ творчествѣ и самый гибельный для его нравственнаго существа. Онъ написалъ здѣсь вообще очень мало, а первые годы даже ничего и не рисовалъ.

«Живу я, пишетъ онъ въ письмѣ къ одному пріятелю, можно сказать, жизнью публичною, сирѣчь въ казармахъ. Муштруюсь ежедневно, хожу въ караулъ и т. д. Одно слово — солдатъ, да еще солдатъ какой — просто пугало воронье! Усища огромные, лысина — что твой арбузъ... Живу, можно сказать, однимъ воспоминаніемъ». Въ этихъ словахъ вы слышите еще шутиливую нотку. Онъ могъ еще шутить. Но вотъ въ другомъ письмѣ читаемъ: «Я — нищій, въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матерьяльно, но и душою и сердцемъ обнищать... А если бы ты посмотрѣлъ, среди какого народа я нахожусь теперь. А я у нихъ въ кулакѣ сижу»... Тутъ уже не слышно шутики. Человѣкъ сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ: «родился я и выросъ въ неволѣ. говоритъ онъ, — да и умру, кажется, солдатомъ. *Какойнибудь да былъ бы конецъ, а то, право, надолю.*». Не думайте, что это — одинъ только случайно вырвавшійся слова. Мысль о «концѣ», какъ желательной развязкѣ, очевидно, крѣпко сидѣла въ головѣ поэта. Дѣйствительно, къ чему жизнь,

ли у него отняли все, чѣмъ онъ жилъ, если и въ будущемъ не увидится ничего лучшаго. «Образцовый фрунтовикъ»,—вѣдь жесточайшее издѣвательство надъ всѣми его завѣтными убѣжденіями. Какъ всякій отважный человѣкъ, онъ не страшится тягостей, выпавшихъ на его долю, не ищетъ случая постыдно уклониться отъ нихъ и не станетъ искусственно приближать къ себѣ конецъ»; но онъ готовъ принять его, какъ избавленіе отъ пугой и мучительной жизни. «А что, братъ Тарась, шутя сказалъ му какъ-то одинъ молодой офицеръ послѣ ученія, вѣдь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морскую службу или наначили въ казаки?! Вѣдь служба на чайкѣ или на конѣ больше амъ, запорожцамъ-то съ руки, чѣмъ въ пѣхотѣ!»—«А еще лучше было бы мнѣ или совсѣмъ не родиться, или умереть поскорѣе», гвѣчалъ на это, понуривъ голову, Тарась, и двѣ крупныя слезинки,—вотъ какъ теперь вижу, прибавляетъ рассказчикъ-очевидецъ,—такъ и скатились у него изъ глазъ».

Что же такое Новопетровское укрѣпленіе, въ какія условія былъ тамъ поставленъ Шевченко и среди какого общества ему пришлось жить?

Новопетровское укрѣпленіе во времена Шевченко представляло ебольшой укрѣпленный пунктъ съ девятью или десятью орудіями, аспоженный на обрывистой известковой скалѣ западной оконечности полуострова Мангишлака, верстахъ въ трехъ отъ берега Каспійскаго моря. Небольшая каменная церковь, комендантскій домъ, караульный домъ, госпиталь и нѣсколько каменныхъ флиелей для помѣщенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ,—вотъ и вся рѣдность, а около нея, подъ горой, нѣсколько армянскихъ лавокъ, ругомъ же—голая степь и не признака растительности. «Песокъ да камень, пишетъ Шевченко; хоть бы травка, хоть бы деревцо—ничего нѣтъ!.. Смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ, просто хоть удавись, да удавиться нечѣмъ!..» А. Родзевичъ, недавно посѣтившій эту мѣстность (Новопетровскъ съ 1857 г. переименованъ въ Александровскій фортъ) говоритъ, что «вѣчно юющая тамъ сѣверо-восточный вѣтеръ раздражаетъ и приводитъ къ болѣзненное состояніе всю нервную систему», «полутропическая кара приводитъ къ близкому помѣшательству, а зимнія стужи, при полной неприспособленности квартиръ, подвергаютъ организмъ всякаго рода простуднымъ заболѣваніямъ».

Вотъ въ эту-то пустыню и былъ присланъ Шевченко, а въ преоводительной бумагѣ говорилось: считать рядового Шевченко

записаннымъ въ солдаты за политическое преступленіе и имѣть за нимъ особый надзоръ: не позволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже имѣть при себѣ какія-либо письменныя или рисовальныя принадлежности.

«Помѣстили его въ казарму, рассказываетъ бывшій его начальникъ (изъ доброжелательныхъ),—приставили для надзора за нимъ особаго дядьку изъ солдатъ, стали водить на фортовыя работы, на *мунитру*. Все это для Шевченко, хотя онъ былъ не изъ нѣженокъ и не изъ баловней, было тѣмъ тяжелѣе, что, на бѣду свою, онъ попалъ подъ начальство-то П—ва. Необразованный, несердечный... часто и неумѣстно грубый и строгій былъ этотъ чело-вѣкъ... Донималъ онъ Шевченко не тѣмъ, что не дѣлалъ для него исключеній или послабленій, о чемъ тотъ и не помышлялъ, а всякими мелочными да просто-таки ненужными придирками,—точно онъ будто-бы посмѣивался надъ чело-вѣкомъ и безъ того уже терпящимъ. То бывало, ни съ того, ни съ другого, начнетъ у него выворачивать карманы, чтобы посмотришь, нѣтъ-ли у него тамъ карандаша, либо чего писаннаго или рисованнаго. То станеть издѣваться надъ нимъ за не совѣтъ громкій и солдатскій отвѣтъ на вопросъ или за опущенные при этомъ внизъ глаза и т. п. Но больше всего онъ изводилъ Тараса требованіемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые составляли тогда идеалъ солдатскаго образованія и которые Тарасу, при всемъ даже его стараніи, не давались никакъ!..» «Не постичь мнѣ этой премудрости,—хочь тутъ ложись и помирай!» съ отчаяніемъ говаривалъ бывало послѣ ученія бѣдняга самъ неоднократно мнѣ. Да и дѣйствительно, стоило только на ученіи взглянуть бывало на его фигуру подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали и смѣхъ, и горе! Ну, видимо, что чело-вѣкъ совѣтъ, какъ есть, не способенъ къ тому!..» Вполнѣ согласно съ этимъ и Шевченко въ дневникѣ своемъ, вспоминая недавнее прошлое, пишетъ: «Съ трепетнымъ замيرانіемъ сердца я всегда фабриль усы, облачался въ броню и являлся передъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ и въ заключеніе выслушать наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ: любить Бога и своихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капральнаго ефрейтора».

Съ 1853 года положеніе Шевченко значительно улучшилось. *Ротнаго командира*, задавагоса цѣлью сдѣлать изъ него «образцоваго фрунтовика», перевели на другое мѣсто; его стали осво-

бождать отъ тяжелыхъ работъ, даже отъ службы и призвали только въ экстренныхъ и необходимыхъ случаяхъ. Поэтъ могъ жить теперь внѣ казармы и цѣлое лѣто проводилъ обыкновенно на огородѣ коменданта, у котораго и обѣдалъ. Онъ устроилъ себѣ небольшую землянку, существующую до сихъ поръ и извѣстную подъ именемъ «домика Шевченко». Этотъ домикъ въ настоящее время служитъ дамской уборной при лѣтнемъ помѣщеніи клуба. Тутъ же подлѣ землянки сохранилось нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ поэтомъ. Мало по малу съ нимъ перезнакомилось и сошло все офицерское общество, такъ что его сослуживецъ-землякъ, солдатъ Обеременко, котораго Шевченко долго не могъ вызвать на разговоръ, говорилъ ему: «я самъ вижу, что мы свои да не знаю, какъ къ вамъ приступить; вы все то съ офицерами, то съ поляками». Такимъ образомъ самый тяжелый путь былъ пройденъ въ первые два-три года пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Но что нашель Шевченко въ обществѣ, пережъившемъ въ концѣ концовъ отчужденность на пріязнь и принявшемъ его, какъ своего человѣка?

Это общество состояло человѣкъ изъ сорока, пятидесяти, считая не только всѣхъ офицеровъ съ женами, но и купцовъ съ чиновниками. «Днемъ бывало рассказываетъ бывший ротный командиръ Шевченко, дѣлаемъ ученіе, совершенствуя шагистику и ружейстику, производимъ фортовья работы, а по вечерамъ собираемся больше по семейнымъ домамъ, играемъ въ шашки, лото, преферансъ и ералашъ... Иногда ѣзжали на охоты... Пѣвали по праздникамъ въ церкви на клиросѣ; а то, когда у насъ впоследствии составились изъ офицеровъ и солдатъ два маленькіе оркестра, то случалось, что и танцевали и даже устраивали любительскіе спектакли въ пустопорожней казармѣ...»

Народная мудрость гласитъ: «съ волками жить, по волчьи выть». Хотя мы думаемъ, что нашъ читатель не раздѣляетъ этой мудрости, однако спросимъ, что дѣйствительно могъ дѣлать въ этомъ обществѣ и съ этимъ обществомъ Шевченко, потерявшій всякую связь съ жизнью, лежавшей за предѣлами Новопетровскаго укрѣпленія, и лишенный даже возможности поддерживать дѣятельную корреспонденцію съ бывшими пріятелями. Онъ долженъ былъ или отстраниться отъ него, или «по волчьи выть»; но отстраниться—это значило возвратиться въ казарму и въ продолженіе еще пяти лѣтъ терпѣть жестокою николаевскую муштру въ концѣ концовъ дѣйствительно превратиться въ «образцо-

ваго фрунтовика», т. е. въ живую, двигающуюся по всѣмъ правиламъ искусства, машину. И Шевченко вошелъ въ общество и сталъ жить его жизнью. «Я уже докладывалъ вамъ, продолжаетъ свой рассказъ бывший ротный командиръ, что съ 1852 г. Шевченко сталъ все больше и больше вхожъ въ наше маленькое общество, которое такъ наконецъ полюбило его, что безъ него не устраивало бывало уже ничего,—были то обѣды или ужины по какому либо случаю, любительскій спектакль, поѣздка на охоту, простое какое-либо сборище холостяковъ или пѣвческой хоръ». Не хочетъ ли ужъ ротный командиръ сказать, что онъ сталъ «душою» ихъ общества, какъ то было нѣкогда въ Петербургѣ и въ особенности на родинѣ, среди земляковъ? Мы прекрасно понимаемъ, что Шевченко, какъ чрезвычайно богато одаренный человекъ, могъ служить украшеніемъ любого общества. Но «душою общества», какъ у насъ принято выражаться, становится только тотъ, кто идетъ навстрѣчу стремленіямъ и желаніямъ даннаго общества, кто лучше всего умѣетъ достигать интересовъ его. Чѣмъ же жило Новопетровское общество,—мы знаемъ. И такъ, Шевченко развлекаетъ разговорами и рассказами скуку четырехъ дюжинъ мужчинъ и женщинъ, прозябавшихъ на пустынномъ берегу Каспія, сами не зная зачѣмъ; а рассказывать онъ былъ мастеръ, когда чувствовалъ себя въ духѣ: «и не нашему брату, простому офицеру, замѣчаетъ ротный, было бы не только пріятно, но, можно сказать, и пользительно послушать его». «Рѣдкій пикникъ, рѣдкая прогулка», читаемъ въ другомъ воспоминаніи, «совершались безъ его участія и въ часы хорошаго расположенія духа не было конца его шуткамъ и острокамъ». Онъ поетъ задушевнымъ голосомъ украинскія пѣсни, мастерски танцуетъ «тренака», восхищаетъ всѣхъ въ роли Рисположенскаго и т. д. Правда, онъ въ карты рѣшительно не можетъ играть, но за то въ другомъ не менѣе важномъ для Новопетровскаго общества дѣлѣ, выпивкѣ, подвизается успѣшно; этотъ успѣхъ.—а онъ былъ также необходимо, чтобы стать «душою»—обошелся ему особенно дорого...

Новопетровскіе офицеры пили, какъ настоящіе «мочеморды», и требовали того же отъ своего сотоварища. «Разъ, знаете, лѣтомъ выхожу я, рассказываетъ ротный, часа въ три ночи вдыхнуть свѣжаго воздуха. Только вдругъ слышу пѣніе. Надѣлъ я шапку, взялъ съ собою дежурнаго да и пошелъ по направленію къ офицерскому флигелю, откуда неслись голоса. И что же, вы думаете, вижу? Четверо несутъ на плечахъ дверь, снятую съ

петлей, на которой лежатъ два человѣка, покрытые шинелью, а остальные идутъ по сторонамъ и поютъ, точно хоронятъ кого. «Что это вы, господа, дѣлаете? спрашиваю ихъ. «Да вотъ, говорятъ, гулянка у насъ была, на которой двое нашихъ, Тарасъ да поручикъ Б., легли костью,—ну вотъ мы ихъ и разносимъ по домамъ!...» Такія грандіозныя «гулянки» устраивались конечно изрѣдка, но это нисколько не мѣшало маленькимъ, когда человѣкъ находился, по выраженію ротнаго командира, «подъ шефе», — быть повидимому обычнымъ времяпрепровожденіемъ.

Одни хотѣли сдѣлать изъ великаго народнаго поэта — «образцоваго фрунтовика», другіе — «душу» своего общества, а въ концѣ концовъ пьяницу; но ни тѣ, ни другіе не могли овладѣть всецѣло имъ. Онъ до конца своей жизни остался тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не чѣмъ желали его сдѣлать. Но всѣ эти покушенія на его талаптъ и личность не могли пройти безслѣдно; въ борьбѣ съ ними онъ растерялъ много душевныхъ и физическихъ силъ.

Не всегда однако Шевченко готовъ былъ раздѣлять досужее времяпрепровожденіе Новопетровскихъ обывателей. Находилъ и на него «худой стихъ», какъ выражается бывший ротный командиръ. «Тогда хоть и не зови его» — говоритъ онъ. «Сидитъ себѣ хмурый-хмурый, да молча рисуетъ или лѣпнеть что-нибудь, а то бывало и просто такъ сидитъ, точно замершій, на мѣстѣ въ какомъ нибудь пустынномъ юру, да пригорюнившись глядитъ куда-то вдаль»... Ясно, что дѣло вовсе не въ «худомъ стихѣ», а въ томъ, что человѣкъ отъ поры до времени оглядывался на жизнь и ужасался. Въ письмѣ къ Брониславу Залескому (отъ 10 февраля 1855 г.) Шевченко пишетъ: «Вѣришь ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находить, такая жгучая, ядовитая, сердечная боль, что я себѣ нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы, — человѣчку и болѣе меня хладнокровному не мудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаяваюсь видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ».

Отъ тупыхъ и пьяныхъ головъ Шевченко искалъ спасенія въ книгахъ, но онѣ въ Новопетровскѣ были на рѣдкость; впрочемъ бывший ротный командиръ рассказываетъ, что они въ складчину выписывали «Русскій Инвалидъ», «Пчелку», «Отечествен-

ныя Записки» и «Современникъ», но это относится повидимому къ послѣднимъ годамъ пребыванія Шевченко въ Новопетровскѣ, когда и въ письмахъ его дѣйствительно встрѣчаются ссылки на упомянутые журналы. Вообще же книгъ было очень мало и онъ съ жадностью накинудся на заваливающую у одного солдата эстетику Либельта на польскомъ языкѣ.

Величайшую утѣху для Шевченко составляли въ это время письма отъ близкихъ людей и пріятелей. Но «земляки» и старые друзья были на этотъ счетъ не особенно щедрѣ; отзывчивѣе оказались поляки, съ которыми онъ сблизился еще въ Орской крѣпости и которые получили свободу значительно раньше его. Шевченко дѣятельно переписывался съ Залескимъ и при его содѣйствіи сбывалъ свою «шерстяную матерію» (такъ назывались въ перепискѣ друзей рисунки). На деньги, выручаемыя за эти рисунки, съ прибавкой случайныхъ присылокъ, Шевченко и существовалъ въ продолженіи всей своей ссылки. Въ Новопетровскѣ онъ сталъ еще выдѣлывать изъ алебаstra статуэтки и разныя фигуры. Къ этому искусству онъ впослѣдствіи не возвращался.

Такимъ образомъ за чтеніемъ, рисованіемъ, лѣпкою изгнанникъ отдыхалъ нѣсколько отъ впечатлѣній, получаемыхъ среди «пьяныхъ» и «тупыхъ» головъ. Но особенную отраду онъ находилъ въ обществѣ дѣтей. У коменданта Ускова были двѣ дѣвочки, и Шевченко, вообще очень любившій дѣтей, скоро сталъ для нихъ словно родной; дѣти называли его дядей «Горичемъ»; онъ рассказывалъ имъ о своей дорогой родинѣ, дѣлалъ удочки, плелъ корзины, пѣлъ пѣсни, наконецъ обучалъ ихъ грамотѣ. Онъ сблизился и съ сажымъ Усковымъ, въ особенности ему нравилась на первыхъ порахъ жена коменданта. «... Эта прекраснѣйшая женщина, пишетъ онъ Залескому, для меня есть истинная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь даже до поэзіи. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; да и можно ли быть иначе въ присутствіи высоко нравственной и физически прекрасной женщины?...» «Великая вещь, пишетъ онъ нѣсколько ниже, — сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ и, если это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ бы то ни было, то человѣкъ не можетъ быть несчастливъ»... Мы видимъ, какъ немного нужно было поэту: онъ «совершенно счастливъ», встрѣтивъ въ Новопетровской пустынѣ единственнаго человѣка, сочувствовавшаго (какъ ему по крайней мѣрѣ казалось) «всему благородному и

прекрасному». Совершенно ясно, что дѣло здѣсь идетъ именно объ этомъ общемъ сочувствіи всему прекрасному и что о любви въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова тутъ нѣтъ еще рѣчи. Въ другомъ письмѣ онъ уже прямо пишетъ: «Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благородной моей душой. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо *порочнаго въ непорочной любви моей*». Да иначе трудно было бы понять, какимъ образомъ Шевченко могъ бывать въ домѣ Усковыхъ изо дня въ день въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и сохранять со всей семьей хорошія отношенія. Только подъ конецъ ссылки у нихъ вышли нѣкоторыя недоразумѣнія вслѣдствіе того, что комендантша имѣла неосторожность попрекнуть его своими благодѣяніями. «Я страхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, пишетъ онъ по этому поводу, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

«Горекъ хлѣбъ подаванія
И жестки ступени чужаго крыльца»...

Происшествіе непріятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности, добрыхъ людей». Впрочемъ уже нѣсколько раньше онъ сталъ сомнѣваться въ созданной имъ иллюзии: «А моя нравственная, моя единственная опора, пишетъ онъ, и та въ настоящее время пошатнулась и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше!»

Такъ протекала жизнь Шевченко въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Время шло и уносило лучшіе годы. Шевченко какъ поэтъ изнывалъ въ бездѣйствіи, а какъ человѣкъ онъ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять самое жалкое существованіе. И силы, несомнѣнныя, громадныя силы были растратчены безъ всякой пользы для общества и съ большимъ вредомъ для самого дарованія. Будущее, казалось, не сулило также никакихъ переимѣнъ къ лучшему. Съ восшествіемъ на престолъ Александра II многіе получили помилованіе, но эти милости не коснулись сначала Шевченко. Онъ недоумѣваетъ, — почему онъ не былъ представленъ къ Высочайшей милости. «Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи», пишетъ онъ въ 1856 году Залескому и проситъ его обратиться къ разнымъ лицамъ съ просьбою походатайствовать о немъ. Первые попытки окончились, *повидимому, неудачно*: «*Какимъ родомъ, пишетъ онъ все тому же Залескому, могло быть предпочтено представленіе генерала предста-*

вленію маіора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи... Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно бы было приучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастьямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва дѣлалъ собой. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя»...

«О Высочайшихъ помилованіяхъ по случаю коронаціи», говорить онъ въ другомъ письмѣ, «у насъ еще ничего не извѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждой. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденіе В. А. (Вас. Алек. Перовскаго)? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? Словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями?»... Дѣло приняло сразу другой оборотъ, когда за хлопоты объ освобожденіи поэта-художника принялась графиня Толстая и ея мужъ, бывший тогда вице-президентомъ академіи художествъ. Эти добрые люди оказались достаточно вліятельными и энергичными; на ходатайство ихъ было обращено вниманіе и велѣно пересмотрѣть дѣло о рядовомъ солдатѣ Шевченко. Уже въ 1855 г. нѣкто художникъ Осиповъ, по порученію графа Толстого, писалъ нашему изгнаннику: „Графъ Ѳ. П. Толстой поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ искренно соболѣзнуетъ о вашемъ несчастіи и душевно радъ употребить всѣ зависящія отъ него средства для облегченія вашей участи, если только степень вашего преступленія не будетъ неодолимымъ препятствіемъ. Начало уже сдѣлано». Затѣмъ уже сама графиня пишетъ: «Тороплюсь отвѣчать вамъ (на письмо Шевченко къ Осипову)... и просить васъ принять въ душу отрадную гостью-надежду.. Вѣруйте же въ лучшее будущее!»... Шевченко пишетъ ей отчаянные письма, умоляетъ спасти его, или еще одинъ годъ — и онъ погибнетъ. Но проходитъ цѣлый годъ, поэтъ конечно не погибаетъ, а графиня пишетъ ему все въ томъ же тонѣ: «Все, что можно было сдѣлать, сдѣлано. Надѣюсь въ скоромъ времени дать вамъ вѣсть, а можетъ быть увидѣться съ вами лично, а до тѣхъ поръ да не возмущается душа ваша безнадежностью!»... Друзья и земляки, вызывавшіе справедливыя нареканія со стороны Шевченко за *молчаніе, теперь, когда вѣтеръ подулъ въ благопріятную сторону, напомнили ему о своемъ существованіи и своихъ чувствахъ письмами и присылкой денегъ. Наконецъ, въ 1857 г., въ письмѣ отъ*

2 мая, Лазаревскій сообщилъ ему великую вѣсть о свободѣ. «Поздравляю тебя съ великою царскою милостью, писалъ онъ! По просьбѣ гр. Толстой и по засвидѣтельствванію гр. Толстого, ты получаешь отставку и избираешь родъ жизни».

Но только 21 іюля было получено официальное извѣщеніе объ его освобожденіи, и онъ, послѣ томительнаго ожиданія и приготовленій, которые состояли въ торбѣ сухарей, ветчинѣ, съѣденной впрочемъ въ ожиданіи, и жестяномъ чайникѣ, вырвался наконецъ 2-го августа изъ Новопетровска и, по пропуску, выданному комендантомъ, направился черезъ Астрахань въ Петербургъ. Первымъ своимъ долгомъ онъ считалъ засвидѣтельствовать лично Толстымъ горячее чувство благодарности и любви, заочно вызванныхъ въ немъ ихъ благороднымъ заступничествомъ.

ГЛАВА IV.

По возвращеніи изъ ссылки.

(1857—1861 г.).

Поззія и живопись.—Невольная задержка въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Свиданіе съ Щепкинымъ.—Пиунова.—Въ Петербургѣ.—Настроеніе—Ольдридъ.—Бездѣятельность.—У сестры.—Арестъ.—Трехнедѣльное пребываніе въ Киевѣ.—Снова въ Петербургѣ.—Злоба дня: усадьба на берегу Днѣпра и невѣста.—Освобожденіе родныхъ отъ крѣпостной зависимости.—Второе изданіе «Кобзаря».—Заботы о народномъ просвѣщеніи.—Букварь.—Смерть.

Двойное дарованіе Шевченко получило въ личной его жизни совершенно особенное значеніе. Поззія, какъ онъ самъ говоритъ, довела его до подневольной солдатчины; искусство-же, наоборотъ, вотъ уже второй разъ высвобождало его изъ неволи, по крайней мѣрѣ такъ дѣло обстояло съ формальной стороны. Первый разъ оно вывело его изъ крѣпостной зависимости на дорогу свободной жизни и свободного творчества, а второй разъ возвратило къ свободной жизни въ столицѣ изъ десятилѣтняго и гибельнаго во всѣхъ отношеніяхъ прозябанія въ прикаспійской пустынѣ. Мало того, поззія, эта «бисова муза», вѣчно угрожала ему возможностью новыхъ и новыхъ болѣе или менѣе суровыхъ испытаній. Казалось, чего-бы проще: забыть эту поззію, изъ-за которой приходилось столько страдать, и отдаться всецѣло искусству. Но въ томъ-то и дѣло, что истинный поэтъ творить, потому что онъ не можетъ не творить, онъ не соображается съ тѣмъ, что сулитъ ему его вдохновенный стихъ, его пѣсня—личное благополучіе или страданіе; онъ не можетъ руководиться соображеніемъ о пользѣ и удовольствіи ни въ тѣсномъ, ни въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ; онъ, можно сказать, исполняетъ свой *долгъ, возвѣщая народу правду*, и съ одной только правдой онъ и можетъ *собразовать свои поступки*. Шевченко былъ истиннымъ поэтомъ и поэтомъ-то онъ не могъ отвернуться отъ своей музы и обра-

тяться къ тому, что, повидимому, обѣщало спокойное существованіе. И странно покажется намъ, людямъ не посвященнымъ въ тайны поэзіи: поэтъ не только не сѣтуетъ на свою музу, но даже привѣтствуетъ ее, какъ свою «пречистую» и «святую» благодѣтельницу. «Мнѣ ты повсюду помогала, говоритъ онъ, за мной ты повсюду присматривала. Въ степи, безлюдной степи, въ далекой неволѣ ты сіяла, красовалась, какъ цвѣточекъ въ полѣ. Изъ грязной казармы ты выпорхнула чистой, святой пташечкой и полетѣла надо мною, золотокрылая, запѣла и словно живою водою окропила мою душу. И я ожилъ, и горюшь ты надо мною во всей своей Божьей красотѣ. Не оставляй-же меня, просишь онъ, ни днемъ, ни ночью, и учи говорить чистыми устами правду...» И муза не оставила его. Напротивъ, какъ-бы почувствовавъ обновленіе общественной жизни, которымъ ознаменованы наши шестидесятые годы, она пытается еще шире развернуться. Глубоко заблуждаются тѣ, кто вмѣстѣ съ однимъ изъ его біографовъ находятъ, что «сила и мощь его (Шевченко) великаго таланта, развернувшася вполнѣ и достигшаго своего апогея въ первые два періода его поэтической дѣятельности, въ послѣдніе годы жизни поэта замѣтно стали ослабѣвать», что «поэтъ въ послѣднихъ своихъ стихотвореніяхъ выражается не смѣло, прибѣгая иногда къ иносказанію» и т. д. Если Тургеневъ и говоритъ нѣчто подобное на основаніи нѣкоторыхъ стихотвореній, читанныхъ самимъ поэтомъ въ петербургскихъ кружкахъ, то всякій, кто дѣйствительно знакомъ со всѣми произведеніями Шевченко, а не случайно слышанными, отвергнетъ это свидѣтельство знаменитаго беллетриста.

Возвратимся однако къ Шевченко. Онъ направлялся теперь въ Петербургъ, чтобы заняться при академіи художествъ гравированіемъ. О своемъ художественномъ талантѣ онъ былъ не особенно высокаго мнѣнія. «Живописцемъ—творцомъ я не могу быть, читаемъ мы въ черновомъ наброскѣ письма къ гр. Толстому въ дневникѣ; объ этомъ счастья не разумно было-бы помышлять; но я по приѣздѣ въ академію, съ Божьей помощью и съ помощью добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, буду граверомъ à l'aqua tinta и, уповая на милость и помощь Божью и на ваши совѣты и покровительство, надѣюсь сдѣлать что нибудь достойное возлюбленнаго искусства, распространять посредствомъ гравюры славу славныхъ художниковъ, распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному».

На пути въ столицу Шевченко встрѣтилъ однако нежиз-

данныя препятствія. Изъ Астрахани онъ поѣхалъ пароходомъ по Волгѣ, воспользовавшись приглашеніемъ своего стараго знакомаго, а теперь астраханскаго богача Сапожникова, сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ эту поѣздку. Они отправились на специально абонированномъ Сапожниковымъ пароходѣ въ тѣсномъ кругу лицъ, сопровождавшихъ послѣдняго. Но по пріѣздѣ въ Нижній ему было объявлено, что дальше ѣхать онъ не можетъ и что ему придется даже отправиться назадъ въ Уральскъ за полученіемъ своей отставки, а оттуда въ Оренбургъ. Дѣло въ томъ, что Шевченко получалъ свободу на первыхъ порахъ ограниченную: онъ не могъ жить ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ и впродолженіе до разрѣшенія возвратиться на родину обязывался проживать въ Оренбургѣ. Комендантъ Новопетровскаго укрѣпленія не зналъ о существованіи такой бумаги и потому выдалъ Шевченко свидѣтельство на проѣздъ прямо въ Петербургъ, а узнавши въ чемъ дѣло и опасаясь строгаго взысканія со стороны своего начальства, забилъ тревогу. Онъ разослалъ во всѣ значительные пункты по пути изъ Астрахани въ Петербургъ бумагу о задержаніи Шевченко и препровожденіи его въ Уральскъ. Вотъ такую-то бумагу и прочелъ ему теперь нижегородскій полицеймейстеръ. Нечего говорить, какъ она поразила поэта. Благодаря однако снисходительному отношенію нижегородской администраціи и ходатайствамъ знакомыхъ, онъ былъ оставленъ по болѣзни въ Нижнемъ Новгородѣ и здѣсь ожидалъ результатовъ хлопотъ, предпринятыхъ графиней Толстой. Въ Нижнемъ Шевченко скоро завелъ довольно обширный кругъ знакомыхъ, въ обществѣ которыхъ и проводилъ большую часть времени; затѣмъ онъ занялся чтеніемъ: пробѣловъ оказалось масса; рисовалъ портреты по заказу и разныя нижегородскія достопримѣчательности; поэзія также не оставалась въ забросѣ; тутъ были написаны между прочимъ «*Неофиты*», посвященные М. С. Щепкину, къ которому онъ питалъ самое нѣжное чувство дружбы. Легко представить себѣ поэтому радость нашего поэта, когда Щепкинъ написалъ, что хочетъ навѣстить его въ Нижнемъ. Подъ 21 декабремъ 1857 г. читаемъ въ дневникѣ: «Сегодня получилъ письмо отъ М. С. Щепкина. Онъ сегодня выѣхалъ изъ Москвы и послѣзавтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой неличейной дружбой! Не многимъ изъ насъ *Богъ посылаетъ* такую полную радость и весьма немногіе изъ людей, доживъ до семидесяти лѣтъ, сохранили такую поэтическую

свѣжесть сердца, какъ М. С., счастливый патриархъ и артистъ»... Подъ 24 декабря: «Праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ! Въ три часа ночи пріѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ!...» Подъ 29 декабря: «Въ 12 часовъ ночи уѣхалъ отъ меня М. С. Щепкинъ... Шестъ дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни...» Подъ 30 декабря: «Я все еще не могу придти въ нормальное состояніе отъ волшебнo-очаровательнаго видѣнія... Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человекъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой незабвенный Михайло Семеновичъ Щепкинъ...» Именно величіе человѣческой души во всей ея простотѣ и непосредственности пѣвчяло поэта и онъ покорно, какъ любящій сынъ, выслушивалъ наставленія старика: «Погано, дуже погано, говорилъ ему послѣдній; ты, кажутъ, дуже кутнувъ... Никакая пощечина меня-бы такъ не оскорбила... Не набрасывай этого на свою натуру и характеръ...» «За дѣло, за дѣло», подбодрялъ онъ Тараса Григорьевича. И кто знаетъ, какая-бы изъ него выработалась сила, если-бы вмѣсто всевозможнаго рода «мочемордъ», съ которыми судьба его сводила такъ часто, онъ прожилъ болѣе долгое время въ обществѣ Щепкина и ему подобныхъ людей.

На досугъ въ Нижнемъ Шевченко увлекся одной молодой дѣвушкой Піуновой, начинающей тогда актрисой. Въ дневникѣ подъ 11 января 1858 г. читаемъ: «...я вскорѣ вспомнилъ, что я одинъ изъ счастливцевъ міра сего. М. С. Щепкинъ, уѣзжая изъ Нижняго, просилъ полюбить его милую П—ву и я буквально исполнилъ его дружескую просьбу...» Піуновой было всего лишь 16 лѣтъ. Шевченко часто бывалъ въ домѣ ея отца; доставалъ книги для молодой дѣвушки, знакомилъ ее съ хорошими людьми, восхвалялъ даже ея игру въ газетѣ и т. д. Онъ, повидимому, искренно увлекался, тогда какъ ее «пугала его внѣшность: сапоги, смазанные дегтемъ, длиннополая чуйка и большая лысына на макушкѣ...» Однажды Шевченко пріѣхалъ къ Піуновымъ «сосредоточенный и серьезный». Она собиралась уходить.. «Погодь, дивчино, вернись!» сказалъ ей поэтъ.—Пустите, мнѣ надо на репетицію, спѣшила она увильнуть.—«Серденько мое, погоды!» Дѣвушка вернулась въ комнату, гдѣ сидѣлъ и отецъ ея. «Отъ и батько, сказалъ Шевченко и попросилъ позвать «матирь». По просьбѣ его всѣ сѣли.—«Адже вотъ товаръ, а вотъ кучецъ, сказаль онъ, указывая на дѣвушку и на себя; батько и маты, отдайте ихъ мени!» Мать старалась знаками выпроводить дочку изъ комнаты

и та бѣгомъ бросилась вонъ изъ дому, крича: «Мнѣ некогда, меня лошадь ждетъ, спѣшу на репетицію...» Такъ кончилась первая серьезная попытка Шевченко жениться; ихъ будетъ еще нѣсколько; но всякій разъ мысль о женитьбѣ улыбалась ему только издали, а при соприкосновени съ дѣйствительностью разбивалась какъ миражъ. Послѣ отказа Піуновой Шевченко затосковалъ. «Я совершенно не гожусь для роли любовника, пишетъ онъ въ дневникѣ. Она вѣроятно приняла меня за помѣшаннаго или, просто, за пьянаго и, вдобавокъ, за мерзавца... Какъ растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье и что я не пошлый театральный любовникъ, а искренній, глубокосердечный ея другъ!...» Онъ ищетъ встрѣчи съ нею, посылаетъ ей книги; но она видимо избѣгаетъ его, а книги посылаетъ обратно, не читая. «Я васъ люблю, пишетъ онъ ей по поводу этого послѣдняго обстоятельства, и говорю это вамъ прямо, безъ всякихъ возгласовъ и восторговъ. Вы слишкомъ умны для того, чтобъ требовать отъ меня пылкихъ изъясненій въ любви; я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобъ употреблять въ дѣло пошлости, такъ принятыя въ свѣтѣ. Сдѣлаться вашимъ мужемъ—для меня величайшее счастье и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно. Но если судьба рѣшила иначе, если я имѣлъ несчастье не понравиться вамъ и если возвращенныя мнѣ вами книги выражаютъ отказъ, то нечего дѣлать: я долженъ покориться обстоятельствамъ...» И Шевченко покорился обстоятельствамъ, хотя и не безъ протеста, выразившагося въ кутежѣ. Скоро онъ однако успокоился; у него «все какъ рукой сняло». Его поразило, что Піунова, обь устройствѣ которой на Харьковской сценѣ онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, не дождавшись отвѣта, заключила условіе съ нижегородскимъ антрепренеромъ. Послѣ этого пассажа у него не хватило духу даже поклониться при встрѣчѣ своей «любимой дивчинѣ». «Я скорѣ простилъ-бы ей, говоритъ онъ, самое бойкое качество (не опечатка-ли: кокетство), нежели эту мелкую несостоятельность, которая меня, а главное моего стараго знаменитаго друга, поставила въ самое неприличное положеніе».

Шевченко начиналъ уже тяготиться своимъ пребываніемъ въ Нижнемъ: «Боже мой, читаемъ въ дневникѣ, какъ-бы мнѣ хотѣлось вырваться изъ этой тухлой грязи!» Это онъ писалъ 11 февраля, а 25-го получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что ему *разрѣшается* прожить въ столицѣ и заниматься въ академіи *художествъ*. «Пріѣзжайте скорѣе, писала ему графиня Толстая,

е могу больше писать: руки дрожатъ отъ нетерпѣнія и радости.....»
/ъ такимъ нетерпѣніемъ ожидала поэта незнакомая еще ему за-
тупница. Что-же сказать о землякахъ, друзьяхъ и бывшихъ това-
рищахъ по ссылкѣ, людяхъ, слышавшихъ о поэтѣ и т. д. Всѣ они
истрѣтили въ высшей степени радушно и восторженно возвратив-
шагося изгнанника. Они знакомятъ его съ массой новыхъ личностей,
ожидаютъ приглашеніями, угощаютъ лукулловскими обѣдами,
длиннѣ словомъ овладѣвають имъ всецѣло. «Боюсь, говоритъ онъ,
закъ бы мнѣ не сдѣлаться модной фигурой...» Въ душѣ онъ те-
перь менѣе, чѣмъ когда либо былъ склоненъ разыгрывать «льва»
зовомодныхъ либеральныхъ гостинныхъ. Конечно, встрѣчались и
гамъ люди прекрасные, достойные, и съ ними случалось ему заго-
зариваться до глубокой ночи; но въ общемъ, онъ чувствовалъ себя
госкливо и скверно. Годы, предшествовавшіе освобожденію кре-
стьянъ, отличались большимъ оживленіемъ. Повсюду въ интелли-
гентныхъ кружкахъ велись горячія пренія о предстоявшей реформѣ,
объ обновленіи всей жизни, о великихъ задачахъ и т. д. На чело-
вѣка съ разбитой нервной системой, у котораго самый малѣйшій
поводъ, въ особенности если дѣло касалось положенія крестьянъ,
вызывалъ чрезвычайное волненіе и даже слезы, всѣ подобныя раз-
говоры должны были оказывать раздражающее дѣйствіе. Кромѣ
того, Шевченко не могъ уже на разговорные восторги отвѣчать
восторгами. Онъ слишкомъ много пережилъ для этого. Его душу
могъ бы умиротворить нѣсколько только самый фактъ 19 февраля
1861 года. Поэтому-то, окунувшись въ эту новую Петербургскую
жизнь онъ больше протестуетъ, смѣется и даже негодуетъ, чѣмъ
ликуетъ. Вотъ онъ въ мастерской одного художника, среди колос-
сальныхъ статуй, приготовляемыхъ для памятника 1000-лѣтія
Россіи. Здѣсь идутъ горячіе споры о достоинствахъ и недостаткахъ
разныхъ историческихъ лицъ. Шевченко, вначалѣ сдержанный и
тактичный въ своихъ рѣчахъ, начинается съ обостреніемъ спора
все больше и больше волноваться; онъ нервно ходитъ взадъ и впе-
редъ, мрачно шовода изъ подъ густыхъ бровей своими свѣтлыми
глазами. Наконецъ уставшая отъ преній компанія «почтенныхъ» лю-
дей расходится; тогда онъ выступаетъ со своими протестами,
сначала лаконическими, отрывочными и циничными, но которые
чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся горячѣе, стройнѣе, пламеннѣе....
«Много было въ его рѣчахъ преувеличеній и желчи, говоритъ въ
своихъ «Воспоминаніяхъ» одинъ художникъ; но возражать ему
въ такія минуты было невозможно...» Наконецъ ему, поவிдамому,

падоѣли всѣ эти гостинныя, мастерскія и т. д., гдѣ «почтенные» люди, съ прибавленіемъ случайно названныхъ литераторовъ, занимались преніями, и онъ отправлялся въ трактирчикъ около брани и здѣсь, въ обществѣ иностранцевъ-матросовъ, «тихий и кроткій» Шевченко приходилъ въ страшно возбужденное состояніе, бранилъ все, и старое и новое, и со всего розмаху колотилъ кулакомъ по столу.

Обратите также вниманіе на знакомство Шевченко съ извѣстнымъ въ то время трагикомъ Ольдриджемъ. Слово бурный вихрь вырывается изъ сердца поэта при встрѣчѣ дѣйствительно родственной души. Они познакомились у Толстыхъ. Часъ спустя между ними завязалась самая трогательная дружба; они сидѣли въ углу на диванчикѣ или ходили обнявшись по залѣ; любопытно при этомъ, что Шевченко не говорилъ ни слова по англійски и вообще не объяснялся ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, а Ольдридждъ не зналъ по русски. Между тѣмъ они бывали другъ у друга и обходились безъ переводчика. Игра знаменитаго артиста приводила поэта въ какой-то изступленный восторгъ; съ однимъ изъ своихъ пріятелей онъ поднималъ въ театрѣ такую возню, гамъ и крики, что не только обращалъ общее вниманіе и вызывалъ протесты публики, но однажды заставилъ даже даму, пригласившую ихъ къ себѣ въ ложу, искать спасенія въ бѣгствѣ. Или, напримѣръ, по окончаніи спектакля въ уборной трагика можно было созерцать такую картину: «въ широкомъ креслѣ, развалился отъ усталости, полулежалъ «король Лиръ», а на немъ, буквально на немъ находился Тарасъ Григорьевичъ; слезы градомъ сыпались изъ его глазъ; отрывочныя, страстныя слова ругани и ласки сдавленными громкими шепотомъ произносилъ онъ, покрывая поцѣлуями раскрашенное масляною краскою лицо, руки и плечи великаго актера....»

Шевченко ѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ заняться гравюрой, но, какъ видно изъ дневника, дѣло шло не особенно успѣшно вслѣдствіе постояннаго отвлеченія отъ работы. Что-же касается поэзіи, то и ею Шевченко занимался немного: «Собственно поэтический элементъ, говоритъ Тургеневъ объ этомъ времени, въ немъ проявлялся рѣдко. Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленнаго, обтерпѣвшагося человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Теперь чаще въ немъ начали проявляться приливы чудачества и кутежа.» Затѣмъ, малую производительность творческаго генія и безалаберную жизнь поэта Тургеневъ приписываетъ отчасти

ому обстоятельству, что хотя онъ и «успѣлъ стать въ уровеньъ новыми идеями, но пробѣловъ въ его образованіи оставалось все таки очень много...» Мы не понимаемъ причеиъ тутъ собственно образованіе. Достаточно вспомнить о десяти убійственныхъ годахъ, растраченныхъ поистинѣ ужасающимъ образомъ нашимъ народнымъ поэтомъ въ солдатской шинели, чтобы объяснить себѣ и малую производительность его творческаго гения, и безалаберную жизнь, и многое другое. Наконецъ въ одномъ стихотвореніи поэтъ самъ говоритъ, что дѣло вовсе не въ его яко-бы бодѣзни и не въ его малообразованности, прибавимъ мы, а въ томъ, что глазъ его видитъ что-то такое, а сердце ждетъ, болитъ и плачетъ и не спитъ, словно ненакормленное дитя. Вѣроятно оно ждетъ него-то недобраго, тяжелаго. «Добра не жди!» восклицаетъ онъ затѣмъ....

Такимъ образомъ никакое дѣло у Шевченко не спорилось, а время уходило. Наконецъ весной 1859 г. ему удалось вырваться изъ Петербурга. Онъ отправляется на родину и проводитъ нѣсколько дней у сестры Ирины и братьевъ. Давно они не видались. У него промелькнули въ головѣ томительные годы одиночества, госки, униженія и тяжелыхъ лишеній. А какъ же жила въ это время ова, его любимая сестра. «Разсказывай, сестра!» И вотъ, начинается длинный скорбный разсказъ крѣпостной крестьянки про свою безталанную судьбу. А онъ, положивши голову къ ней на колѣни, слушаетъ и время отъ времени прерываетъ ее словами: «Эге-жъ! Такъ, сестро, такъ!» Такъ, именно такъ онъ представлялъ себѣ все, когда думалъ объ ея горькой долѣ. «Наплакалась я вволю, разсказывала потомъ Ирина, пока не договорила до конца, — какъ умеръ мой мужъ». Тутъ Шевченко поднялся, посмотрѣлъ на небо, перекрестился и сказалъ: «Молись, сестро, молись! И ты свободная и я свободенъ!» (У Ирины мужъ былъ пьяница). Разсказъ терзалъ сердце: Ирина, какъ и братья поэта, все еще оставалась крѣпостными и барщинный трудъ отягощали ихъ и безъ того не легкое существованіе. Въ прекрасномъ стихотвореніи, посвященномъ сестрѣ, вылилось это горькое чувство въ виду контраста между тѣмъ, что могло бы быть и что было на самомъ дѣлѣ. И какъ немного нужно поэту! Онъ рисуетъ, какъ сестра его спокойно отдыхаетъ «у темному садочку, пидъ вишней, у холодочку» и *высматриваетъ* его, брата, а онъ *плыветъ къ ней въ челяѣ по Днѣпру*. «Мій братику! Моя ты доле!» *кричитъ она ему. Но, увн,* «мы проснулись, говорить поэтъ: ты на

панщинѣ, а я въ неволѣ!..» И дѣйствительно поэтъ скоро снова попалъ въ неволю, и самое стихотвореніе «*Сестра*» написано во время этого кратковременнаго ареста. Вотъ какъ это случилось.

Отъ сестры Шевченко, измученный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, поѣхалъ къ родственнику Вароолоею Шевченко, чтобы у него, среди простой и не раздражающей души обстановки отдохнуть нравственно. Онъ прожилъ у названнаго брата около двухъ мѣсяцевъ, предпринимая лишь по временамъ поѣздки для отысканія себѣ подходящаго усадебнаго мѣста, такъ какъ въ это время онъ серьезно уже рѣшилъ устроить собственное гнѣздо на берегу Днѣпра. За Шевченко, какъ находившимся подъ надзоромъ, приказано было, конечно, слѣдить; а между тѣмъ онъ не особенно осторожничалъ въ своихъ рѣчахъ. На него скоро былъ сдѣланъ доносъ, что онъ непочтительно отзывается о монахахъ или о полиціи, что-то въ этомъ родѣ, и полиція стала его розыскивать. Узнавши случайно, что Шевченко находится у Максимовича на Михайловой горѣ, становой приставъ отправился туда. Онъ пріѣхалъ во время обѣда и «хотѣлъ тотчасъ же арестовать поэта, не давши ему докончить обѣда, но хозяинъ упросилъ его обождать, пока гость отъ него уйдетъ. «Чтобы не у меня въ домѣ», шепталъ онъ приставу въ передней». — Добержинскій (приставъ) ушелъ и поджидалъ поэта у Днѣпра. Едва Шевченко успѣлъ отплыть на нѣсколько саженъ отъ берега, какъ становой арестовалъ его, пересадилъ на своего дуба и отвезъ въ становую квартиру... Затѣмъ его представили на допросъ къ жандармскому офицеру. «Про васъ говорятъ, что вы богохульствуете», спрашиваетъ тотъ. «Можетъ быть и говорятъ, отвѣчаетъ Шевченко, — относительно меня можно всякую всячину плести, такъ какъ я человѣкъ *патентованный*, а вотъ про васъ вѣрно ничего не говорятъ»... Въ концѣ концовъ его повезли къ генераль-губернатору въ Кіевъ. Выслушавъ объясненіе Шевченко, генераль-губернаторъ князь Васильчиковъ велѣлъ освободить его изъ подъ ареста. «Поѣзжайте отсюда скорѣе въ Петербургъ, сказалъ ему князь, — тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ». Виѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ ему пробыть въ Кіевѣ, сколько будетъ нужно.

Интересны и характерны нѣкоторыя подробности изъ трехнедѣльнаго пребыванія поэта въ Кіевѣ. Отъ генераль-губернатора онъ *отправился прямо* розыскивать себѣ квартиру (онъ не ищетъ уже «*своихъ друзей*»). И вотъ на Преваркѣ приглянулась ему одна

«хата», бѣлая какъ сметана, садочкомъ обростая, а на дворѣ сушатся дѣтскія рубахи, «рукавами помахиваютъ, словно къ себѣ заываютъ». Такую именно хату ему и нужно. У него нѣтъ ни копейки денегъ и онъ проситъ хозяйку держать и кормить его въ долгъ. «Кто же вы такой?» спрашиваетъ та. «Человѣкъ себѣ, какъ видите», отвѣчаетъ невозмутимо поэтъ. Хозяйка, пораженная, вѣроятно, такой откровенностью, приняла его. Скоро она, конечно, узнала, кто такой былъ ея случайный квартирантъ. Онъ велъ здѣсь, можно сказать, самый примитивный образъ жизни. Вставалъ въ 4 часа утра, чтобъ послушать какъ птички прощобечутъ свой первый привѣтъ лѣтнему утру; а въ роскошныя украинскія ночи ходилъ иногда до зари по двору: его не пускали въ комнату «неисчисленныя зироньки»... Умывался на дворѣ, вытянувши собственноручно изъ колодца ведро свѣжей воды... Ълъ самую простую пищу, а послѣ обѣда ложился подъ яблоней и сзывалъ дѣтей «на розмову». Какъ только онъ засыпалъ, дѣти, по условію, должны были тихо удалиться. А разъ, созвавъ съ полсотни ребятешекъ, онъ устроилъ цѣлый пиръ на деньги, случайно найденныя въ грязномъ бѣльѣ и за обертками книгъ. Хотя онъ жилъ въ это время въ долгъ, но «дурнымъ грошамъ», рѣшилъ онъ, должна быть и «дурва дорога». И устроилъ дѣтское пированіе на славу; накупилъ массу лакомствъ, прибралъ дворъ, высыпалъ свѣжей травой и сталъ забавляться со своими гостями. Вѣроятно у него никогда не собиравлось такъ много и такихъ веселыхъ гостей... Наконецъ хозяйка ихъ выпроводила со двора; захвативши съ собою цѣлый возъ яблоковъ, грушъ, пряниковъ, бубликовъ и проч., они перебрались на выгонъ. Здѣсь Шевченко почувствовалъ себя еще свободнѣе: онъ бѣгалъ, суетился, хохоталъ, дурачился, а взрослые сосѣдніе люди, смотря со стороны, говорили: «этотъ старый вѣроятно того... вѣроятно немного не въ своемъ умѣ»... Но самое любопытное во всемъ этомъ житіи поэта въ Кіевѣ то, что ближайшіе люди не видѣли его здѣсь ни разу *пьянымъ*. Можетъ быть объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве совсѣмъ не слѣдовало бы упоминать, такъ какъ ни произведенія Шевченко, ни его отношенія къ людямъ, не носятъ на себѣ ни малѣйшаго отпечатка его губельнаго пристрастія; само же по себѣ оно находитъ полное объясненіе въ его злополучной жизни. «Муза Шевченко, говоритъ Костомаровъ, не принимала на себя ни разу печальныхъ слѣдствій, разстраивавшихъ тѣлесный организмъ поэта; она всегда оставалась чя-

стою, благородною, любила народъ. скорбѣла виѣсть съ нимъ о его страданіяхъ и никогда не грѣшила неправдою и безирравственностью». Къ сожалѣнію многочисленныя «друзья», напавшшіе его при жизни, не оставили въ покоѣ и его многострадальной тѣни; они въ своихъ сочиненіяхъ, воспоминаніяхъ, рѣчахъ и т. п., точно съ какимъ-то удовольствіемъ, отмѣчаютъ факты его нетрезваго поведенія; одинъ изъ нихъ даже на могилѣ поэта не постыдился напомнить, что покойный «горилкою выпивався дуже», а другой называетъ даже самую музу его пьяною. Неразборчивые же біографы все валяютъ въ одну кучу. Такъ, читая одну изъ наиболѣе подробныхъ біографій, вы положительно недоумѣваете, зачѣмъ это автору понадобилась вся эта коллекція фактовъ, позорныхъ, въ концѣ концовъ, вовсе не для поэта, такъ какъ образъ его все-таки остается чистымъ даже по мнѣнію того же біографа, а для самихъ коллекціонеровъ, выдающихъ свои вкусы. Это-то обстоятельство и заставляетъ насъ говорить о злополучномъ пороцѣ Шевченко. И такъ, среди простой обстановки, природы, дѣтей, его не видятъ пьянымъ; но тотъ же Шевченко предается излишествамъ не только среди записныхъ «мочемордъ», но даже и въ кругу своихъ интеллигентныхъ петербургскихъ, кіевскихъ и иныхъ знакомыхъ и друзей... Мы думаемъ, что ларчикъ просто открывался: за исключеніемъ отдѣльныхъ интеллигентныхъ людей, Шевченко и въ этомъ «избранномъ» кругу было «вудно», какъ выражаются малороссы. И верѣдко онъ, вѣроятно, уходилъ изъ гостиной господъ Максимовичей et tutti quanti въ дворницкую или въ крестьянскую хату и ужасающій контрастъ поражалъ его и онъ не находилъ исхода своимъ чувствамъ и мыслямъ... А люди гостиной говорили: закутилъ нашъ «любый» поэтъ.

Получивши деньги, Шевченко рассчитался съ хозяйкой и отправился въ Петербургъ. Но Петербургъ теперь уже не прельщалъ его. Онъ просто слѣдовалъ благоразумному совѣту, который далъ ему генералъ-губернаторъ. Приѣхавши-же, онъ начинаетъ тосковать и рваться на родину. Поэту было уже 45 лѣтъ. Онъ, вѣчный скиталецъ, усталъ. Онъ искалъ теперь покоя и пріюта, въ которомъ такъ долго отказывала ему судьба. Признанный пѣвецъ своего народа, смѣшно сказать, не зналъ куда ему голову *преклонить!* Его пріютила академія художествъ, гдѣ онъ, точно *на бивакахъ*, расположился на антресоляхъ. Но вѣдь не вѣчныя же это былъ пріютъ. Наконецъ, вести постоянно бивачную жизнь

гяжело человекѣ и не его лѣтъ. А затѣмъ эти гостинныя, эти разговоры, праздные разговоры, эта вѣчная сутолока и, въ результатѣ, эти приступы, опасные и вмѣстѣ съ тѣмъ роковые при данныхъ условіяхъ приступы разгула,—все это становилось невыносимо. Долго поэтъ искалъ своей доли и въ этихъ поискахъ блуждалъ, боролся и страдалъ въ лабиринтахъ русской культурной жизни; исходивши ее вдоль и поперекъ, онъ наконецъ нашелъ выходъ. Онъ оставитъ шумный свѣтъ. Онъ возвратится туда, откуда пришелъ: тамъ, на берегу Днѣпра, онъ построитъ себѣ хату и будетъ жить среди своего народа. Конечно, онъ и тамъ будетъ продолжать дѣлать свое дѣло, пѣть чудныя пѣсни и будить уснувшую мысль. Жизнь съ народомъ возвратитъ ему прежнюю силу и бодрость, а расширенная тяжкимъ опытомъ и усиленной работой мысль еще глубже проникнетъ въ существо народной жизни. Вообще рѣшеніе поэта переселиться на берегъ Днѣпра и жить среди народа, мы должны привѣтствовать, какъ въ высшей степени благодѣтельный поворотъ въ его жизни.

Онъ усталъ, говорятъ намъ. Было отъ чего, отвѣтимъ мы. Но тяжкія испытанія не убили въ немъ творческой силы и способности «глаголомъ жечь сердца людей»... И кто знаетъ, какія-бы пѣсни мы услышали изъ устъ его, если-бъ ему довелось осуществить свою мечту и пожить въ своей хатѣ надъ Днѣпромъ... «Слава мнѣ не помогаетъ, пишетъ онъ Вареолюмѣ Шевченко, и если, думается мнѣ, я не заведу собственного очага, то она меня и въ другой разъ погонитъ туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ пастъ. Такъ или иначе, а необходимо-же куда нибудь приклониться. Въ Петербургѣ я не высижу: онъ меня задавитъ. Тоска такая, что пусть Богъ хранить отъ нея всякого крещенаго и некрещенаго человекѣ»... И онъ горопитъ своего друга съ покупкою мѣста подъ усадьбу. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ осмотровъ и попытокъ купить, они остановились, наконецъ, на мѣстѣ возлѣ Канева, на правомъ берегу Днѣпра.

«Тамъ, на высокой горѣ, пишетъ ему Вареолюмѣ Шевченко, есть лѣсочекъ, посреди того лѣсочка—полянка; далеконько отъ города; внизу нѣсколько рыбацкихъ хатъ. На горѣ очень много дикихъ яблонь и грушъ; можно будетъ садикъ развести. «Любый староденный Днипро» будетъ казаться тебѣ подъ самыми ногами. Криничная вода недалеко, а рыба каждое утро будетъ свѣжая, такъ какъ рыбаковы будутъ ее возить мимо твоего порога»... Такова *ыла идилія Шевченко, и она, казалось, близилась къ осуществленію.*

И скоро надъ этой горой дѣйствительно былъ водруженъ крестъ, не тотъ, который ставятъ плотники при постройкахъ, а печальный могильный крестъ...

Но одинокая бобыльская жизнь даже въ хатѣ надъ Днѣпромъ не могла особенно привлекать Шевченко; онъ не вынесъ-бы одиночества. Отсюда понятна настойчивость и торопливость, съ какою онъ хочетъ во что-бы то ни стало «одружиться». Онъ ищетъ, очевидно, уже не жену и подругу, а просто хозяйку; поэтому-то и неудачи не особенно задѣваютъ его. Начинаетъ онъ съ Хариты, крѣпостной дѣвушки, служившей по найму у Вареоламея Шевченко; онъ спрашиваетъ въ письмѣ, не сватаетъ-ли ее кто и, если нѣтъ, то пусть онъ выпытаетъ у нея, не пойдетъ-ли она замужъ за него. Пріятель былъ озадаченъ такимъ выборомъ и пытается убѣдить его, что Харита ему не пара. «Человѣкъ ты письменный, пишешь онъ поэту, дѣло твое такое, что живучи надъ Днѣпромъ въ одиночествѣ только съ женою ты почувствуешь когда нибудь, можетъ быть, надобность похвалиться передъ женою, что вотъ тебѣ пришла такая-то мысль, что вотъ что ты написалъ, да и захочешь прочесть ей. Что-же тебѣ скажетъ Харита?... Тогда ты еще больше затоскуешь... Или если Богъ дастъ дѣтокъ, кто-же покажетъ нѣгъ дорогу?».. На это поэтъ отвѣчаетъ: «Твои разсужденія хороши, спасибо тебѣ! Ты только забылъ одно: я *по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего безталаннаго народа*, такъ какъ-же я могу соединиться съ панскою кровью? Да и что такое образованная барышня будетъ дѣлать въ моей мужичьей хатѣ... Мать—при всякихъ условіяхъ мать: если она любящая и разумная, то и дѣти выйдутъ въ люди; . . если-же она, хотя-бы и образованная, но лишена разума и сердца, то и дитя вырастетъ негодяемъ, все равно какъ въ шинкѣ»... Онъ настоятельно и не въ одномъ письмѣ проситъ друга, чтобы тотъ устроилъ дѣло въ его пользу, а иначе угрожаетъ жениться на такой «шерепи», что и ему стыдно станетъ. Однако Харита заупрямилась; она считала Шевченко за пана и боялась, что тотъ, хотя и выкупитъ ее, чтобы жениться, но затѣмъ закрѣпоститъ на весь вѣкъ. Поэтому Харита оставлена, хотя и не безъ сожалѣнія; поэтъ проситъ высмотрѣть для него другую дивчину, даже вдову, лишь-бы «честного роду». И не одному только названному брату онъ даетъ такія порученія. Раньше онъ *о томъ-же просилъ жену Максимовича*. «Жените, проситъ онъ ее, *будьте такъ добры*. А то, если не жените, то и самъ Богъ не женить, такъ и пропаду бурлакомъ на чужой сторонѣ»... Наконецъ

самъ поэтъ встрѣтилъ у знакомыхъ въ Петербургѣ одну дѣвушку, хохлушку, крѣпачку и сироту, т. е. именно то, что ему было нужно, и остановилъ на ней свой выборъ. Лукерья, такъ звали ее, была очень милостивой дѣвушкой, но лѣнивой, неряшливой и необыкновенно вѣтреной. Ей не нравился Шевченко, «старый та сердитый», но она готова была выйти за него замужъ, потому что считала его богачемъ. Шевченко объявилъ ее громогласно своей невѣстой, возилъ даже къ графинѣ Толстой, помѣстилъ на отдельной квартирѣ, причеиъ «господа» боялись отпустить дѣвушку и онъ, присѣвши къ столу, тутъ-же написалъ экспромтомъ стихотвореніе:

«Моя ты любя! Мій ты друже!
Не й муть намъ виры безъ хреста,
Не й муть намъ виры безъ поа,
Рабы, невольники недужи!»

Онъ сталъ обшивать ее и дарить ей разные подарки. Однако, не долго продолжалось это увлеченіе. Неряшливость Лукерьи страшно бѣсила его и привела въ концѣ концовъ къ полному разрыву. Эта неудавшаяся женитьба закончилась слѣдующихъ трагикомическимъ объясненіемъ въ присутствіи постороннихъ лицъ. «Лукеро, говоритъ поэтъ, скажи правду, обращался-ли я когда нибудь съ тобою вольно?»—«Нѣтъ, тихо отвѣчаетъ та, потупившись».—«А, можетъ быть, я сказалъ тебѣ когда какое нибудь неприличное слово?»—«Нѣтъ».—Тогда онъ вдругъ поднялъ кверху обѣ руки, затопалъ ногами и не своимъ голосомъ, въ изступленіи закричалъ: «Такъ убирайся-же ты отъ меня!... иначе я задавлю тебя!...» Лукерья стрѣлой вылетѣла изъ комнаты. Поэтъ однако не примирился со своими неудачами и до самой смерти, повидимому, продолжалъ розыскивать себѣ невѣсту.

Много успѣшнѣе шли его хлопоты по освобожденію родныхъ братьевъ и сестры изъ крѣпостной зависимости. Какъ мучило поэта ихъ положеніе, видно изъ заключительныхъ словъ его автобіографіи: «И что-же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть, говорить онъ. Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно, оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, милостивый государь, обращается онъ не только къ редактору «Народнаго чтенія», гдѣ помѣщена была эта автобіографія, но къ каждому читателю,—они до сихъ поръ крѣпостные!» Мысль

объ ихъ освобожденіи не покидаетъ его даже наканунѣ всеобщей «воли». Можетъ быть онъ опасался, чтобы они не были отпущены на волю безъ земли. Впрочемъ и помимо этого всякая минута, проведенная родными на панщинѣ, всякій часъ подневольной жизни, очень легко, какъ онъ хорошо зналъ, превращавшійся въ несчастіе цѣлой жизни, мучили его и онъ спѣшилъ въ свободить ихъ. Планъ освобожденія обсуждался сначала поэтомъ совместно съ Варооломеемъ Шевченко. Помѣщикъ соглашался отпустить, но безъ земли и съ тѣмъ условіемъ, чтобы получивші вольную немедленно выселились изъ его владѣній. Шевченко предупреждалъ родныхъ, чтобы они не соблазнялись такой свободой и предлагалъ помѣщику заплатить по 85 руб. за душу съ земельнымъ надѣломъ; тотъ не согласился. Дѣло измѣнилось, когда въ немъ приняло формальное участіе «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», и Шевченко получили свободу еще при жизни поэта за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія манифеста 19 февраля.

Но не одни только личные и семейныя дѣла занимали поэта въ эти послѣдніе годы его жизни. Еще раньше онъ задумалъ второе изданіе «Кобзаря» съ присоединеніемъ «Гайдамаковъ» и другихъ стихотвореній, написанныхъ позже; онъ хотѣлъ выпуститъ ихъ подъ общимъ названіемъ «Поэзія Т. Шевченко». Не находилъ только подходящаго издателя. Во время же поѣздки въ Малороссію, онъ посѣтилъ сахарный заводъ Яхненко и Симиренки и здѣсь Симиренко предложилъ ему матеріальную поддержку. Со гласно общанію, онъ выслалъ поэту въ Петербургъ 1.100 руб. на изданіе съ тѣмъ, чтобы ему было прислано соответствующее число экземпляровъ книги. Много было хлопотъ съ цензурой стихотворенія пересылались изъ главнаго управленія въ комитетъ нѣсколько разъ, и дѣло затянулось-бы, вѣроятно, надолго, если-бъ Шевченко не обратился къ министру народнаго просвѣщенія, Ко валевскому, который и разрѣшилъ печатаніе предоставленной ему властью.

Новое изданіе «Кобзаря», хотя далеко неполное, былъ встрѣчено малороссами съ восторгомъ. Такъ г. Кулишъ писалъ ему изъ Полтавы, что тамъ не только люди интеллигентные, «а всякъ душа письменна и щира» носится съ его «Кобзаремъ», какъ съ *какой-нибудь драгоценностью*, но что впрочемъ полтавцамъ *скоро не нужна будетъ эта книга, такъ какъ они выучатъ въ стихи на память; да чуть-ли не по «Кобзарю» они и Богу*

атся, замѣчаетъ онъ. На этотъ разъ и столичная критика, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отнеслась сочувственно къ Шевченко. Она уже признавала за малороссами право и способность говорить на родномъ языкѣ, а на стихотворенія украинскаго поэта указывала, какъ на интересныя «не для однихъ только грастныхъ приверженцевъ малороссійской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи».

Покончивши съ изданіемъ «Кобзаря», Шевченко приступилъ къ новому и огромному дѣлу, которое могло бы наполнить многіе годы его жизни. Когда идея объ освобожденіи крестьянъ была разработана литературою въ предѣлахъ предоставленной ей возможности и самое освобожденіе должно было совершиться не сегодня-завтра, то естественно, что мысль лучшихъ людей направилась на другой первостепенной важности вопросъ—на просвѣщеніе народа. Сегодняшнему крѣпостному, живущему по указѣ своего господина, завтра придется жить своимъ умомъ; важно и необходимо не только для него лично, но и для всего общества, тобы онъ устроилъ свою жизнь добпорядочно, осмысленно, вообще разумно. Но возможно-ли это, если свободный народъ будетъ ребывать въ такомъ-же мракѣ невѣжества, какъ и въ эпоху своего закрѣпощенія? Конечно, нѣтъ. Необходимо заняться распространеніемъ грамотности и знаній. Въ ту пору это дѣло было еще совершенно новое, и непочатая нива народнаго невѣжества азалась просто безпредѣльной. Но и увлеченіе, и энергія среди роснущагося общества были также не малы. Въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и городамъ начали возникать школы. Тутъ-то и открылся новый пробѣлъ: не оказалось не только народной литературы, но даже букварей, приспособленныхъ для народной школы. Шевченко, задолго еще до этого порыва, охватившаго русское общество, прекрасно сознавалъ и понималъ настоятельную необходимость для народа просвѣщенія. Читатель не забудь, броятно, что еще въ глухіе сороковые годы, онъ обсуждалъ мѣстѣ съ кievскими пріятелями разные планы по части освобоженія и просвѣщенія народа. Но тогда дѣло дальше разговоровъ не пошло. Теперь было другое время. Еще въ Нижнемъ-Новгородѣ, на пути изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко получилъ письмо отъ Костомарова, въ которомъ нашъ извѣстный историкъ, между прочимъ, говоритъ, что настало время *вослутся нашему народу и начать дѣйствовать своимъ разумъ.* Въ царскомъ рескриптѣ, продолжаетъ онъ, сказано,

чтобы открывать повсюду школы и заботиться о просвѣщеніи народа, и мы должны воспользоваться этой царской милостью: нужно заводить школы по деревнямъ и обучать дѣтей, а для этого нужно то, по чему учиться. «А то теперь всякій станетъ насмѣхаться надъ нами: вотъ, скажетъ, писали, писали и повѣсти, и комедіи, и романы, а самое главное забыли... Теперь намъ нужна своя грамматика, краткая естественная исторія, краткая географія да космографія, да книжки о законахъ, принаровленные для народа...» А Кулишъ въ это-же время предлагалъ ему заняться рисованіемъ картинъ для народа изъ исторіи Малороссіи съ подписями изъ его «думъ» или для этой цѣли составленными; самъ-же брался отпечатать ихъ и пустить въ продажу по дешевымъ цѣнамъ. Но Шевченко тогда самъ находился на перепутьи и не зналъ, куда еще вынесетъ его житейская волна. Только побывавъ на родинѣ и возвратившись въ Петербургъ, онъ снова обращается къ своему давнишнему намѣренію принять непосредственное участіе въ распространеніи грамотности среди народа. Составленный имъ малорусскій букварь представляетъ первую его попытку въ этомъ направленіи. Затѣмъ онъ задумалъ написать также на малорусскомъ языкѣ ариметику, этнографію съ географіею и исторію для народа. «Если-бы Богъ помогъ мнѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ Чалому, сдѣлать это маленькое дѣло, то большое сдѣлалось-бы само собою...»

Но эти начинанія остались неоконченными. Съ конца 1860 года поэтъ сталъ серьезно недомогать. Онъ не могъ уже лично принимать участія въ собраніяхъ по по воду новаго журнала «Основа», посвященнаго интересамъ южнорусской жизни, хотя изданіе такого журнала составляло его давнишнюю мечту. Доктора констатировали водянку и совѣтовали ему беречься. Онъ безвыходно сидѣлъ дома. 2-го января 1861 года онъ съ трудомъ уже могъ написать письмо Варѣоломею. «Утомился, говоритъ онъ, словно копну ржи за однимъ заходомъ смолотилъ». Болѣзнь быстро развивалась, бросилась на грудь, и лѣкарства уже не облегчали положенія больного. 24 февраля онъ пишетъ къ одному знакомому: ... «Я боленъ другой мѣсяць: не только на улицу, меня и въ корридоръ не пускаютъ. И не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество». 25 февраля, въ *день своихъ именинъ*, онъ не могъ уже встать; пришедшіе къ *нему друзья застали его въ страшныхъ мукахъ: онъ сидѣлъ на кровати и тяжело дышалъ.* «Вотъ если-бы мнѣ добраться домой,

оворилъ онъ, выслушивая поздравленія и телеграммы отъ земляковъ, можетъ быть, я и поправился-бы.» День прошелъ крайне безпокойно: больной не могъ найти себѣ мѣста на кровати; онъ оставался одинъ и пробовалъ заснуть, то звалъ кого-нибудь изъ пріятелей или доктора. Ночь—также; боль въ груди не позволяла ему лечь и онъ просидѣлъ все время на кровати, упершись въ нее руками. Наконецъ, на слѣдующій день, 26 февраля, въ 5 ч. утра, онъ выпилъ стаканъ чаю и спустился внизъ въ вою мастерскую; но здѣсь съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ упалъ. Черезъ полчаса не стало Тараса Григорьевича Шевченко. Не стало теловѣка, но вмѣсто него остался на долгія времена «Кобзарь», трогательными и пламенными пѣснями котораго будутъ зачитываться люди до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать малорусскій или вообще русскій языкъ...

Прахъ Шевченко похоронили сначала на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, а потомъ перевезли въ гробъ, покрытомъ по казацкому обычаю червою (красною) китайкою, на Украину, исполняя волю умершаго, выраженную въ извѣстномъ стихотвореніи:

«Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Середъ степу широкого
На Вкраїні милій:
Щобъ лани широкополі
І Днипро, і кручи
Були видні, було чути
Якъ реве ревучий»

И теперь всякій, проѣзжающій по Днѣпру, даже ничего не лышавшій о Шевченко, невольно обращаетъ вниманіе на одинокій крестъ, подымающійся къ небу надъ высокими обрывистымъ берегомъ, недалеко отъ Канева, по направленію къ Кіеву. Тамъ, надъ громаднымъ курганомъ, напоминающемъ стародавнія «могины», поконтся прахъ народнаго поэта; а духъ его витаеть «середъ степу широкого, на Вкраїні милій».

Шевченко, какъ поэтъ и художникъ.

Мнѣнія нѣкоторыхъ писателей.—Что такое великій народный поэтъ?—
Содержаніе поэзіи Шевченко.—Отношеніе народа къ его личности.—
Шевченко, какъ художникъ.

Болѣ трехъ десятилѣтій прошло уже со времени смерти Шевченко, а наша литературная критика все еще не оцѣнила и не можетъ оцѣнить въ полномъ объемѣ творческаго произведенія этого своеобразнаго, самобытнаго таланта и дѣло, совершенное имъ. Тѣмъ менѣе конечно читатель въ правѣ ожидать такой оцѣнки въ настоящей біографіи. Мы приведемъ мнѣнія нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ и ограничимся самыми общими замѣчаніями.

«Шевченко,—говоритъ Добролюбовъ,—поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ не идетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдалается отъ народа. У Шевченко, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни.

Онъ вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ. Былъ онъ и въ кругу образованнаго общества, мало-русскаго и велико-русскаго, но долгое время встрѣчалъ въ немъ лишь отталкивающую презрительную грубость, притѣсненія, насилія, несправедливость и зато, при первыхъ же лучахъ правственнаго свободнаго сознанія, тѣмъ сильнѣе устремился онъ душою къ своей бѣдной родинѣ, припоминая ея сказанія, повторяя ея пѣсни, представляя себѣ ея жизнь и природу»... Еще опредѣленнѣе и рѣзче выражается Костомаровъ. «Шевченко, говоритъ онъ, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченко была сама по себѣ на-

родная пѣсня, только новая—такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, какая должна была вылиться изъ народной души въ продолженіе народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи этого слова... Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души... Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ уже заговорить и только ожидалъ, чтобы изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ; и вслѣдъ за такимъ творцомъ точно такъ заговорить и весь народъ и скажетъ единогласно: это — мое; и будетъ повторять долго, долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтического творчества. Поэзія Шевченко есть непосредственное продолженіе народной поэзіи»...

Шевченко дѣйствительно настоящій и типичный *народный* поэтъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова. Но въ томъ-то и горе, что этотъ общеупотребительный смыслъ, не такъ давно еще вполне ясный и точный, въ настоящее время много потерялъ въ своей опредѣленности. Раньше понятіе «народъ» (въ противоположность вообще культурнымъ классамъ) какъ бы обединяло и придавало конкретную форму такимъ, казалось, метафизическимъ концепціямъ, какъ справедливость, свобода, равенство и т. д. Но ближайшее изученіе обнаружило, что народъ въ этомъ отношеніи вовсе не представляетъ однородной среды, что здѣсь наблюдается не меньшее разнообразіе самыхъ противоположныхъ стремленій и инстинктовъ, даже цѣлыхъ міросозерцаній, чѣмъ и въ такъ называемыхъ культурныхъ классахъ. Поэтому сказать, что народный поэтъ сохраняетъ связь съ міросозерцаніемъ и идеалами народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, это значить говорить общія мѣста; ибо для человѣка, вовсе незнакомаго съ разсматриваемымъ поэтомъ, неизбежно возникаетъ вопросъ, съ какими же именно идеалами, и развѣ можетъ истинный поэтъ не сохранять связи съ своимъ народомъ...

Нынѣ, какъ извѣстно, самые ретроградные планы строятся на народныхъ идеалахъ и нельзя сказать, чтобы это были одни только мыльные пузыри. Но на ряду съ анализомъ, разложившимъ понятіе, недавно еще служившее девизомъ цѣлаго, вполне *опредѣленнаго общественнаго* теченія, слѣдуетъ отмѣтить и *начинающій складываться синтезъ*. Мы начинаемъ убѣждаться, что

противопоставленіе народа и интеллигенціи по всѣмъ существеннымъ пунктамъ не выдерживаетъ критики, а практически не сулитъ ничего добраго и, по мѣрѣ роста этого убѣжденія, все больше и больше останавливаемся на томъ, что объединяетъ, а не разъединяетъ эти два общественные слоя, и такимъ образомъ мало-помалу приближаемся къ дѣйствительному *народному* самопознанію въ томъ смыслѣ, какъ это понятіе употребляется въ западной Европѣ, и представителями котораго служатъ между прочимъ: Шекспиръ — для англичанъ, Гёте — для нѣмцевъ, Данте — для итальянцевъ и т. д. Такимъ образомъ мы какъ бы возвращаемся къ понятію о народѣ, какъ націи, но съ тѣмъ громаднымъ различіемъ, что вносимъ въ него богатѣйшее содержаніе, добытое изученіемъ рабочихъ слоевъ общества. Мы почти всѣ теперь соглашаемся, что Пушкинъ — нашъ народный поэтъ; въ томъ же смыслѣ европейская печать единогласно считаетъ Толстого народнымъ русскимъ писателемъ и ставитъ его на ряду съ перворазрядными гениями. Оба они рисуютъ намъ доподлинно истинными и неизгладимыми чертами внутреннюю душу и вѣшній бытъ русскаго общества, какъ оно окончательно сложилось на основѣ крѣпостнаго права, показываютъ, какимъ образомъ общечеловѣческіе характеры видоизмѣнялись, развивались, приобрѣтали свои отличительныя особенности въ этой именно общественной атмосферѣ. Онѣгинъ, Татьяна, Пьеръ Безухій, Анна Каренина, Вронскій, Левинъ, Каратаевъ—все это продукты, выросшіе на почвѣ крѣпостнаго права. Такой писатель становится всегда въ ряду перворазрядныхъ гениевъ всего человечества, такъ какъ онъ воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлую, закончившуюся, уже сказавшую свое послѣднее слово историческую эпоху извѣстнаго народа. Его устами говоритъ дѣйствительно весь народъ; онъ и есть истинно великій народный поэтъ. Можемъ ли мы назвать въ этомъ смыслѣ Шевченко великимъ поэтомъ?

Въ исторіи Малороссіи, вообще бѣдной событіями, есть одна въ высшей степени замѣчательная героическая страница. Это—эпоха борьбы за казацкую равноправность противъ шляхетскихъ привилегій, за свободу и самостоятельность, за вѣру. Еслибы въ исторіи Малороссіи не было этой страницы, то можно сказать не было бы и самой исторіи. Существуетъ прекрасная пѣсня (сложенная въ позднѣйшее время) о бѣдной чайкѣ, которая вывела своихъ дѣтей при *большой проѣзжей дорогѣ*; всякій, кому только не лѣнь, обижаетъ ея *птенцовъ*. Эта чайка и есть Малороссія. Втеченіе цѣлыхъ вѣковъ дѣ-

тямъ ей приходилось терпѣть нашествія разныхъ народовъ, отражать ихъ или искать спасенія въ бѣгахъ. Но когда дѣло коснулось самаго существованія, когда передъ нею былъ поставленъ роковой вопросъ: быть или не быть—она возстала, какъ одинъ человѣкъ. Эта кровавая борьба представляетъ цѣлую эпопею, запечатлѣнную геройскими подвигами. Народъ воспѣлъ ее въ своихъ многочисленныхъ пѣсняхъ; но не нашлось еще такого индивидуальнаго пѣвца, который охватилъ бы ее во всей полнотѣ и создалъ бы изъ нея единое величественное произведеніе слова. Шевченко былъ близокъ къ этому и по силѣ его дарованія можно думать, что онъ достигъ бы этого, еслибы не его злополучная судьба, державшая поэта до 24-хъ лѣтъ въ тискахъ крѣпостничества, а затѣмъ игравшая человѣкомъ, точно мячикомъ, перекидывая его изъ брюловскаго кабинета къ мочемордамъ, а оттуда въ ряды подневольныхъ солдатъ, въ далекій пустынный край и т. д.

Мы не говоримъ уже о томъ, что ему приходилось также бороться и за кусокъ хлѣба. Такія условія обыкновенно убиваютъ менѣе стойкія дарованія, но могучему таланту Шевченко они помѣшали только подняться на ту высоту, съ которой онъ могъ-бы обозрѣть судьбы своего народа и нарисовать цѣльную картину его героической борьбы. Его стихъ обладаетъ *музыкай слова*, составляющей отличительную особенность всякаго великаго поэта. Поэтому-то, даже не говорящіе по малорусски съ удовольствіемъ слушаютъ и читаютъ произведенія Шевченко, такъ какъ всякій, не понимая вполнѣ ихъ внутренней мелодіи, чувствуетъ внѣшнюю мелодію слова. Поэтому же многія изъ его стихотвореній теперь чаще поются, чѣмъ читаются. Такимъ образомъ мы признаемъ, что Шевченко располагалъ всѣми данными, чтобы стать великимъ народнымъ поэтомъ и сравняться съ передовыми гениями человечества; но онъ не совершилъ всего, что могъ совершить и не совершилъ потому, что люди поставили его въ невозможныя условія.

«Вообще», говоритъ вышеназванный критикъ, «спокойная грусть не похожая ни на безплодную тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькое отчаяніе, заливаемое часто разгуломъ, но тѣмъ не менѣе тяжелая, сжимающая сердце, составляетъ постоянный элементъ стихотвореній Шевченко. Какъ вообще въ малоросійской поэзіи, грусть эта имѣетъ созерцательный характеръ, переходитъ часто въ *вопросъ*, въ *думу*. Но это не рефлексія, это *дыханіе не головное, а прямо выливающееся изъ сердца*. Оттого оно *не охлаждаетъ теплоты чувства, не ослабляетъ его, а только дѣ-*

лаетъ его сознательнѣе, яснѣе, — и оттого, конечно, еще тяжелѣе». Такимъ образомъ глубокое, сердечное чувство, проникнутое грустью, и только изрѣдка юморомъ, составляетъ основной матерьялъ, изъ котораго поэтъ возводилъ всѣ свои произведенія, стихію, въ которой онъ постоянно вращался. И въ этомъ отношеніи онъ былъ кость отъ кости и плоть отъ плоти своего народа. Любопытно, что въ произведеніяхъ Шевченко, написанныхъ по малорусски, это чувство, не смотря на всю свою силу, никогда не выходитъ изъ своихъ границъ, никогда не затопляетъ мысли и не сглаживаетъ архитектурныхъ очертаній самого произведенія; тогда какъ въ повѣстяхъ на общелитературномъ языкѣ, оно поглощаетъ, какъ мысль, такъ и архитектуру, теряетъ свои естественные берега и становится сентиментальностью.

Мы не думаемъ, чтобы характеристика и группировка произведеній Шевченко по шаблонамъ, выработаннымъ схоластической словесностью, представляла для читателя какой либо интересъ. Поэтому, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, укажемъ лишь въ общихъ чертахъ на содержаніе его поэзіи. «Она», какъ замѣчаетъ цитированный уже критикъ, «содержитъ всѣ элементы украинской народной пѣсни» и является какъ по формѣ, такъ и по содержанію прямымъ продолженіемъ послѣдней. Уже одно это показываетъ, какой великой силой долженъ былъ обладать поэтъ, чтобы стать съ своимъ индивидуальнымъ трудомъ въ уровень съ коллективнымъ народнымъ творчествомъ.

Происхожденіе Шевченко изъ бѣдной крестьянской семьи, годы, проведенные въ положеніи крѣпостнаго, никогда не прерывающіяся связи его съ родной средой, наконецъ, положеніе вообще народа, изъ котораго онъ вышелъ, — все это опредѣляетъ въ существеннѣйшихъ чертахъ и содержаніе его поэзіи.

Крестьянскій міръ въ прошломъ и настоящемъ составляетъ центръ, главный пунктъ ея, затѣмъ въ болѣе позднее время, когда личныя испытанія еще болѣе расширили его умственный горизонтъ, присоединяются нѣкоторыя новыя наслоенія. Такимъ образомъ общія бытовыя картины, крѣпостная неволя, историческія судьбы народа, затѣмъ личная неволя со всей ея тоской и темы религиозныя и политическія — вотъ существеннѣйшія рубрики, между которыми распредѣляется все содержаніе поэзіи Шевченко. Мы не выдѣляемъ природы, хотя поэтъ относится къ ней всегда съ теплой любовью и у него не мало встрѣчается прекрасныхъ строфъ, посвященныхъ описанію степей, Днѣпра и т. д., но онъ говоритъ о при-

родѣ обыкновенно въ связи съ другими явленіями. И такъ вся поэзія его проникнута социальнымъ дуомъ.

Сначала онъ отзывается на явленія самаго общаго характера; онъ сочувствуетъ всякому горю и страданію. Любящая «дивчина» тоскуетъ по казаку, пропавшему безъ вѣсти; злая и развратная мачиха въ порывѣ ревности губитъ свою прекрасную падчерицу; дѣвушка любитъ своего «Петруся», а мать насильно хочетъ выдать ее за богатаго; безталанный сирота тоскуетъ и не знаетъ, съ кѣмъ ему раздѣлить свое горе; дѣвушка посадила на могилѣ своего жениха калину и ходитъ плакать туда, пока не умираетъ и т. д.—все это темы для общихъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ поэтъ рисуетъ радость и горе, не осложненные еще разными общественными противорѣчіями. Но въ такихъ, напримѣръ, произведеніяхъ какъ «Хустына», «Русалка» тѣ же радость и горе рисуются уже на фонѣ социальныхъ неправдъ и привилегій. Въ «Хустынкѣ» дѣвушка поджидаетъ своего возлюбленнаго чумака съ дальняго путешествія, но ему не повезло: его молодую силу *богачи кутили*; «може и дивчину безъ мене», тоскуетъ онъ, «зъ иншимъ одружылы» и умираетъ въ пути. Въ известномъ всякому читающему украинцу прекрасномъ стихотвореніи «Катерина»—передъ нами печальная картина любви дѣвушки къ «москалю». «Кохайтеся жъ чернобрывы, та не зъ москалями, говорить поэтъ, бо москали, чужи люде, сміються надъ вами!» Въ «Русалкѣ» на сценѣ уже крѣпачка и ея незаконный плодъ отъ пана. Эта тема занимаетъ особенно видное мѣсто въ произведеніяхъ поэта; разрабатывая ее все шире и шире, онъ является непримиримымъ и страстнымъ обличителемъ крѣпостничества. Къ этому же разряду стихотвореній относится и большая часть повѣстей, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Въ свое время, когда онѣ могли имѣть значеніе, онѣ не были напечатаны, какъ и малорусскія произведенія поэта, затрогивающія крѣпостной бытъ; теперь же онѣ кажутся намъ черезчуръ растянутыми, сентиментальными, и потому производятъ слабое впечатлѣніе. Впрочемъ, по справедливому мнѣнію г. Пыпина, едва ли мы въ правѣ прилагать къ этимъ произведеніямъ обычные требованія критики. «Это не столько повѣсти, говоритъ онъ, сколько наброски личныхъ воспоминаній, портретовъ виданныхъ лицъ, картинокъ любезнаго ему малороссійскаго быта и пейзажа, и съ этой точки зрѣнія мы найдемъ здѣсь много интереснаго и симпатичнаго и много для изученія самой личности поэта».

Относительно же всѣхъ вообще произведеній Шевченко, напра-

вленныхъ противъ крѣпостнаго права, нашъ извѣстный историкъ по крестьянскому вопросу дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Такии образомъ и въ стихахъ и въ прозѣ Шевченко не уставалъ бичевать ненавистное для него крѣпостное право; онъ затрунулъ, какъ ни видимъ, всѣ стороны жизни крѣпостныхъ: и угнетеніе крестьянъ тяжелыми поборами и повинностями, и страданія во время неурожая безъ помощи помѣщика, и торговлю людьми, и проигрываніе ихъ въ карты, и насилія надъ дѣвушками и женщинами, и печальное положеніе крѣпостнаго, получившаго образованіе. Поэтъ не ограничивался неприкрашеннымъ изображеніемъ этой горемычной жизни угнетеннаго народа; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ прочувствованныхъ стихахъ убѣждалъ пановъ, что необходимо добровольно улучшить положеніе крестьянъ (иначе дѣло можетъ кончиться худо), что высшее сословіе должно слиться съ народомъ. Сравнивая эти неустанныя обличенія крѣпостнаго права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ.. Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ спискахъ».

Переходя отъ печальнаго настоящаго къ прошлымъ судьбамъ своего народа, поэтъ останавливается на той блестящей эпохѣ, когда народъ, вступивъ въ борьбу за свое существованіе съ чуждыми ему элементами, искалъ равной для всѣхъ *правды*. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ онъ рисуетъ отдѣльные эпизоды этой борьбы, а въ большой поэмѣ «*Гайдамаки*»—цѣлое движеніе, извѣстное въ исторіи подъ тѣмъ-же именемъ. Въ этихъ произведеніяхъ находятъ себѣ выраженія завѣтныхъ убѣжденій самаго поэта, заклятаго врага всякаго насилія челоуѣка надъ челоуѣкомъ хотя бы и облеченнаго въ форму права. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній пополняло поэтическое чутье, такъ что не смотря на отдѣльныя ошибки и неточности, историческая поэма, думы и пѣсни Шевченко по духу своему и по внутренней правдѣ вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Относительно поэмы «*Гайдамаки*» профессоръ Антоновичъ говоритъ, что поэтъ *прекрасно понялъ положеніе «трехъ группъ населенія въ то время и обрисовалъ отношенія крестьянъ къ дворянству и евреямъ, отно-*

шпенія шляхты къ схизматикамъ и евреямъ и вывелъ типъ еврея въ его отношеніи къ казаку и шляхтѣ. Дворянство представлено въ поэмѣ всеильнымъ сословіемъ, не умѣющимъ полагать ограниченія своей власти, своевольнымъ, не уважающимъ личности. Мы видимъ толпу конфедератовъ, ловящихъ еврея, издѣвающихся надъ нимъ, вламывающихся въ домъ почтеннаго чело-вѣка, титара, съ корыстной цѣлью замучивающихъ его. Дворяне изображены неуважающими человѣческой личности, недопускающими ни малѣйшаго отступленія отъ разъ принятой политической системы. Вторую группу составляютъ евреи. Они кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полной увѣренностью, что они умнѣе. Имѣемъ въ поэмѣ и крестьянскіе типы, типы людей, лишенныхъ просвѣщенія, но чувствующихъ свою правоту, долгое угнетеніе которыхъ довело до ожесточенія, прорывающагося безчеловѣчною ненавистью. Крестьянскій типъ лучше всего отгѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ котораго была поправная правда. Наряду съ типами Желѣзняка и Гонты, обнаруживающаго крайнее самопожертвованіе въ сценѣ убіенія сыновей ради общаго блага, ложно, впрочемъ, понятаго, встрѣчаемъ болѣе глубокіе образы, напримѣръ образъ благочяннаго, освящающаго народную правду сознательнымъ словомъ...

Блескъ достославной эпохи казачества не ослѣпилъ, однако, Шевченко; она не превратилась для него въ своего рода идола и фетиша, какъ это и посейчасъ еще встрѣчается. Глубокая любовь къ людямъ и поэтическая проникательность открыли ему почти помимо какихъ бы то ни было историческихъ изслѣдованій, что какъ ни славно прошлое, однако не въ немъ слѣдуетъ искать идеала. Идеаль лежитъ впереди, а не назадъ. Пусть прошлое питаетъ наше героическое чувство и раскрываетъ намъ истинный духъ народа; но мы должны отрѣшиться отъ его роковыхъ заблужденій. Если «ляхи» были смертельными врагами свободолюбиваго казачества, то виноватъ ли въ томъ польскій народъ вообще? Нѣтъ, отвѣчаетъ поэтъ, это пришли *ксендзы и магнаты* и именемъ Христовымъ предали пламени нашъ тихій рай, разъединили и вооружили насъ, братьевъ, другъ противъ друга. Съ другой стороны, обращаясь къ родному казачеству, онъ и здѣсь далеко не все считаетъ прекраснымъ; онъ и здѣсь находитъ виновниковъ; это — «старшина», «гетьманы, усобники, ляхи поганы, недоумки», которые «безъ ножа и ауто-дафе людей закували та й мордуютъ»... Такимъ образомъ поэтъ вплотную подходитъ къ ши-

рокимъ общечеловѣческимъ идеаламъ, составляющимъ въ настоящее время достояніе всего передоваго человечества. Этими же духомъ проникнуты и всѣ его остальные произведенія, написанныя во время ссылки и по возвращеніи.

Какъ поэтъ, Шевченко до сихъ поръ остается во главѣ малороссійской литературы, которая продолжаетъ развиваться и въ нашемъ отечествѣ и въ Галиціи подъ сильнымъ вліяніемъ его творческаго гения. Затѣмъ, онъ оказалъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на разныя родственныя славянскія литературы; такъ въ польской онъ содѣйствовалъ своимъ демократизмомъ образованію партіи поляковъ-хлопомановъ, въ обще-русской—выступилъ самымъ передовымъ борцомъ своего времени за поработенный крѣпостничествомъ народъ и т. д. Произведенія его переведены на болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и обще русскій языки и, кромѣ того, еще на нѣкоторыя славянскіе. Одинъ изъ славянофильскихъ критиковъ превозглашаетъ его даже «первымъ великимъ поэтомъ новой великой литературы славянскаго міра».

До сихъ поръ сдѣлано очень немного для распространенія поэзіи Шевченко среди нашего народа; только немногія изъ его произведеній имѣются въ дешевыхъ народныхъ изданіяхъ, издаваемыхъ, кстати сказать, довольно бойко даже на сельскихъ ярмаркахъ. Нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго въ томъ, что вокругъ имени поэта, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ мѣсту его родины, народъ, по своему стародавнему обыкновенію, начинаетъ создавать разныя легендарныя сказанія. Его представляютъ въ образѣ великаго воина, героя, на подобіе Морозенко, Нечая, Палія и другихъ. «Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать», говоритъ одинъ наблюдатель, «я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему «сермяжный людъ»; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ волю».

Мы имѣли уже случай нѣсколько разъ указывать на то, что на ряду съ поэзіей Шевченко занимался и живописью; на нее онъ смотрѣлъ даже, какъ на свою будущую профессию, на свой настоящий хлѣбъ. Дѣйствительно это призваніе дважды «вызволяло» его изъ самыхъ безвыходныхъ положеній; но этимъ, можно сказать, и ограничивается его значеніе въ жизни поэта: хлѣба, даже насушнаго, оно не обезпечивало ему, и тѣмъ менѣе еще мы можемъ говорить о его картинахъ, какъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства. «Изъ его семи гравюръ, говоритъ художникъ Микѣ-

инь, можно заключить о замѣчательномъ дарованіи и можно гѣло сказать, что еслибы судьба не сыграла съ нимъ столь злой утки и если бы онъ мирно шелъ по дорогѣ совершенствованія въ художествахъ, то изъ него выработался бы замѣчательный реалистъ, какъ по пейзажу, такъ и по жанру». Мы не станемъ, однако, сѣтовать вмѣстѣ съ художникомъ Микѣшинымъ на «злую путку» судьбы; она своими путями, правда тернистыми и много-градальными, вела Шевченко къ неизмѣримо болѣе высокой цѣли. [кто же скажетъ, что она «зло» обманывала юношу, когда впервые ашептывала ему въ холодной сѣверной Пальмирѣ чудныя мелодіи ро знойныя степи, широкой и могучій Днѣпръ, «казацкія могилы»..., когда она отъ художественныхъ образовъ на полотнѣ влекала его къ еще гораздо болѣе художественнымъ и возвышеннымъ образамъ человѣческой рѣчи?.. Нѣтъ, она не шутила съ нимъ и не обманула его. Она подняла крѣпостнаго на высоту, которой никто не достигалъ ни раньше, ни позже изъ слѣдовавшихъ по тому же пути. А что на его долю выпали тяжелыя испытанія—отъ этого не избавлена ни одна истинно отважная, геройская душа.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЕ КНИГИ.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джеймса Салли*. Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Поллинса*. Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Торда*. Ц. 1 р. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Гигіена въ прим. къ обш. жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Гигіена женщины. *Д-ра М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гибера*. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. *Д-ра Перье*. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бѣды *д-ра Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Уходъ за больн. дѣтми. *Д-ра Перье*. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. *Д-ра Энциера*. Ц. 50 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варю*. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономорева*. Съ мног. рис. Ц. 1 р.

Записки мелудана. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Усталость. Бесѣды проф. *А. Мосса*. Перев. *Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мизули*. Съ пьмещ. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дарвинизмъ. *Э. Фертера*. Переводъ съ франц. Популяр. излож. ученія Дарвина. 2 изд. Ц. 60 к.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гексли, Гейки, Дайеромъ и Романсомъ*. Съ портр. Дарвина Ц. 75 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. Ц. 1 р. 25 к.

Фабричная гигиена. *Селтлооскаго*. 153 рис. 4 р.

Трудъ и напитокъ. Переводъ съ польск. *Свидерскаго*. Ц. 20 к.

Ручной трудъ. Составилъ *Графининъ*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ перешлетѣ 2 р.

Резьбасы о небѣ. *К. Фламариона*. Перев. съ французскаго. Ц. 64 рис. Ц. 50 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Свѣтъ Божій. Популярн. очерки міровѣдѣнія 6-е изд., значител. исправл., съ 65 рис. Ц. 30 к.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Предричскаго*. Со мн. рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламариона*. Перев. съ франц. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.

Который часъ? *Н. Вавилова*. Популярн. руководство для проверки часовъ и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Эйфелева башня. *Г. Тисановѣ*. 34 рис. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари*. Съ французскаго. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Перевелъ *Головог*. Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье*. Перевелъ *Головог*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколасъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуля. *Слоамиса*. 81 рис. Ц. 1 р. 50 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколаса*. Ц. 25 к.

Электричество и магнетизмъ. *А. Гано и Ж. Мансери*. Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. *О. Холлсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Генталье*. Со мног. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силъ на разстояніи). *Канна*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашней быту. *Э. Генталье*. Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Воттона*. Со свѣдѣніемъ о воздушныхъ зловѣкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примененія. Сочиненіе *Майера и Присса*. Перев. *Д. Голоса*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Наука о жизни. Популярная физиологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рисун. Ц. 1 р.

Экстазы человѣка. *П. Маттеицци*. Переводъ съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Умственные измѣненія. *Реньера*. Переводъ *Э. Зауера*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Психологія вниманія. *Д-ра Рыбо*. Ц. 50 к.

Психологія великихъ людей. *Жюли*. Ц. 1 р.

Современные психопаты. *Тюллера*. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и пошлость людей. *Д. Толброва*. Съ портр. автора и рисун. 2-е изд. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, тапелляци, соннамбулизмъ, гипнотизмъ. Ц. 1 р.

Физиологія души. *А. Герцена*, проф. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Физиологическая психологія. *Цитена*. Перев. подъ редакціей проф. *В. Чижка*. Ц. 75 ко.

Преступныя толпы. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сивеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Первобытные люди. *Дебера*. Перев. съ франц. и допот. *М. Энгельгардта*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Энцианаса*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. Ц. 2 р. 50 к.

Жизнь на Ствартъ и Югъ (отъ полуса до зиватора). *А. Брамъ*. Дополненіе въ его сочин. „Жизнь животныхъ“. Со многими рис. Ц. 2 р.

Вредныя полевныя растенія. *Версена*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73-мя рис. Изд. 2-е. Цѣна 60 к.

Школьный садоводъ. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.

Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шублера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Два тома. Цѣна каждого 50 к.

Съ декабря 1893 года начала издаваться въ С.-Петербургѣ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ этой библиотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько мелкихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ (отъ 5 до 15 на книжку). Цѣна книжекъ отъ 5 до 15 коп. До января 1894 г. вышло 15 книжекъ, въ которыхъ помѣщены доступныя для дѣтей сказки Андерсена. 15 книжекъ будутъ выходить по 4 въ мѣсяцъ.

В. ИЛИН. СЛВ., 19 АВГУСТА 1894 Г.

ГНЕ. ТОК. «ОВЩ. ПОЛЪСА», В. ПОДЪЯЧ. 19.